

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»

О. Л. Протасова

**ДЕЯТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
СОЦИАЛИЗМА
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

*Рекомендовано Научно-техническим советом университета
в качестве монографии*



Тамбов
Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ»
2017

УДК 94(47).08
ББК Т-3(2)
П83

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
А. А. Слезин

Доктор политических наук, профессор
В. Ф. Пеньков

Протасова, О. Л.

П83 Деятели демократического социализма в контексте политической культуры российского общества первой четверти XX века : монография / О. Л. Протасова. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2017. – 272 с. – ISBN 978-5-8265-1793-2.

Дается обобщенная характеристика политической культуры России, в том числе периода модернизации и социальных потрясений – первой четверти XX в. Рассматривается феномен демократического социализма в его российском варианте, представленном ПСР, РСДРП и ТНСП, партиями, чьи программы предполагали построение основ гражданского общества и, практически в современном понятии, социального государства. Даны основные социодемографические характеристики составов этих партий. Показаны кардинальные расхождения демократических социалистов и большевиков по ряду ключевых вопросов политической борьбы, в том числе в отношении этики в политике.

Предназначена для специалистов в области российской политической истории первой четверти XX в., студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих вопросы новой и новейшей истории России и международного социалистического движения, а также для широкого круга интересующихся данной проблематикой.

УДК 94(47).08
ББК Т-3(2)

*Работа подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
отделение по гуманитарным и общественным наукам (ранее – РГНФ),
проект № 15-01-00157а.*

ISBN 978-5-8265-1793-2

© Протасова О. Л., 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Особенности российской политической культуры конца XIX – первой четверти XX веков	16
1.1. Политическая культура как явление и проблемы ее идентификации	16
1.2. Российский политико-культурный колорит	18
1.3. Модернизация и политическая культура России	31
1.4. Демократический социализм и его российские представители	44
Глава 2. Социодемографический портрет российского социалиста первой четверти XX века	47
2.1. Население России: общая характеристика	47
2.2. Социалистическая элита России первой четверти XX в. в цифрах и тенденциях	49
2.3. «Тюрьма народов» или фабрика активизма? Этносостав и партийность	71
Глава 3. Этические принципы российского демократического социализма	82
3.1. «Выпускники школы Михайловского»	82
3.2. «Первая жертва». Акимов В. П. – один из первых деятелей демократического социализма марксистского толка	97
3.3. «Социалисты плюс либералы»: в вопросах этических – вместе, в политических – врозь	106
3.4. Социалисты и террор	120
3.5. Война, революция, социалисты и их мораль, классовая и человеческая	140
Глава 4. Центростремительные и центробежные процессы в партиях демократического социализма в 1917 г.	164
4.1. «Разноголосица» в социалистическом стане	164
4.2. Консолидация правонароднических сил	168
4.3. Партийная драма: раскол в ПСР	180

Глава 5. Всероссийское Учредительное собрание в оценке отечественного демократического социализма	201
5.1. Попытка народовластия	201
5.2. Анализ ошибок и перспектив	211
Глава 6. Русская социалистическая эмиграция 1920-х годов: дискуссии о советской власти и возвращении в Россию	218
6.1. «Досадное недоразумение»: демократический социализм в послеоктябрьской России	218
6.2. В Старом Свете	226
6.3. В Новом Свете	260
Заключение	266

ВВЕДЕНИЕ

О необходимости становления, развития и совершенствования гражданского общества за последние годы написано бесчисленное множество научных и публицистических работ, доказательства преимуществ этого социального устройства приводятся в учебниках, научных дискуссиях, средствах массовой информации. Словосочетание «гражданское общество» вкупе с нераздельно связанным с ним понятием «правовое государство» прочно вошли в обиход обычных людей. Эти выражения так часто употребляются в речах и разговорах на самых разных уровнях, что многие привыкли к ним и перестали вдумываться в их смысл. Тем не менее, этот социальный идеал для многих стран, где присутствуют, кажется, все элементы демократии (что считается основным условием существования гражданского общества), пока остается недостижимым. Даже наиболее благополучные государства не могут признать, что достигли совершенства в деле построения гражданского общества и этот процесс можно считать завершенным.

Гражданское общество – самостоятельная форма социальной организации. Его главная отличительная особенность – наличие высоко развитых экономических, культурных, правовых и политических отношений между его членами, взаимодействующими с государством, но независимыми от него. Гражданское общество является открытым социальным образованием, саморазвивающейся и самоуправляемой системой. Это – правовое демократическое общество, в котором люди, объединяясь в различные организации, устанавливая между собой разнообразные отношения, реализуют порой противоположные интересы, обеспечивают гармоническое, целенаправленное развитие общества без вмешательства государства как политической властной силы. Такое общество ориентировано на конкретного человека, создающего атмосферу уважения к правовым принципам и законам, общегуманистическим идеалам, обеспечивающее свободу творческой и предпринимательской деятельности.

Россия вступила на путь построения гражданского общества позже большинства стран англо-американской и континентально-европейской культуры. Причины этого запоздания известны всем – они не только в своеобразии исторического пути, пройденного Россией, но и в ряде объективных факторов, также напрямую влияющих на скорость и характер общественного развития: в особенности природных и климатических условий, с которых начнет объяснение любой социолог-позитивист и поборник принципа историзма; в национальном мента-

литете, складывающемся веками, в том числе под воздействием естественной среды; в уровне и качестве общей и, следовательно, политической культуры и т.п. Однако России свойственна способность форсированного развития после долгих периодов «спячки», стагнации (а в некоторых отношениях – даже регресса) – недаром существует поговорка о том, что русские долго запрягают, но быстро едут. Поэтому, встав на путь формирования гражданского общества со всеми необходимыми атрибутами, Россия берется за дело страстно, преодолевая препятствия, коренящиеся, прежде всего, не во внешних препонах, а в национальных традициях и характерных чертах отечественной ментальности.

Каковы эти черты, когда начался, кем продвигался и в какие формы облекался процесс складывания гражданского общества и соответствующей ему политической культуры на первой своей стадии, мы рассмотрим в данной работе. Также будет показано, что идеи, актуальные для демократии, на сегодняшний день – не столько результат современного политико-правового творчества, сколько интеллектуальный багаж, накопленный за многие десятки лет, и немалую лепту в его создание внесли отечественные мыслители, политические и общественные деятели. Этот вклад признан на международном уровне – теоретиками и практиками в деле продвижения в жизнь идеалов либерализма и социализма, т.е. идеологий, получивших наибольшее распространение в обществах, ближе всех подошедших к черте развитого гражданского общества. Россию пока отнести к таковым нельзя. Стране придется преодолеть многие стереотипы и препятствия, включая доминанту государственного начала над личностным и скептическое отношение граждан к законам (общеизвестное у нас «закон что дышло...» для настоящего гражданского общества – дикость). К сожалению, не в отечественной традиции учиться на чужих ошибках (что подделаешь!), да и свои ошибки не всегда идут впрок, однако нынешние политики и государственные деятели ни в коем случае не должны пренебрегать имеющимся у нас богатейшим идейным наследием и отвергать тяжелые уроки прошлого, которые довелось пройти их предшественникам, стремившимся направить Россию по демократическому пути сто лет назад.

В российской общественно-политической действительности периода становления демократической культуры (по определению Н. Селунской и Р. Тоштендаля¹), относящегося к началу XX в., к тако-

¹ Селунская Н. Б., Тоштендаля Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005.

вым как раз следует отнести партии демократического социализма. Этот термин ныне актуален, во-первых, в связи с доказанностью существования форм социализма недемократического (тоталитаризм, авторитаризм и т.д.), а, во-вторых, востребованностью в современной политике сил, органически сочетающих политический и экономический реализм и высокие стремления к социальной справедливости вкупе с уважением к человеческой личности.

История России первой четверти XX в. предлагает неисчерпаемый опыт для исследования проблемы политической культуры общества, его реализованных и упущенных возможностей развития на переломном этапе истории страны – в эпоху войн и революций. Конкретный выбор сюжета данной работы обусловлен также нынешним состоянием историографии российской многопартийности, в которой выявились акценты на изучение отдельных политических партий, преимущественно право- и леворадикальных, что вполне объяснимо. Но вследствие этого в тени остается собственно многопартийность как таковая, как политико-правовая система, с ее внутренними, имманентными связями и зависимостями. Наш объект – когорта политических деятелей России первой четверти XX в., в той или иной форме разделявших идеи социализма и эволюционные пути его достижения. При такой постановке вопроса в поле зрения историка правомерно попадают как целые политические партии (например, народные социалисты – наиболее яркие приверженцы социализма «с человеческим лицом», последовательно претворявшие свои программные установки), так и группы политиков разной партийной принадлежности – от правых большевиков (А. А. Богданов, Л. Б. Каменев и др.) и социалистов-либертаристов до либеральных выразителей этического социализма из числа «кадетствующих». В эту категорию по определению входят марксистские течения ревизионистского, каутскианско-бернштейнианского толка, допускавшие в теории мирное «вращение» социализма в капитализм. Идентификация этого направления политической мысли предполагает такие фундаментальные установки: народовластие (с различными вариациями этатизма), легальность, публичность деятельности, всестороннее развитие личности как общественный идеал, развитие через реформы, отвергавшее насильственные действия и всякого рода диктатуру.

Актуальность проблемы исследования обусловлена как преемственностью исторического опыта, устойчивостью культурно-политических архетипов и традиций, так и растущей ценностью демократических институтов общества, потребностями адекватной им политиче-

ской культуры. Политическая культура общества – фундамент, на основе которого должна строиться реальная практическая политика. Именно в рассматриваемое время (начало XX в.) в России происходит переход от традиционной политической культуры (по классификации Г. Алмонда и С. Вербы) к культуре гражданского типа, характерной, главным образом, для политически активной части населения, интеллигенции, элиты. Их воззрения, целеполагание и политическое поведение выглядят необычайно актуально в современных условиях процесса формирования гражданского общества и правового государства.

Прототипы феномена, названного в 50-х гг. XX в. «политической культурой», были известны еще в античности, а в XIX – начале XX вв. рассматривались в исследованиях, посвященных популярной тогда тематике «национального характера». В русской литературе мы находим его у историка второй половины XIX – начала XX вв. В. Герье². Первым же, кто, как считают, употребил это понятие в конце XVIII в., был немецкий просветитель И. Г. Гердер. Однако статус научной категории данный термин получил лишь во второй половине XX столетия, когда стараниями ряда исследователей, в первую очередь Г. Алмонда и С. Вербы, а также Л. Пая, У. Розенбаума, Д. Каванаха, Д. Элазара и других оно было введено в политологический лексикон.

Стимулом к исследованию феномена политической культуры явилось развернувшееся вскоре после окончания II Мировой войны сравнительное изучение политических систем. Почему, спрашивали компаративисты, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах имеют различные функциональные назначения; почему те или иные политические институты, отлично зарекомендовавшие себя в одних обществах, совершенно неэффективны в других; наконец, почему демократические по форме институты власти и конституционные нормы в отдельных странах могут вполне комфортно уживаться с антидемократическим режимом власти? Основной вывод гласил: политические институты и системы функционируют должным образом только тогда, когда встроены в адекватный им культурный контекст, а действующие в их рамках субъекты обладают соответствующими культурными характеристиками.

Понятие «культура» чрезвычайно многозначно, и его истолковывают, соответственно, по-разному – существует едва ли не тысяча определений. Широко распространено, особенно в России, представле-

² Баталов Э. Политическая культура сквозь призму *civic culture* // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 3. С. 7 – 22.

ние о культуре как совокупности высших достижений человечества в материальной или духовной сферах, как системе эталонных ценностей. Культура ассоциируется с некой вершиной, до которой нужно дорасти, дотянуться. Отсюда следует и ошибочное представление, что могут существовать общества, у которых отсутствует какая бы то ни было политическая культура.

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. в трактовке политической культуры складываются два основных направления: одно ограничивает этот феномен сферой психического, другое же, наряду с «образцами» политического сознания, включает в него и «образцы» политического поведения людей.

В науке принято выделять три блока политической культуры: когнитивный (познавательный), отражающий структуру политического сознания; мотивационно-поведенческий, связанный с культурой политического поведения; институциональный, характеризующий культуру функционирования политических институтов. Это деление положено в основу поэтапного изучения заявленной темы, что, разумеется, условно, и не исключает их синхронного, параллельного рассмотрения.

Естественно, что определить нишу «демократического социализма» в общем контексте политической культуры России возможно только через его вычленение из общего потока политической жизни XX в. и сопоставление с иными ее кластерами. В этом смысле принципиальное значение имеет период после 1917 г., когда большевики навязали стране грандиозный социальный эксперимент как форму модернизации. Революцию и гражданскую войну можно, следуя современному цивилизационному подходу, рассматривать как социокультурный раскол модернизированных и традиционных слоев российского общества, причем ни «продвинутые» (к таковым справедливо отнести в первую очередь политически активную часть граждан, в частности, исповедовавших «левые», социалистические взгляды), ни «отсталые» (аполитичные «массы», большинство «простого народа») не могли укрыться от потрясений этого невиданного раскола. В условиях ожесточенной гражданской войны и последующих государственных репрессий «демократический социализм» мог проявить себя в основном в эмиграции, как внешней, так и внутренней, и, преимущественно в форме политической публицистики.

В советской историографии постановка и рассмотрение такого вопроса исключались «внеклассовым» содержанием самого понятия «политическая культура», и в той мере, в которой историки могли ее касаться, сводились к упрощенной дилемме «стихийности и созна-

тельности» в желаемой идеологической коннотации. Все течения социалистической мысли оценивались с позиций их противостояния большевизму и сообразно этому. Отдельные работы (Э. Н. Бурджалов³, Х. М. Астрахан⁴, О. Н. Знаменский⁵), затрагивая проблему революционного сознания, приходили к нетривиальным выводам и наблюдениям, что, впрочем, не меняло общей картины.

Ситуация стала меняться с 1990-х гг. вследствие резких методологических сдвигов в отечественной исторической науке и под давлением прикладной политологии, которая утвердила в науке понятия «политическая элита», «политический класс», показав тем самым настоятельность конкретно-исторического изучения политической культуры общества на различных его уровнях и этапах развития. Ведущей современной историографической тенденцией является обращение к проблемам формирования и функционирования политической элиты дореволюционной России. Это работы разного жанра и объема, связанные с постановкой проблемы и дефинициями понятия (О. С. Березкина⁶, С. С. Восканян⁷, О. О. Гаман-Голутвина⁸, В. К. Криворученко⁹), а также посвященные отдельным периодам ее существования (И. Л. Архипов¹⁰, Е. Г. Гимпельсон¹¹), вопросам манипулирования,

³ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967.

⁴ Астрахан Х. М. Большевики и их исторические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973; его же: Блок соглашательских партий в марте – октябре 1917 г. (особенности, соотношение сил, эволюция) // Банкротство мелкобуржуазных партий в России в 1917 – 1922 гг. М., 1977.

⁵ Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. М.: Наука, 1988; его же: Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. М.: Наука, 1976.

⁶ См. напр.: Березкина О. С. Очерки истории и теории политической науки. М.: Изд-во Московского университета, 2012.

⁷ Восканян С. С. Появление политической элиты в России // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 111 – 120.

⁸ Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97 – 103.

⁹ Криворученко В. К. История – фундамент патриотизма: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: НОУ ВПО «Институт непрерывного образования», 2012. 271 с.

¹⁰ Архипов И. Л. Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000.

¹¹ Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М.: Наука, 1973.

связи политического сознания элиты и массы (Н. П. Поливаева¹²), социальным и психоментальным аспектам политической культуры (В. П. Булдаков¹³), национально-этническим аспектам (О. В. Будницкий¹⁴, С. М. Исхаков¹⁵, Д. М. Усманова¹⁶), семиотической, ритуально-знаковой стороне (Б. И. Колоницкий¹⁷, С. В. Яров¹⁸). Характерной чертой двух последних десятилетий является повышенное внимание историков к персоналиям деятелей, которых можно причислить к «демократическому социализму»: Г. В. Плеханов (С. В. Тютюкин¹⁹), А. В. Пешехонов (О. Л. Протасова)²⁰, И. Г. Церетели, П. Б. Аксельрод (А. П. Ненароков²¹), Ю. О. Мартов (И. Х. Урилов²²), В. М. Чернов

¹² Поливаева Н. П. Феномен политического сознания: трактовки, особенности и тенденции трансформации в современном российском обществе. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005; ее же: Политическое сознание: сущность, плюрализация, фактор реформирования российского общества. Воронеж: НОУ «НПИОЦ», 2008.

¹³ Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России. Пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007 и др.

¹⁴ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX вв.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000; его же: Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М.: РОССПЭН, 2005.

¹⁵ Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция. (Весна 1917 – лето 1918 г.). М.: ВИНТИ, 2004.

¹⁶ Усманова Д. М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906 – 1917. Казань: Татарское книжное издательство, 2006; ее же: Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906 – 1917). Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1999.

¹⁷ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012; его же: «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М.: НЛЮ, 2017.

¹⁸ Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград в 1917 – 1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2006; его же: Интеллигенция и власть в Петрограде 1917 – 1925 гг.: конформистские стратегии и язык сотрудничества // НЛЮ. 2006. № 78.

¹⁹ Тютюкин С. В. Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997.

²⁰ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004.

²¹ Ненароков А. П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. М.: Ассоциация исследователей российского общества; Новый хронограф, 2009; его же: История одного письма. Политическое завещание Павла Аксельрода. М.: Медиум, 2008; его же: Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М.: Аиро ХХ, 2001.

(О. В. Коновалова²³, А. П. Новиков, А. И. Аврус²⁴). Другой тенденцией последних лет стал интерес к вопросам провинциальной политической культуры начала XX в., подтверждением чему стали работы А. А. Штырбула («Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности»²⁵), И. В. Нарского («Русская провинциальная партийность»²⁶), И. К. Кирьянова («Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом историческом пространстве»²⁷), Г. А. Салтык («Неонародничество России: региональный аспект»²⁸), А. В. Сыпченко²⁹ – о народных социалистах, наконец, вышедшую с участием автора проекта коллективную монографию «Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина». Огромную историографическую работу проделал А. Ю. Суслов, досконально изучивший отечественную литературу по истории крупнейших общероссийских социалистических партий после октября 1917 г.³⁰

Никоим образом нельзя обойти вниманием зарубежную историографию. Ее основы были заложены публицистикой и мемуаристикой оказавшихся в эмиграции социалистов, начиная с «евангелического» «Конструктивного социализма» В. М. Чернова. Их отправной точкой

²² Урилов И. Х. Ю. О. Мартов. Политик и историк. М.: Наука, 1997.

²³ Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009; ее же: Политические идеалы В. М. Чернова: взгляд через годы. Красноярск, 2005.

²⁴ Аврус А. И., Новиков А. П. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова. Саратов: Изд-во Саратов-университета, 2013.

²⁵ Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск: ОмГПУ, 2008.

²⁶ Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России) [В 2 ч.] Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995.

²⁷ Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

²⁸ Салтык Г. А. Неонародничество России: региональный аспект (1917–1918 гг.). Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. акад., 2001.

²⁹ Сыпченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907 – 1917 гг. М.: РОССПЭН, 1999; ее же: Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика. Самара: Изд-во СГПУ, 2004; ее же: Трудовая народно-социалистическая партия в 1917 – 1922 годах // Политические партии и российская революция в начале XX века / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2005. С. 488 – 504 и др.

³⁰ Суслов А. Ю. Российские социалисты после октября 1917 г. в отечественной историографии. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013.

всегда служило отрицание большевистской практики с позиций демократии и свободы как неустранимого принципа подлинно социалистического строя. Идеино близки к ним труды либеральных зарубежных авторов, специализирующихся на российской истории: А. Рабиновича, У. Розенберга, О. Рэдки, П. Холквиста, Х. Вада, З. Галили, Д. Ливена и др. Следует признать, что они, по понятным научным и политическим причинам, раньше российских историков обратились к данному вопросу. Их «взгляд со стороны» обычно оригинален и поучителен, и он оказал заметное влияние на отечественную разработку этого сюжета, хотя порой страдает непониманием российских реалий, оторванностью от источников.

В подведение итога следует сказать, что в широком смысле проблема политической культуры общества первой четверти XX в. в России характеризуется мозаичностью, синкретизмом. Конкретно-исторические разработки в этом направлении продвинулись дальше или ближе на разных участках, но они не связаны между собой концептуально и потому отрывочны и фрагментарны, не образуя единого подхода к теме как такового. Немногие современные исследования дискурса носят либо слишком общий, чаще политологический характер, либо, напротив, сугубо локальны. Требуется комплексное исследование, связанное цельным замыслом, единой методикой и общей базой массовых источников. Это подчеркивает настоятельность конкретного историко-ретроспективного анализа проблемы.

Мы не ставили в качестве главной задачи создание некоей единой концепции, которая дала бы исчерпывающее объяснение феномена российского демократического социализма и систематизировала его основные универсальные составляющие. Работа над этим в отечественной исторической науке еще далека от завершения. Нам хотелось бы обратить внимание в первую очередь на проблемы, показавшиеся особенно интересными не только с фактологической и политологической, но и с человеческой точки зрения, раскрывающие социально-психологические черты российских адептов демократического социализма. Междисциплинарный подход актуален сегодня, и социально-гуманитарные науки – не исключение.

Можно обратить внимание на то, что среди всей исследуемой нами когорты в качестве главных «героев» встречается ряд знаменитых деятелей демократического социализма, чье участие в политических событиях первой четверти XX в. и оставленные об этом документальные и мемуарные источники особенно помогают «оживить» известные факты, добавить новое не столько в событийный раздел истории революционной эпохи (уже достаточно полно и разносторонне изученной), сколько в оценочную, эмоциональную, «субъективную» ее интерпре-

тацию. Внимание к вопросам этического характера, регулярно поднимавшимся лидерами демократического социализма, указывает на осознание этими людьми важности морального компонента для всей общественно-политической сферы, в которой задействованы элита и массы, столицы и провинция, город и деревня, «сильные» и «слабые». В качестве основной «иллюстрационной платформы» для освещения отношения российского демократического социализма к современным ему реалиям нами выбраны произведения из богатого творческого наследия видных деятелей этого направления: народного социалиста А. В. Пешехонова, эсеров В. М. Чернова и М. В. Вишняка, марксиста-«универсала» Н. В. Вольского (Валентинова), меньшевика Ю. О. Мартова и др. Их комментарии к событиям, явлениям и процессам, свидетелями и участниками которых они были, часто кажутся сделанными не сто лет назад, а в наши дни: в политическом смысле страна проделала за прошедший век фантастический виток, а затем, не столько по форме, сколько по существу, вернулась обратно – к необходимости построения гражданского общества и развития гражданского активизма россиян. Обладая глубоким содержанием, работы цитируемых нами авторов чаще всего прекрасно написаны (сказались незаурядные литературные дарования и долгие годы беспрестанной публицистической практики!), и воспринимаются как познавательное, философское и одновременно занимательное чтение. При этом мы понимаем необходимость осторожного, избирательного отношения к мемуарной литературе. На историческом «качестве» – точности и объективности – могли отрицательно отразиться забывчивость и предвзятость авторов, подмена фактов впечатлениями, пренебрежение к ссылкам на первоисточники и пр. Не могли не сказаться и жизненные обстоятельства авторов, вписанные в общесоциальный контекст: советские публикации участников революционных событий подвергались идеологической обработке (как и их авторы, если они жили, т.е. если им посчастливилось выжить в СССР). В то же время написанные «по горячим следам» воспоминания эмигрантов отличаются, как правило, повышенной эмоциональностью, поспешными выводами, сделанными непосредственно после пережитых ими политических «страстей». Да и в самой эмигрантской среде инерция этих «страстей» нередко увлекала многих вдали от трезвомыслия и беспристрастности в области оценок политических противников. Тем не менее, мемуары помогают представить в целом атмосферу эпохи, часто достоверно передают психологические, житейские, неполитизированные эмоции и переживания знаковых общественных фигур и как публичных деятелей, и как простых обывателей. Этим же своим качеством воспоминания и письма помогают «вжиться» в общую атмосферу эпохи, обыденную и политико-культур-

ную, позволяют представить повседневные настроения и переживания людей. Именно такой компонент, на наш взгляд, делает любое научное повествование понятным и общедоступным, возвращая в мир изучаемой эпохи, и оказывается, что многие идеи, мысли, чувства, объяснения, переживания знаменитых исторических фигур узнаваемы, современны и, главное, глубоко человечны. Поэтому такой подход нам представляется вполне оправданным – ведь он до сих пор не утратил своей новизны.

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКОВ

1.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ЯВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Проблема соотношения политической культуры, наличествующей либо преобладающей в том или ином обществе, и конкретных событий, явлений, процессов, происходящих в нем, никогда не утратит актуальности и, наверное, никогда не будет познана до конца. Диалектическая взаимосвязь закономерностей и случайностей в общественно-историческом бытии не позволит дать стопроцентно точных прогнозов на перспективу, однако она многое объясняет в прошлом, предоставляя возможность политико-культурного анализа социальной реальности определенной эпохи и политического опыта ее представителей, что, в свою очередь, необходимо для избегания политических ошибок, подобных уже совершенным, в настоящем и будущем. Проблема политической культуры имеет непреходящую актуальность для всех без исключения развитых обществ, а в России из-за продолжающихся социальных трансформаций она актуальна особенно, поскольку в период реформ политическое сознание людей претерпевает многочисленные изменения, находящие непосредственное отражение и в политической культуре. Демократизация и – во многих отношениях – либерализация общества произвели значительные сдвиги в развитии духовной свободы россиян.

Политическая культура – сложная, своеобразная и универсальная система, которая, с одной стороны, является частью общей культуры, а с другой – представляет собой синтез значимых политических характеристик субъекта и политической системы³¹. Она есть динамическое единство исторически сложившихся ценностей, установок, символов, убеждений, мифов, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности. Этот феномен крайне трудно формализу-

³¹ Пеньков В. Ф. Бегущий кентавр. Тамбов: Цифра, 2016. С. 57.

ем из-за множественности, расплывчатости его вышеупомянутых составляющих, а также из-за недостатка институциональности, которая помогла бы систематизировать их. Аморфность элементов политической культуры, помноженная на многоукладность, неравномерность экономического, культурного, а, следовательно, и политического развития России, ограничивает наличие конкретного научного материала о государственных учреждениях, общественных или коммерческих организациях как субъектах политической культуры.

Вопросы, так или иначе связанные с характеристиками и особенностями функционирования политической культуры, интересуют науку уже давно. Социокультурные и ценностные аспекты анализа политики отражены в работах Платона, Аристотеля, Демокрита, Полибия, Н. Макиавелли, Ш.-Л. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, К. Маркса, М. Вебера, Р. Михельса, В. Парето, А. де Токвиля, Л. Гумпловича, Г. Зиммеля, А. Шопенгауэра и др. Интерес мыслителей-«универсалов» к этим явлениям подчеркивает непрерывную связь исторических, политологических и культурологических компонентов общественной жизни. Постепенно в зарубежной и отечественной политической науке сложились определенные традиции и школы изучения политической культуры. Наряду с учеными-профессионалами внесли свой вклад в исследование этого неизменно актуального общественного феномена и аналитики «по совместительству»: государственные деятели, вожди политических партий. Тематика политической культуры прямо или косвенно нашла свое отражение в трудах С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Н. И. Бухарина, В. А. Герье, Н. А. Ильина, В. И. Ленина, И. К. Луппола, П. А. Сорокина, А. И. Стронина, П. Б. Струве, С. С. Уварова, С. Л. Франка, Г. П. Федотова, П. Я. Чаадаева, Б. Н. Чичерина³². Оригинальные идеи, объясняющие и доказывающие взаимосвязь общей и политической культуры, взаимозависимость их ценностных компонентов, изложены в работах отечественных ученых (С. С. Ахиезер, К. С. Гаджиев, М. Н. Губогло, Л. Н. Гумилев, Е. Я. Дугин, В. В. Ильин, В. М. Каиров, В. В. Ланкин, Ю. М. Лотман, Л. А. Микешина, В. И. Пантин, В. Ф. Пеньков, Ю. С. Пивоваров). Современный этап изучения политической культуры связан с именами исследователей, отвергших идеологические догмы советской поры и по-новому взглянувших на социокультурные аспекты политики. Эта нескованность стереотипами отразилась и на их интересе к политической культуре нашего прошлого, и на изучении политико-культурных процессов сегодняшней, реформируемой России. Баталов Э. Я., Васильев В. П.,

³² См.: там же. С. 11.

Войтенко В. П., Гаджиев К. С., Глебова И. И., Гомеров И. Н., Клюев А. В., Назаров М. М., Пеньков В. Ф., Пивоваров Ю. С., Пикалов Г. А., Пляйс Я. А., Пугачев Б. М., Салмин А. М., Соловьев А. И., Тихонова В. А., Туйчиев Б. Т., Шестопал Е. Б., Щегорцов В. А. с различных позиций раскрывают политологические проблемы, касающиеся политической культуры и ценностного модуля – ее ядра.

В отличие от общей культуры человечества политическая культура включает те элементы духовной среды, что связаны с уровнем и характером общезначимых политических знаний, оценок и действий граждан, обусловленных политическим опытом предшествующих поколений и преломлением этих представлений в текущей политической жизни. Особенность ее в том, что она концентрирует внимание на базовых ценностях, эмоциональных переживаниях и охватывает не столько то, что происходит в мире политики, сколько идеи, отношения, мнения по поводу политики. Важнейшим элементом выступает также политическое поведение, т.е. проявление широкой системы общественных отношений, с которой целостно взаимодействуют политическая система, политические движения и партии, социальные и политические ценности, политическая социализация, социальная позиция личности и ее индивидуальное поведение.

По уровню политической культуры общества можно судить об уровне его политической зрелости. Будучи компонентом политической системы, политическая культура активно влияет на политический процесс. Именно политическая культура и лежащие в ее основе ценности задают направленность политическому процессу, во многом определяют ролевые установки его участников, а также ценностно-смысловую характеристику целей, этапов и способов социального развития³³.

1.2. РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОЛОРИТ

Именно к началу XX в. относят зарождение демократической культуры России, что сопровождалось приобщением широких слоев населения страны к участию (как непосредственному, так и опосредованному, через систему представительства) в принятии решений по вопросам, касающимся государства и общества³⁴. Этот процесс, как и модернизация, начавшаяся тремя десятилетиями ранее, был, по сравнению с Европой, запоздалым, но шел чрезвычайно форсированными темпами. Подобно всем российским процессам общественно-полити-

³³ См.: там же. С. 10.

³⁴ Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. С. 124–125.

ческого характера, он был неровным, дискретным, проходил в противостоянии отживающих традиций и новаций, сопровождался постепенным преодолением инертности и лени мышления. В то же время короткий инкубационный цикл отечественной модернизации³⁵, особенности социальной структуры огромной полуазиатской страны, характер ее общей и политической культуры способствовали, при патриархальности массового сознания, росту в российской общественно-политической жизни радикализма. Извечный вопрос менталитета российской культуры, предмет почти двухсотлетних споров философов и культурологов, несмотря на его «избитость» и проблематичность четких характеристик «умонепостигаемого» феномена «русской души», не может быть обойден в данном случае, поскольку он помогает объяснить причины притяжения или неприятия той или иной идеологии, понять особенности политического поведения отдельных групп, слоев, классов и даже – иногда – общества в целом.

Национальный менталитет культуры – глубинные структуры, составляющие на протяжении длительного времени ее этническое или национальное своеобразие³⁶; как правило, черты, характеризующие ментальность культуры, остаются неизменными и узнаваемыми в различных экономических, политических, религиозных, социокультурных условиях ее существования и позволяют идентифицировать ее на всем протяжении исторического пути. Политическая культура является частью культуры общей и составляет не саму политику или политический процесс, а их осознание, объяснение, восприятие. Это система ориентаций и установок относительно политической системы и ее составляющих, а также относительно образцов политического поведения.

Политическая культура любой страны во многом определяется ее историческими традициями. К сожалению, анализу этих традиций в России, их осмыслению при формировании политической культуры до недавнего времени придавалось крайне мало значения.

Для российской действительности характерны следующие традиции.

Традиция политического централизма: централизм был присущ как светской, так и церковной власти и во многом был обусловлен борьбой против раздробленности, за независимость Российского госу-

³⁵ Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В. Л. Дьячков [и др.]. Тамбов: Изд-кий дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 21.

³⁶ Культурология. Теория и история культуры: учебное пособие. М.: Общество «Знание» России, ЦИНО, 1996. С. 198.

дарства. Приверженность к централизму приводила к тому, что каждая эпоха увеличивала бюрократизацию государства.

Готовность к сплочению и консолидации в переломные, кризисные эпохи, историческая выдержка и стойкость. Вне идеи преемственности это качество может выглядеть как элемент «рабской психологии», поддерживавшей тоталитаризм. Именно эта черта народного характера способна оказаться важным преимуществом в труднейшие периоды осуществления реформирования российского общества.

Отсутствие действенной политической преемственности у политических кругов, приходивших к власти. Каждая политическая власть начинала утверждать себя с отрицания прошлого политического опыта, развенчивая предыдущие правления. Не стал исключением и весь XX в. (разоблачение «культа личности» Сталина Хрущевым, низвержение самого Хрущева Брежневым, критика брежневской эпохи «застоя» Горбачевым и горбачевской «перестройки» в постсоветский период).

Для России революционные преобразования всегда считались предпочтительнее эволюционных, реформаторских. С трудом можно привести в пример еще страны, где было бы столько бунтов, гражданских войн, революций и т.д.

Свойственная России, исходя из ее революционности, ориентация на быстрые, благоприятные изменения в обществе. Данная традиция наглядно отображена в русском фольклоре («по щучьему веленью» и т.п.). Идея большого скачка, начиная с Петра I, «поднявшего Россию на дыбы», не покидает ни декабристов, ни народников, ни большевиков, ни современных реформаторов.

Слабый уровень демократизации, игнорирование опыта других стран. Еще П. Я. Чаадаев в своем первом, наиболее известном из «Философских писем» сформулировал отличительные черты своеобразной «цивилизации», которую представляет собой Россия. Среди них отчетливо виден упрек в отсутствии той житейской мудрости, которая заставляет учиться на чужих ошибках, принимать во внимание чужой опыт – как положительный, так и отрицательный. Чаадаев писал: «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого», «исключительность» русского народа объясняется тем, что «мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок», «мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя», «стоя как бы вне времени». Чаадаев был безжалостен к русским и в оценке их энергетики, когда отрицал почти всякое стрем-

ление к лучшей жизни, констатировал лень духа и инерцию мышления: «В русском народе есть что-то неотвратно неподвижное, безнадежно нерушимое, а именно – его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет...».³⁷ Анализируя черты русского характера, Чаадаев даже склоняется к выводу, что в русской культуре есть «нечто враждебное всякому истинному прогрессу» – начало, как бы ставящее Россию вне всемирной истории, вне логики становления и развития мировых цивилизаций. У России нет, к сожалению, традиции учиться на чужих ошибках, использовать тот опыт, который уже доказал свою эффективность (на Западе говорят: опыт – это самое дешевое капиталовложение). Зачастую игнорируется не только опыт, но и законы, проявляется правовой нигилизм, под маской демократии проповедуется философия вседозволенности.

Другая крайность, наглядно иллюстрирующая российскую ментальную бинарность – то, что в случаях, когда зарубежный опыт все же заимствуется, это более напоминает механическое копирование чужих начинаний, нежели их конструктивную переработку с учетом местных особенностей. Поэтому, хотя «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского при жизни ее автора подверглась жесткой критике за содержащиеся там запоздалые славянофильские идеи, со временем эта книга вошла в ряд классических трудов по культурологии и социологии. Данилевский предостерегал Россию от «европейничанья» – слепого перенесения на местную почву европейских новшеств и институтов, которые без должного видоизменения у нас примут гротескные, уродливые формы и окажутся либо вредными, либо, в лучшем случае, нежизнеспособными. Экономические реформы 1990-х гг. – последний пример столь масштабной «пересадки» элементов чужой культуры, для успешного «возделывания» которой у постперестроечной России не было требуемых «почвенных» (финансовых, управленческих и исполнительских) ресурсов.

Для России также характерен широчайший разброс политических крайностей – от монархизма до анархизма, что крайне затрудняет достижение политического консенсуса. Вообще, конфликтная составляющая политической деятельности у нас всегда явно преобладала над компромиссной, консенсусной.

Следует всегда иметь в виду, что традиции – это вековой политический опыт. Их игнорирование всегда ведет к негативным последствиям, что наблюдается в политической жизни, в том числе, современной России.

³⁷ URL: http://www/hse.ru/data/695/692/1235/polit_kyltyra.doc

Значимой ценностной чертой российской политической культуры является *патернализм*. В современной трактовке патернализм понимается как деятельность с позиций «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, слабо защищенным в социальном и экономическом отношениях. В дореволюционной России роль такого отца, «патрона» массовое сознание возлагало на монарха («царь-батюшка»), барина, хозяина («отец родной»), да и слово «отечество», наверное, говорит о многом. В советском обществе государство подавляло инициативу человека, определяя за него этапы карьеры, зарплату, будущую пенсию и прочие блага. С одной стороны, это давало человеку ощущение стабильности и уверенности в будущем, с другой – совершенно не побуждало проявлять инициативу для карьерного роста, улучшения собственного благосостояния (заработная плата все равно была регламентирована, к тому же был постоянный товарный дефицит). Вертикальная мобильность в советском обществе была невелика. Привычка получать от государства, а не зарабатывать самим определенные блага и ценности, отсутствие навыков «взрослой» жизни в рыночном, конкурентном обществе привели к появлению массового феномена, который в социальной психологии получил название *«продолженный инфантилизм»*. Актуальность проблем патернализма не вполне исчезла и в современных условиях. Сложившаяся в постсоветский период ситуация продемонстрировала потребность народа в опеке со стороны государства, в гарантиях социальной помощи и защиты, которые он рассматривает как нечто априорное, как обязательную функцию власти. Российский человек не удовлетворится ролью государства как «ночного сторожа», предписанной либеральной идеологией и вполне подходящей для стран Запада, в первую очередь – США. Патерналистские традиции вполне можно отнести к «коллективному бессознательному», т.е. архетипу культуры, усвоенному человеком в процессе социализации, управляющему его поведением на уровне подсознания.

Корни патерналистских традиций очевидны – это патриархальная семья, элемент социальной структуры, свойственный традиционным обществам незападного типа, к каковым принадлежала и аграрная Россия. В этом смысле Россия, вне сомнений, гораздо более Восток, чем Европа. Существование большой семьи, численность которой могла насчитывать не один десяток человек, долгое время было экономической необходимостью. На большей части территории России – страны северной – сезонный ритм требовал предельной трудовой мобилизации и выполнения самых разных работ в короткие теплые месяцы. В таких условиях авторитаризм был оптимальным типом семейного лидерства. Глава семьи, старший мужчина, имел абсолютный приоритет

в принятии семейных решений, так как нес наибольшую ответственность и имел основную нагрузку в общественной, хозяйственно-бытовой и морально-психологической сферах. Он же представлял семейные интересы на «внешней» арене: представлял в отношениях с общиной, старостой, соседями, барином. Ему принадлежало право поощрять и наказывать, следить за соблюдением общественных норм, традиций, обычаев. Остальные члены семьи обычно безропотно мирились с ролью исполнителей; истово почитая традиции и не мысля себе иного «мироустройства» (т.е. семейного уклада). При этом они не испытывали надобности ни в проявлении собственной инициативы, ни в ощущении себя независимой личностью. (Кстати, не отсюда ли пошло знаменитое «инициатива наказуема»)?

«Соборность» – еще одна традиция, которую многие мыслители отмечают как базовую при характеристике российской культуры. Для русской политико-культурной жизни характерен поиск форм представительства «всего народа» в целом, который, даже при наличии внутри него разницы в подходах, позициях и интересах всегда в нужный момент изживет эти недостатки и проявит полную солидарность. Члены представительных учреждений (начиная с Земских соборов) должны были представлять не свою избирательную аудиторию, не какой-то отдельный, «свой» социальный сегмент (слой, сословие, партию, территорию) с его конкретными интересами, а «весь народ» в целом. Именно такая модель считалась приемлемой со старорусских времен. Стремление к конечному единению, единомыслию, подсознательная боязнь конфликта – в русском характере испокон веков. В России конфликт в обществе издревле оценивался как однозначно отрицательное явление; единству в мнении всегда придавалось исключительное значение. Плюрализм, который мог стать причиной конфликтов, поэтому тоже рассматривался как явление, несущее опасность государству. Однако, как было отмечено выше, устранению конфликтности в отечественной политике это мало помогло, возможно, из-за такой чрезмерной «массовости» и дефицита политического профессионализма.

Отсутствие цивилизованных конкурентных, полемических парламентских традиций, способствующих поиску оптимальных решений при выборе политического пути, затрудняло политическую модернизацию на первых ее этапах. Вероятно, этот недостаток постепенно был бы преодолен, однако дореволюционным демократическим институтам, увы, не было предоставлено для этого необходимого срока. Однако советская власть, лишившая российский парламентаризм возможности такой естественной эволюции, испытала на себе архетипические «издержки» соборной старины. Мариносян А. отмечает: «В Советском Союзе считалось, что интересы разных слоев общества, разных регио-

нов России не могут противоречить друг другу... Само слово «интерес» было абсолютно чуждо советской политической культуре... Принцип того, что участник собрания является представителем всего населения в целом, полностью соблюдался. Второй принцип, а именно необходимость изживания разногласия в мнениях участников собора (съезда), тоже нашел свое отражение в партийном устройстве страны»³⁸.

При выявлении важнейших черт менталитета русской культуры одной из «комплексных», синтезирующих объяснение многих ее нюансов, достоинств и «слабостей», выделяют ее *бинарность*, т.е. двойственность. Исследователи, философы и культурологи склонны объяснять эту особенность пограничным состоянием России между Европой и Азией и сочетанием в ней черт обеих суперцивилизаций³⁹. Жарков С. Н. утверждает, что «российская мысль все время оказывалась в ситуации ложного выбора между западной цивилизацией и традиционной культурой»⁴⁰, вследствие чего ряд начинаний больших русских реформаторов потерпел неудачу. «И в других странах, – писал Н. А. Бердяев, – можно найти противоположности. Но только в России тезис оборачивается антитезисом, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. В этой душе – симбиоз анархизма и этатизма, готовности отдать жизнь за свободу и неслыханного сервилизма, шовинизма, интернационализма, гуманизма и жестокости, аскетизма и гедонизма, “ангельской святости” и одновременно “зверской низости”»⁴¹. По нынешним временам слова выдающегося русского философа звучат, возможно, несколько высокопарно, однако все выраженное в них – правда, имевшая многократное подтверждение (и подтверждающаяся по сей день) в самых разных, обычных и необычных ситуациях российской действительности.

Особенности русского характера и уникальность мироощущения русского человека определились также своеобразием природных и географических особенностей русской земли: необъятностью территории, суровым климатом, малой плотностью населения. В этих условиях суровости природы и ее богатства коренились плюсы и минусы.

³⁸ URL: <http://centurion-center.narod.ru/marin.html>

³⁹ Культурология. Теория и история культуры. С. 200.

⁴⁰ Цит. по: Эпштейн Е. Е. Политическая культура России: традиции и современность [Электронный ресурс] // Журнальный клуб Интелпрос “Credo New”. 2011. № 3. URL: http://www.intelpros.ru/readroom/credo_new/credo-new-3-2011/11053

⁴¹ Баранов Н. А. Основные традиции политической культуры России [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/baranov.politics/ch93_i.html

Тяжелый физический труд при возделывании неплодородных земель, жизнь в относительной изоляции от центра закаляли тело и душу русского человека. В то же время, по словам Н. А. Бердяева, русскому человеку, не привыкшему сковывать себя пространственными рамками, не присущи такие похвальные свойства европейца, как экономность, бережливость, расчетливость, организованность, умение подчинять чувства разуму. Эти качества в контексте русской культуры воспринимаются как отрицательные, свидетельствующие об узости, ограниченности, сухом прагматизме человека.

Эпштейн Е. Е. систематизирует «положительные отзывы» о качествах русского менталитета, данные классиками отечественной науки и философии. Среди них – «самобытность и самостоятельность, свободолюбие и патриотизм, могучая сила воли, творческий дух и доброта, талантливость, упорство в достижении цели, сочетание мужественной природы с женственной мягкостью» (Н. О. Лосский); «широкая крайность и выражение эмоционального состояния» (А. К. Толстой); «чрезмерное кратковременное напряжение своих сил и привычка работать скоро, лихорадочно и споро» (В. О. Ключевский), «широта русской души» (Н. А. Бердяев). При этом исследователь отмечает, что «данные тенденции перестали быть доминантой в советский период, когда утвердилось господство марксистской материалистической философии и советской культуры»⁴².

Бинарность отечественного менталитета характеризует, в частности, сочетание в натуре базисного, преобладающего типа русского человека двух начал: индивидуального и коллективного (группового). В русской политической культуре уже с петровских времен наблюдалось, разрастаясь и усиливаясь по мере продвижения общества по пути прогресса, постоянное противоборство либеральных и патриархально-традиционных ценностей. Частная инициатива (не миновавшая даже крепостного крестьянского населения), жажда самоутверждения индивида в соревновании с равными себе, стремление к свободе собственности, трудолюбие, желание ограничить роль государства в общественной и личной жизни «состязались» с соборностью, «общинностью», коллективизмом, неистребимыми из массового самосознания. К этим атрибутам «старины» добавим, конечно, и склонность к авторитаризму, сильному лидеру харизматического типа (не зря у нас так много рассуждали и рассуждают о «роли личности в истории»!) и, конечно, к мощному, сильному государству, под крылом которого про-

⁴² Эпштейн Е. Е. Указ. соч. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-3-2011/11053

стому человеку, может быть, не столь уютно и вольготно, зато надежно и спокойно.

Видный современный историк В. П. Булдаков опровергает распространенные представления о том, что прогресс многопартийности в России означал движение в направлении демократизации. По его мнению, напротив, зарождение многопартийности в России в конце XIX – начале XX вв. было симптомом фрагментации общества, что, в свою очередь, указывало на приближение системного кризиса. Российские политические партии росли сверху, а не снизу и отражали скорее процессы идейного самовыражения интеллигенции, нежели пробуждение основных классовых сил. Тот факт, что партии возникали первоначально на окраинах империи, причем от левого фланга политического спектра к правому, как и слабость либеральных партий центра, также характеризовал процесс партийного строительства как отражение близящегося распада империи и грядущего раскола общества. Все это в полной мере подтвердилось в 1917 г. По убеждению исследователя, события конца XX в. явно указывают на культурно-генетическую природу сохраняющейся до сих пор архаичности массовой политической культуры в стране и ее основы – патерналистских, иерархических моделей массового поведения. Существующие политические партии, по мнению историка, зачастую лишь имитируют наличие нормальной политической жизни в стране, способствуя упрочению неопатерналистских отношений в политике и архаики массового сознания. Поэтому В. П. Булдаков обращает внимание на необходимость изучения реального субъекта политической истории России – тех самых «темных масс», с которым элиты по-прежнему не находят общего языка⁴³.

В связи с такой исключительной значимостью для россиян института государства, стиль взаимоотношений между обществом и государством, опосредованно выражающийся в отношении гражданина к государству и наоборот, является одним из важнейших аспектов политической культуры. Государство неизменно занимало и занимает доминирующее положение в общественной жизни России. В нашей стране на протяжении столетий не государство выросло из гражданского общества, а общество развивалось под неусыпным патронажем государства, которое было и до сих пор есть – главный «двигатель» общественного развития, инициатор основных преобразований. Гудименко Д. полагает, и с ним трудно не согласиться, что «демократические права и свободы в России, как правило, не завоевывались, а даро-

⁴³ Булдаков В. П. Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 100 – 114.

вались милостью монарха»⁴⁴. Поэтому представляется весьма правомерным утверждение, что этатизм присущ общественной жизни в России: государство явно доминирует, а общество занимает подчиненное положение, что обуславливает неравноправные отношения между государством и индивидом. «Симптомами» такой неразвитости гражданского общества выступают: огромная политическая роль бюрократии; патернализм и клиентелизм, когда человек рассчитывает на восхождение по социальной лестнице, льготы и привилегии не в результате собственных заслуг, а вследствие личных, главным образом, неформальных, связей и отношений; «выключенность» широких народных масс из повседневного политического процесса, ограниченность форм публичной политики, массовая политическая инертность; отсутствие цивилизованных, или хотя бы корректных, форм взаимоотношений между «верхами» и «низами», правовой нигилизм, приводящий к периодическим всплескам революционаризма «снизу» и, как следствие, контрреволюционаризма «сверху». При этом всякое движение «снизу» имеет тенденцию перерасти в пресловутый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»...

Этатизм, гипертрофия государства и атрофия гражданского общества обуславливает такую российскую черту, как недостаток собственно общественных интегрирующих основ, очень слабую способность народа к самоорганизации, причем особенно явно это проявляется во время кризисов. Когда государство становится неспособным выполнять свои управленческие интегрирующие функции, население России демонстрирует гражданскую беспомощность⁴⁵. Этатистский характер политической культуры России приводит к тому, что в сознании людей происходит смешение патриотизма и лояльности к режиму, любовь к Родине сростается с верноподданничеством по отношению к власти. Поэтому патриотически мыслящим людям бывает трудно дистанцироваться от непопулярных правительств и выступить в качестве самостоятельной политической силы.

Переход общества от традиционного к современному (индустриальному) состоянию происходил, как и все «магистральные» социокультурные и политические процессы в России, очень болезненно. Развитие торговли, товарно-денежных отношений, частной собственности, не будучи дополнено массовым распространением соответствующих ценностей, порождало и накапливало в обществе скрытое ощущение неудовлетворенности, усиливало массовое негативное от-

⁴⁴ Гудименко Д. В. Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. 1994. № 2. С. 156 – 164.

⁴⁵ Там же. С. 159.

ношение к этим переменам. По образному выражению Н. Баранова, «начиная с реформ Петра I и по сегодняшний день политическая история России напоминает “зехру” – либеральная тенденция, не успев закрепиться в результате усилий очередных реформаторов, сменяется возвратом к традиционным массовым ценностям».⁴⁶ Русскому вполне свойственны собственнические инстинкты, и он не настолько растворен в коллективном, общинном «мы», как, скажем, представитель восточноазиатской культуры – в этом проявляется индивидуальное начало. В то же время стремление к привычным формам совместной, артельной, общинной деятельности, как показал опыт, хотя бы, столыпинской реформы, трудноистребимо в нашем соотечественнике (вспомним поговорку «на миру и смерть красна»). Социоцентризм русского общества предопределил формирование в русском характере коллективистских представлений; эта установка ориентации на коллектив негативно сказалась на развитии личностного потенциала⁴⁷. Несмотря на старания прогрессистских партий и модернизационные процессы, направленные на стимулирование в русском человеке частной инициативы, внутренней свободы, индивидуализма и независимости от привычного сообщества, личность в России так и не стала общезначимой ценностью, а сам человек поглощался социумом, переложив заботу о себе на общество и ожидая от него благ различного свойства – больших или малых, в зависимости от запросов. Своеобразный социальный «пролонгированный инфантилизм» (формула социальных психологов), присущий не только представителям традиционного российского общества, но и гражданам советской поры, есть наследие и результат этой стороны менталитета. Человек воспринимал ответственность скорее как стремление следовать определенному образцу, быть «как все», нежели как ориентацию на результат. Идея совести несла смысл не столько нравственного внутреннего самоконтроля, сколько эмоционального, «показательного» переживания. Понятие свободы подменялось «волей», «волюшкой», проявлявшейся в абсолютизации собственной независимости и безразличии к свободе другого человека. Труд испокон веков традиционно рассматривался как повинность, а не как условие достижения материального благополучия силами самого трудящегося. Социальная и культурная незрелость подавляющей массы российского населения, по сравнению с Европой, выработавшей и впитавшей идеалы гуманизма и Просвещения, не была секретом для образованных людей – будь то либералы, народники

⁴⁶ Баранов Н. А. Указ. соч. URL: http://society.polbu.ru/baranov.politics/ch93_i.html

⁴⁷ Костина А. В. Культурология: учебник. М.: КНОРУС, 2009. С. 255.

или марксисты. Предлагаемое искренними доброжелателями народа в качестве идейного ориентира самим народом принималось отнюдь не безоговорочно. Индивидуалистические ориентиры на приоритет личности и ее свобод, предлагаемые либералами, наиболее грамотными в правовом отношении людьми в России, мало соответствовали привычным общинным бытию и сознанию большинства российского населения, его «коллективным представлениям» и круговой поруке. Идеи марксизма с его опорой на всесторонний коллективизм и гегемонию рабочего класса, на тот момент еще не достигшего в России необходимого развития, также были не вполне понятны народным массам крестьянского происхождения. Отсутствие полемической культуры в российской политике времен начала плюрализма не могло не сказаться на характере дискуссий на острейшие и ключевые социальные темы и концептуальные вопросы.

Большинство неорганизованных, спорадически участвующих в политике особенно неустойчиво, когда политическая культура переживает кризис, тем более разрушена. Тогда чаще всего возникает особый феномен политической массы – стихийного или организованного собрания – политизированной толпы: собрания значительного множества людей для выражения политических настроений и чувств, для действий. Многочисленные политические события в России и мире (а Россия рассматриваемого нами периода иллюстрирует это особенно показательно) свидетельствуют, что в таком собрании – толпе – своеобразии личности утрачивается, преобладает тенденция обезличенности людей, эмоции уверенно берут верх над сознанием. Многократное усиление эмоций отдельных людей достигается благодаря взаимному заражению и внушению. Охватывающее людей стихийное стремление к единству приводит к тому, что общим знаменателем собрания, к сожалению, становится уровень ее самых примитивных участников, что делает массу восприимчивой к простым решениям, легковерной, раздражительной, импульсивной и легко поддающейся внушению теми, кто говорит просто и убежденно, главное – с верой. При этом понастоящему воспринимаются лишь однозначные оценки и призывы. Естественно, что в такой массе снижается чувство личной ответственности и люди готовы совершить и делают то, что большинству из них в отдельности показалось бы чудовищным. Политизированной толпой, как тараном, пользуются политические деятели, претендующие на роль вождей. Большевики одними из первых в новейшей истории доказали: ловкое и удачное манипулирование массами, силой, играющей в политике одну из решающих ролей, можно направить на достижение целей, выгодных партии или вождям, но не соответствующих интересам самих масс. Возможности политических манипуляций массами

сужаются только по мере развития личности, способной компетентно и ответственно делать свободный политический выбор.

Мережковский Д. С. в свое время выявил весьма опасную черту российского менталитета: «Одна из глубоких особенностей русского духа ... заключается в том, что нас очень трудно сдвинуть, но раз мы сдвинулись, то доходим во всем, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии, до крайности»⁴⁸. Принцип «все или ничего», столь присущий россиянам, стремление к максимализму, бесспорно, накладывают свой специфический отпечаток на политические процессы⁴⁹ и отчасти объясняют успех большевиков на фоне затянувшегося политического кризиса, разрушительной войны и растерянности, нерешительности демократов, внезапно оказавшихся у власти.

К характеристике русского социокультурного бытия можно отнести и следующий феномен. Культурно-исторические парадигмы в русской истории наслаивались друг на друга: один этап еще не завершился, другой уже начинался; будущее стремилось осуществиться тогда, когда для этого еще не сложились условия и, напротив, прошлое не спешило уходить, цепляясь за традиции, нормы и ценности⁵⁰. Многоукладность российской экономики, всей российской жизни – одно из следствий этого своеобразия, она характеризует разнонаправленность социокультурных процессов, происходивших в России с петровских времен, как то: европеизация узкого высшего культурного слоя общества и в то же время углубление «азиатского способа производства», из которого не могла выбраться основная масса российского населения.

По оценкам философов и культурологов-русистов, русская культура на протяжении столетий находилась на историческом «перекрестке», с одной стороны, модернизационных путей цивилизационного развития, свойственного западноевропейской культуре, с другой – путей органической традиционности, характерных для стран Востока. Русская культура всегда стремилась к модернизации, но модернизация в России шла медленно, тяжело, постоянно тяготилась «заданностью» традиций, то и дело, впрочем, восставая против них и их нарушая. Менталитет русской культуры (что наглядно проявилось и в политической ее сфере) исторически закономерно складывался как сложный, дисгармоничный, неустойчивый баланс сил интеграции и дифферен-

⁴⁸ Мережковский Д. С. Грядущий Хам [Электронный ресурс]. СПб, 1906. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0080.shtml

⁴⁹ Пеньков В. Ф. Бегущий кентавр. Об аксиологических и социокультурных аспектах политических процессов. – Тамбов: Цифра, 2016. С. 85.

⁵⁰ Культурология. Теория и история культуры: учебное пособие. М.: Общество «Знание» России, ЦИНО, 1996. С. 201.

циации противоречивых тенденций национально-исторического бытия россиян, как то социокультурное равновесие (нередко на грани национальной катастрофы или в связи с приближающейся ее опасностью), которое заявляло о себе в наиболее решающие, кризисные моменты истории России и способствовало выживанию русской культуры, сохранению ее самобытности в предельно трудных для нее общественно-исторических условиях.

1.3. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ

Рассматриваемый нами период – начало XX в. – особенно интересен и актуален для исследователя российской политической культуры. То был период кризиса социальной системы, когда под общим деструктивным воздействием революций и войн распалась «связь времен», была разрушена привычная картина мира, и давно усвоенная обществом система ценностей утратила свою рациональную целесообразность. Политическая культура России, ее совокупность на всех уровнях – столичном и провинциальном, классов и страт, является органическим фактором «демократического транзита» страны. Для того, чтобы характер этого феномена был по-настоящему объемным, необходимо, помимо классических «масштабных», общих вопросов, сделать центром рассмотрения привычно недооцениваемого субъекта истории – рядовых граждан и политических активистов.

Социальные сдвиги в России к началу XX в. стали уже заметны, как говорится, невооруженным глазом. Ранее основным для общественной характеристики было сословное измерение, долгое время полностью подчинявшее себе все иные. Крестьяне, абсолютно преобладающее население страны, будь то крепостные или государственные крестьяне, были обречены на определенный род занятий и в условиях традиционного, закрытого общества имели мало шансов выбраться из этого «замкнутого круга». Однако, во-первых, эта их социальная участь не была абсолютной – они могли, и со временем все больше, заниматься отходничеством, промыслами, торговлей, наиболее ловкие и удачливые – «переписываться» в мещане, в купечество, становиться служителями церкви и т.п. Во-вторых, происходило постепенное и поэтапное ослабление и размывание сословных ограничений и, наконец, после реформ Александра II соотношение между сословной и имущественной стратификацией изменилось в пользу второй. Тем не менее, сословная «привязанность» к родам занятий оставалась в силе: дворянину были, как правило, уготованы военная либо гражданская служба, выходцы из духовного сословия направляли своих детей по

духовной же линии, дети купцов становились купцами, а мещане становились низшими чиновниками либо занимались свойственным этому сословию городскими занятиями. Российское же правительство разных составов во все века и времена, по мнению представителей левых и левоцентристских политических партий, было занято тем, что обращало русский народ в «людскую пыль», в «бессвязные толпы», осуществляя принцип «разделяй и властвуй».

Вторая половина XIX в. характеризуется гораздо меньшей жесткостью ситуации. Обедневшее дворянство начинает заниматься массовыми интеллигентскими профессиями – работать врачами, учителями, инженерами, земскими статистиками, агрономами и т.п. Дети богатых купцов все чаще получают европейское образование и нередко изменяют наследственному делу, дети священников нередко становятся атеистами или, во всяком случае, «выписываются» в светские, дети зажиточных крестьян, получившие образование, также могут позволить себе выбрать «благородные» профессии. Для многих выходцев из высших сословий снижение статуса в занятиях является вынужденным из-за ухудшившегося материального положения, в то время как для других, напротив, отклонение от традиции – дело свободного выбора. Общая тенденция была такова: поле личного выбора «моделей поведения» расширялось.

В этой связи необходимо провести типологию моделей поведения, в том числе присутствовавших в рамках сословного общества. Они могут подразделяться по качеству социальной энергетики – на пассивные и активные; консервативные и инновационные; адаптивные и преобразующие; созидательные и разрушительные⁵¹. Для абсолютного большинства членов общества, все еще традиционного в своей основе, характерны пассивность, консерватизм и, в лучшем случае, адаптивность. Деревня всегда более инертна, пассивна и консервативна, чем город, провинция – чем центр (столичные города), малые города – чем крупные, малообразованные категории населения – чем более образованные, низшие сословия – чем высшие и т.д. Это правило имеет свои «ситуационные» исключения, однако в общесоциальном масштабе число их невелико. Кстати, оно применимо не только к российским реалиям, но именно на примере России оно особенно показательно.

⁵¹ Сенявский А. С. Трансформация российского общества в XIX – XX вв. и личностные модели поведения // Человек и личность в истории России, конец XIX – начало XX вв.: материалы международного коллоквиума. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 68 – 82.

Крестьянство в XIX в., как и раньше, оставалось преимущественно «страдательным» сословием, лишь в отдельных эпизодах обращаясь «к топору» для защиты своих интересов (правильно или ложно понимаемых), но в самом начале XX в. запалившим дворянские усадьбы, а в 1917 г., став основной силой, решившей судьбу революции. Взрыв социальной активности крестьянства совпал с моментом переустройства политических форм государства. Косное и совершенно безразличное ко всему, что не касается непосредственно его хозяйства и личного или семейного благополучия, в 1905 г. крестьянство действительно начало подавать признаки жизни на общественной арене. Народники всегда связывали пассивность крестьянства с тем, что на протяжении многих веков оно терпело бесконечные лишения и унижения, оставившие глубокий след в его психике. Привыкшие считать себя низшей людской категорией крестьяне приучились противопоставлять себя всему остальному миру. Позднее неонародники признавали, что крестьянская борьба носит в целом аполитический характер (следствие индивидуалистических тенденций в крестьянстве), и полагали необходимым сделать все, чтобы избежать пагубных последствий этого – анархизма, конкуренции и вражды между крестьянами. Единственным средством против этого было бы решение аграрных проблем в государственных формах. В таком случае крестьянство даже на данном уровне своего развития могло бы найти путь и к осознанию своей человеческой и гражданской ценности и к участию в государственном творчестве.

Дворянство же «размывалось», демонстрируя весь спектр моделей поведения – от пассивного следования в фарватере уготованной ему временем и политикой власти участи до творческой адаптации к требованиям индустриализовавшегося и коммерциализовавшегося общества, от народнического служения «униженным и оскорбленным» малыми делами в земствах до разрушительной модели террориста и революционера, порвавшего со своим сословием и классом.

Раньше маргинальные модели поведения нередко становились престижными и значимыми в обществе. И если в первой половине XIX в. дворянин, пошедший против власти, рассматривался своим сословием как отщепенец, то во второй половине столетия оппозиционность монархии уже считалась хорошим тоном, а верноподданство – почти неприличным. Крайне неоднородным и по имущественному состоянию, и по социальным ролям было немногочисленное купечество, чье влияние, безусловно, росло. Оно демонстрировало модели поведения самого широкого спектра: от консервативных сословных устоев и замкнутости на «деле» и «семье» до активного обращения к социальной жизни, проявлявшегося в благотворительности и меценатстве, и в поддержке революционеров, и в собственном участии в политике.

Российская империя входила в XX в. широким шагом прогресса, но с грузом пережитков крепостничества, тормозивших социально-экономическую и политическую модернизацию страны. Развиваясь быстрыми темпами, российский капитализм отличался тяжелыми формами эксплуатации труда наемных рабочих, почти повсеместным отсутствием правовой защиты людей труда. Уровень жизни подавляющего большинства населения города и деревни продолжал оставаться крайне низким. «Заработная плата наемных работников не покрывала их минимальных потребностей. Рабочий день фактически продолжался 13 – 15 часов, на многих фабриках и заводах отсутствовали элементарные жилищные условия. “Мужчины, женщины, дети, – писали в фабричных отчетах инспекторы, – спали вповалку на нарах, без различия пола и возраста, в сырых, тесных и душных казармах, иногда в подвалах”»⁵², – рассказывает Г. Еськов. В глубокоом кризисе находилась социальная сфера, общество нуждалось в срочном преодолении растущей нищеты, невежества обездоленных сословий. Об этом неустанно писали революционные демократы, деятели либерально-демократического и социалистического направлений, вся прогрессивно настроенная интеллигенция. Так, С. П. Боткин и его коллеги по Петербургскому обществу русских врачей, изучив статистику средней продолжительности жизни в стране (27 лет для мужчин, 29 лет для женщин), пришли в 1885 г. к выводу: «Чрезмерная смертность среди русского населения снижает его рабочую способность и доводит народное хозяйство до убыточности. Повышение рабочей способности населения, а вместе с тем благосостояние просвещения в нашем отечестве невозможно без уменьшения смертности, а потому уменьшение смертности и ближайшее к тому средство – оздоровление – составляет нашу государственную потребность»⁵³. Земский врач А. И. Шингарев (будущий министр земледелия в первом составе Временного правительства) в 1901 г. в своей работе «Вымирающая деревня» отмечал, что «низкий культурный уровень населения и его ужасающая материальная обеспеченность и безземелье стоят в непосредственной зависимости... от общих условий русской жизни»⁵⁴.

⁵² Еськов Г. Социальные доктрины политических партий России начала XX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N08_96/8_13.htm

⁵³ О международной санитарной конференции в Риме: Доклад врача В. В. Эйка. СПб., 1885. С. 163.

⁵⁴ Шингарев А. И. Вымирающая деревня // Вестник финансов. 1903. Т. 2, № 45. С. 226.

В дело развития политической культуры общества в массовом масштабе, сталкиваясь при этом с колоссальными трудностями, действуя в условиях народной инертности и косности, крайне низкого уровня общей культуры масс, неоценимый вклад внесли представители демократических партий – либералы и деятели демократического социализма.

Либеральная идеология и особенно ее отечественные представители (в первую очередь кадеты) принесли огромную пользу российскому обществу в период его социально-политического пробуждения. Либерализм, провозглашая свободу и права граждан, способствует их вовлечению в политический процесс, что было (да и, пожалуй, до сих пор есть!) весьма актуально для России с ее недостатком гражданской активности и электорального участия. Демократические традиции в России отсутствовали, и стараниями, главным образом, либералов, прежде всего – кадетов, чья деятельность не была запрещена властями, в 1905 – 1907 гг. и последующие годы началось формирование первых ростков демократической культуры России. Это выражалось в постепенном приобщении широких слоев населения страны к участию (как непосредственному, так и опосредованному, через систему представительства) в принятии решений по вопросам, важным для государства и общества⁵⁵.

«Верно, что русская интеллигенция была по своему социальному и бытовому составу ближе к низшим слоям, нежели к слоям господствовавшим. Но совершенно неверно, что интеллигенция первая подняла знамя бунта и оказалась в авангарде внутренних варваров, затопивших своим «мужицким потопом» всю русскую государственность и культуру. Возрастание роли интеллигенции в России совпадает по времени как раз с тем моментом, когда русское самодержавие оказывалось уже отработанным паром истории. Мудрено ли, что и русская интеллигенция с молоком матери впитала в себя отталкивание от пережившей исторические сроки власти. И власть, в свою очередь, не переставала отталкивать интеллигенцию от себя, не переставала ее гнать и терзать»⁵⁶, – так оценивал положение русской интеллигенции и ее роль в инициации внутренних катаклизмов видный общественный деятель, эсер М. В. Вишняк. Что касается взаимоотношений передовой интеллигенции и монархии, то Вишняк, кстати, специалист по вопросам государства и права, определял их следующим образом: «Царская власть фактически противопоставляла себя народу. Командующие

⁵⁵ Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. С. 125.

⁵⁶ URL: <http://socialist.memo.ru/books/perli/vishnak/v09.htm>

группы противостояли народу социально и психологически. Трагедия – и проклятие – русской интеллигенции состояли в том, что она борьбой против самодержавия вынуждалась идеологически противопоставлять царю – страну, государству – общество, власти – народ. Недоверчивое и враждебное отношение к власти и государству стало традиционным для русской интеллигенции. Почти столь же традиционными стали и «пораженческие» настроения среди интеллигенции»⁵⁷.

Политическая элита России эпохи ее революций в подавляющем своем большинстве – это представители интеллигенции, части общества, историческая роль которой давно вызывает столько споров в научной и публицистической литературе. Отличительными чертами всех российских политических партий было, во-первых, то, что они создавались сверху, стараниями политизированной интеллигенции, а во-вторых – практически сплошь интеллигентским был их руководящий слой⁵⁸. Феномен отечественной интеллигенции, в который обычно включаются такие ее свойства, как политический радикализм, граничащий с идейной одержимостью, своеобразное мессианство, бескорыстие и народолюбие, несмотря на большой интерес ученых, «общественников» и гуманитариев, до конца так и не изучен. Можно отметить, однако, возрождение традиции, заложенной знаменитым сборником «Вехи» – возложить на интеллигенцию ответственность и вину за все беды России в XX в.⁵⁹. Выскажем лишь предположение, что степень вовлеченности российской интеллигенции в реальную политику преувеличена и в историческом аспекте, и в социологическом: неправомерно отождествлять сами понятия «политическая элита» и «интеллигенция», так как они не совпадали между собой. К тому же опыт русских революций наглядно доказывает, что политическая карьера в России сопровождалась обычно утратой интеллигентского статуса вместе с присущим ему следованием строгому кодексу правовых и моральных норм общечеловеческого характера, что видно как на примере так называемых профессиональных революционеров (уникальная профессия!), так и на примере служилой интеллигенции, чиновничества.

С поражением I Русской революции (1905 – 1907) общественно-политическая жизнь страны, казалось, затихла. «Странная неподвиж-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 156; Дьячков В. Л. К вопросу о социокультурном облике партийно-политической элиты 1917 г. // Политические партии: история и современность. Орел, 1994. С. 130–131.

⁵⁹ Ципко А. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1990. С. 240–241.

ность и вместе с тем удивительная податливость – это сейчас наиболее характерные черты коллективной психологии»⁶⁰, – отмечал в 1908 г. народный социалист А. В. Пешехонов. Упадок в общественном настроении представлялся многим деятелям «левых» партий чрезвычайно глубоким, но естественным, неизбежным, так как истории всех времен и народов свойственна цикличность, чередование «спусков» и «подъемов», а для российской социальной и культурной истории с ее бинарностью, прерывностью исторического процесса эти чередования общественной активности и «спячки» характерны особенно. По прогнозам, даваемым некоторыми яркими представителями левоцентристских партий, процесс выхода из временной стагнации должен был начаться в ближайшее время, и начало ему должна положить интеллигенция. По словам А. В. Пешехонова, только под предводительством интеллигенции можно избежать крайностей движения народных масс – мистического анархизма (стремления возложить всю тяжесть проблемы на изолированную личность), и мистического коллективизма, боготворящего безличную массу⁶¹.

Контурь новых моделей политического сознания и политического участия русской интеллигенции в трансформационных процессах были обозначены в сборнике «Вехи» (1909), а также в полемике вокруг «Вех». Вопрос об интеллигенции в связи с революцией обрел в то время широкий философско-этический смысл. «Вехи» предложили модель присутствия интеллигенции в политике, ее самодеятельности, самоуправления, независимости от государственной власти. Проблемы возрождения государства, интересов отечества, по предположению авторов сборника, должны решаться интеллигенцией не через пробуждение борьбы масс, а через последовательную, упорную работу по их воспитанию. Модель политической культуры русской демократической интеллигенции, предложенная «Вехами», во многом современна и сегодня: интеллигенция должна иметь собственную нишу, собственную миссию в общественном движении страны к свободе. Образованный человек в России должен бороться за сохранение своего права быть транслятором культуры, цивилизации в обществе; интеллигенция в рамках этой своей социальной функции должна быть свободна от политических обязательств; ее долг – следовать за знанием, опровергающим подчас самые красивые политические лозунги и призывы.

При всех различиях во взглядах авторов (а это были преимущественно представители либеральной идеологии, широко известные как

⁶⁰ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74.

⁶¹ Там же. С. 75.

ученые, философы, мыслители) сборник в целом был воспринят левой частью политического спектра России как пасквиль на революцию и на саму интеллигенцию, что выразилось в ленинском определении – «энциклопедия либерального ренегатства». Но не только большевики, а и более умеренные социалисты, которые обычно находили с либералами и их идеями немало точек соприкосновения, встретили «Вехи» с негодованием как «поход против интеллигенции», заявив, что авторы «Вех» ставили перед собой задачу опорочить и развенчать русскую интеллигенцию со всех сторон. «Их обличительная проповедь нередко переходила в... ругань, а их пафос напоминает подчас запальчивость, доходящую почти до беспамьятства»⁶², – заявлял правонароднический журнал «Русское богатство». Авторы издания обвинили авторов «Вех» в ненависти к «народничеству», в которое либералы, не вдававшиеся в идеологические тонкости, включили и марксизм. «Вехи» обвинялись в «реакционизме», в том, что проблемы, поставленные сборником, надуманы, что авторы, стараясь во что бы то ни стало очернить интеллигенцию, непоследовательны и как бы зачеркивают написанное друг другом: то, что одному видится тяжким грехом, для другого – добродетель. Главное же, по мнению строгих народнических критиков, заключалось в том, что авторы «Вех», разбрав интеллигенцию в пух и прах, не предложили, в свою очередь, пути, по которому она должна направить свое развитие. Поэтому истинной целью сборника было объявлено намерение «произвести скандал»⁶³. В данном случае «Русское богатство» нельзя назвать справедливым: каждый «веховец» высказывал свое понимание российской жизни, свои наблюдения и прогнозы, многие из которых, как ни печально, в дальнейшем подтвердились опытом будущих социальных потрясений в стране и за ее пределами.

Разочарование социалистов «Вехами» можно объяснить ожиданиями, что появление концептуального сочинения столь маститых и по-настоящему мудрых философов-аналитиков принесет пользу «спящему» русскому обществу, главным образом интеллигенции: она-де проснется и вновь займется «настоящей борьбой», устыдясь своей бездеятельности. Но эти ожидания не сбылись. Все вопросы, которые время от времени становились злободневными и обсуждались в обществе, возникали, по выражению А. В. Пешехонова, без причин и исчезали без следа, оставляя после себя лишь «нудное чувство» и «грязный осадок»⁶⁴. Сборник словно бы оказался отражением своей эпохи – «себряного века», эры, которую левые почти единодушно считали «без-

⁶² Русское богатство. 1909. № 4. С. 103.

⁶³ См.: Там же. С. 126.

⁶⁴ Русское богатство. 1909. № 5. С. 125.

временем», «упадком»: много эстетства, вычурности, раздумчивости, блазированности, но мало практической пользы. В этот период, по убеждению Пешехонова, русская интеллигенция в большинстве своем утратила интерес к народу, забыла о нем, занявшись обсуждением своих проблем. «Давно, – быть может, никогда, – русская интеллигенция не жила такой изолированной жизнью, какой она живет в последние годы, как будто стена какая стоит между этой жизнью и народной»⁶⁵. Отсюда обратная связь: по мнению народника, именно это отчуждение от народа стало одной из главных причин подавленного настроения интеллигенции, утратившей радость общения с массами.

Спор вокруг «Вех», отмечает современный политолог А. А. Ширинянец, «выявил ряд важнейших проблем политической теории и практики. «Вехи» не приняли опыта первой русской революции, для них эта революция была «интеллигентской», поэтому она ничего не смогла дать народу и, более того, поставила под сомнение саму жизнеспособность русской государственности и гражданственности как подлинно «народной». В своем народном состоянии революция – это всегда бунт, и только выходя за рамки простого восстания черни, оформляясь и организуясь в рамках определенной идеи, идеологической мотивации, последовательности действий, харизматики вождя, она неизбежно приобретает облик интеллигентской революции. Интеллигенция России в известной мере переоценила свою роль в российском обществе, взвалив на себя всю ответственность за поражение в 1905 – 1907 годах»⁶⁶.

Экономическая модернизация, стимулированная отменой крепостного права, не могла не сказаться и на процессах изменения общей и политической культуры России. Изменение структуры экономики повлекло за собой перемены и в социальной структуре, в том числе ее высших слоях. Господствующая элита претерпевала небезболезненные процессы дифференциации на политическую, экономическую и военную (которые затем обнаружили тенденцию к объединению). С 1860 – 1870-х гг. началось сращивание власти и бизнеса. Как отмечает С. С. Восканян, «капитализм предоставляет человеку большую свободу и возможности для проявления предприимчивости и деловых качеств. А если еще и власти проводят политику, поощряющую эти спо-

⁶⁵ Там же. С. 127.

⁶⁶ Ширинянец А. А. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX вв.: Опыт концептуального анализа: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disserscat.com/content/politicheskaya-kultura-intelligentsii-rossii-xix-nachala-xx-vv-opyt-kontseptualnogo-analiza#ixzz4j2RFsMDq>

способности, то результат сказывается достаточно быстро и оказывается положительным и для самого гражданина, и для страны»⁶⁷. Либерализация политической системы, возникновение партий и общественных организаций, рост роли и значения СМИ, наконец, появление парламента и связанного с ним института выборов резко активизировало политические процессы в стране и привело к появлению «чистых», «профессиональных» политиков. Таким образом, в начале XX в. в России окончательно сформировалась политическая элита в современном смысле этого слова⁶⁸.

Тогда же, в период быстрого формирования многопартийности и активизации общественно-политической жизни, стали очевидны первые ростки демократической культуры. При этом происходило приобщение широких слоев населения России к участию (как непосредственно, так и опосредованному, через систему представительства) в процессе принятия решений по вопросам, касавшимся государства и общества. Изучение вовлеченности масс в политический процесс предполагает анализ формирования политических предпочтений электората, факторов, воздействующих и определяющих характер, степень и особенности политизации отдельных групп российского электората как в столицах, так и в провинции. Среди основных факторов формирования политических предпочтений электората можно выделить *социальный* (для российского дореволюционного общества характерно было сословное деление и соответствующая самоидентификация людей), *пространственный* (региональные особенности социально-политических, экономических, конкретно-исторических условий, под непосредственным воздействием которых происходил процесс вовлечения людей в политический процесс). Особую роль играли *агитация и пропаганда политических партий* во время избирательных кампаний.

Становление демократической культуры в России шло очень не просто. Некоторые его трудности связаны с распространением в России традиции радикализма, которая имела демократическую природу, однако в то же время идеи радикализма не способствовали развитию широкого вовлечения населения России в политический процесс. Тем временем именно этот аспект является одной из основных характеристик начального этапа формирования политической культуры. Леворадикальные партии – эсеры и социал-демократы, включая и меньшевиков, и большевиков, были партиями элитистского типа с иерархической структурой, и в этом смысле не отличались от партий буржуаз-

⁶⁷ Восканян С. С. Появление политической элиты в России // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 111 – 120.

⁶⁸ Там же. С. 119.

ных. Эта структура включала партийные съезды и комитеты, и только те, кто попадал в эти структуры – т.е. становился партийной элитой, – имел реальную возможность «делать политику»⁶⁹. Остальные должны были следовать линии партии, которая вырабатывалась на партийных съездах и заседаниях различных уровней. Роль партийного руководства была сильна, а «несовпадающие» взгляды не поощрялись. Несомненно, такая стратегия эффективна для достижения партией власти. Опыт большевиков демонстрирует это особенно ярко. Однако вряд ли она могла способствовать тому, чтобы люди сами стали участниками претворения в жизнь своих идеалов.

Лидер социалистов-революционеров В. М. Чернов подчеркивал, что «до грозы событий 1905 г. в политическую жизнь была втянута самая минимальная часть страны»⁷⁰. Эти слова знатока быта и интересов простых людей – не что иное, как характеристика политической культуры патриархального типа. «Лишь передовые кружки русского пролетариата, – писал Чернов, – лишь единицы из сермяжного крестьянского мира успели пройти школу новой политической и социальной педагогики... Масса народная... была приобщена к процессу втягивания страны в водоворот политической жизни лишь в эпоху свобод, когда чуть ли не вся Россия явочным порядком была превращена в политический народный университет...»⁷¹.

Другой сложностью на пути формирования, восприятия и широкого распространения демократической культуры в России была сильная монархическая традиция. Она проявлялась и препятствовала внедрению демократических начал гораздо заметнее, чем в других странах Европы с монархической формой правления (Германия, Британия, Швеция, Дания). Дело, главным образом, в феномене конституционализма, для европейских монархий уже привычном. В России конституционализм имел весьма небольшое число сторонников, и даже они имели совершенно разные представления о том, что это такое. В стране не было традиции ограничения монархической власти. К тому же конституционализм в России был дискредитирован социал-демократами и эсерами, которые не принимали монархизм ни в какой форме и рассматривали конституционализм как защиту монархического правления в модифицированном виде. Некоторые исследователи приходят к выводу, что в России никогда не было конституционной системы

⁶⁹ Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. С. 302.

⁷⁰ Чернов В. М. Этика и политика. СПб, 1911. С. 57.

⁷¹ Там же.

правления в собственном смысле слова⁷², даже после 17 октября 1905 г. С современной точки зрения послеоктябрьскую Российскую империю можно отнести к типу дуалистических монархий: царь формально и фактически продолжал сохранять большие властные полномочия. Хотя в государстве присутствовало формально-юридическое разделение власти (исполнительная находилась в руках монарха, законодательная – у парламента), монарх имел неограниченное право роспуска парламента и абсолютного вето в отношении принимаемых законов. Он же формировал ответственное перед ним правительство. В массах отсутствовало доверие к имевшимся политическим институтам (и по незнанию, и по горькому житейскому опыту). Ранее «народ» четко разделял «царя-батюшку, кормильца» и «министров-кровопийц», но к описываемому нами периоду благоговение перед фигурой монарха стало резко убывать, и пietetа к управленческим учреждениям попрежнему не было. Нехватка легитимности отнюдь не способствует эффективности властных начинаний, какими бы обдуманными и оправданными они ни были. Это продемонстрировала хотя бы реформаторская политика Столыпина, которой в настоящее время принято давать высокую оценку. В этом смысле у левых и центристских партий, стремившихся создать себе опору и поддержку в массах, было преимущество: при непопулярности властей, тем более пользующихся традиционным бюрократическим стилем руководства, оппозиционеров обычно воспринимают как новаторов и положительных героев.

И еще одно обстоятельство, затруднявшее плавное и беспрепятственное развитие демократического сознания в России следует отметить: слабое развитие системы коммуникаций. В империи, при ее гигантских размерах, было невозможно ожидать единой и синхронной реакции населения страны на явления и события, так же как невозможно было оперативно оповещать население о последних. К этому нужно прибавить специфику различных регионов России и особенности осуществления контроля над ними со стороны центра. Эти различия проявлялись и в том, что в городе и в деревне, в столицах и провинции существовали разные представления о нуждах народа и об ответственности центральной власти⁷³.

В Германии, Англии, Франции и ряде других стран социал-демократические, либеральные и другие левоцентристские партии постоянно привлекали своих сторонников к совместным акциям, повышавшим степень взаимодействия политических организаций и их последовате-

⁷² Селунская Н. Б., Тоштендаль Р., Указ. соч. С. 303.

⁷³ Там же. С. 310.

лей. На широкую ногу была поставлена в Европе просветительская работа, в которой российские партии, несмотря на огромные, иногда даже героические усилия, добились намного меньшего, чем их европейские коллеги. В Европе большую роль играли разного рода кооперативы: жилищные, потребительские и прочего рода предшественники современных институтов гражданского общества. Овладение демократическими процедурами и принципами деятельности в профсоюзах, хозяйственных, социальных и политических организациях давало людям получение тесной связи между избранными в результате конкурентной борьбы лидерами и рядовыми участниками. В России же партии социалистического направления не могли легально вести такую же широкую работу по политическому воспитанию масс и пропаганде своих идей, как западные социал-демократы. Финансовые возможности отечественных левых партий также были значительно слабее, чем у их немецких, австрийских и прочих западноевропейских единомышленников. Наконец, в государствах Европы конституционному опыту сопутствовали стабильность и безопасность; в России этого не было. В общем, сложностей и препятствий на пути становления демократии и гражданской культуры в России было более чем достаточно, гораздо больше, чем в европейских странах.

По оценке В. М. Чернова, «все виды деспотизма и эксплуатации, которые знала история, в ней не сменяли друг друга, а наслаивались один на другой и сплетались в один огромный gordiev узел...»⁷⁴ Десятилетие существования ограниченной монархии в России было межреволюционным. После неудач русско-японской войны резко упал, выражаясь сегодняшним языком, «рейтинг» Николая II. Крайняя общественная напряженность, нестабильность политической системы, начавшиеся вооруженные выступления среди населения, приведшие к кровопролитию, подвигли царя на уступки: учреждение парламента и введение конституции, которую оппозиционные силы называли «куцей». Кризис 1905 г., «с одной стороны, начавший процесс деморализации страны, с другой – всколыхнул мощные силы, готовые укрепить государственный строй Российской империи. Об этом ярко сказал Александр Гучков, лидер партии умеренного центра: “Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, авторитет правительственной власти против носителей этой вла-

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

сти»⁷⁵. Российский монарх дважды использовал свое право роспуска парламента: два первых созыва Государственной думы так и не смогли проработать положенный срок. В это время между исполнительной и законодательной властью регулярно вспыхивали конфликты⁷⁶. Лишь Государственная дума третьего созыва (1907 – 1912) просуществовала весь отведенный законом период. С тех пор система начала работать без сбоев, однако это налаженное действие продолжалось совсем недолго: в 1917 году разразилась Февральская революция, установившая в России республиканскую форму правления. Получилось так, что «вся совокупность социальных противоречий и проблем встала на очередь разом, и этот неизбежный всеохватный характер движения и сделал революцию подлинно Великой... по ее размаху и постановке всех задач»⁷⁷.

1.4. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ЕГО РОССИЙСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

«Демократический социализм» – феномен, актуальность которого у представителей современных общественных наук не вызывает сомнения. Трактовать его довольно сложно и, пожалуй, единой, абсолютно универсальной дефиниции найти не удастся, однако определить важнейшие черты этого явления и проиллюстрировать его примерами из историко-политической практики возможно. В нашей работе мы обратим особое внимание на российские «вариации» демократического социализма, ярко проявившие себя в годы великих потрясений первой четверти XX в.

Выходцам из советского общества понятие «демократический социализм» порой кажется непривычным и режет слух, так как ассоциируется с западной политической культурой, являясь не очень удобным для восприятия заимствованием в отличие от давно знакомого ортодоксального (и изрядно «подредактированного» большевиками) марксизма или хотя бы «социал-демократии». Однако неологизмы, равно как и «хорошо забытое старое», приживаются достаточно быстро и легко, поэтому позволим себе в дальнейшем употреблять словосочетание «демократический социализм» без кавычек.

⁷⁵ Политическая система Российской империи в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://biofile.ru/his/31217.html>

⁷⁶ Дуалистическая монархия: особенности и примеры [Электронный ресурс]. – URL: <http://vse-temu.org/new-dualisticheskaya-monarxiya-osobennosti-i-primary.html>

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

По определению В. Я. Швейцера, «под демократическим социализмом обычно подразумевается перманентный процесс реформистских общественных преобразований, в результате которых современное капиталистическое общество приобретет новое качество»⁷⁸. Аналогичные определения приводятся в ряде политологических справочных изданий⁷⁹. Демократический социализм имеет много общего с социал-демократической идеологией, но эти явления отнюдь не тождественны. Демократический социализм существенно шире⁸⁰. Это вид социализма, главное для которого как в идеях, так и в методах – поступательность, эволюционность, ориентация на демократические ценности. Диалектика эволюционного и революционного – одна из принципиальных «философских» проблем для демократического социализма. По мнению П. М. Кудюкина, невнесение революционных сил в «список» демократов может объясняться тем, что «динамика революции с нарастающей радикализацией и эрозией первоначального революционного блока приводит в какой-то мере к потере поддержки большинства, в результате чего революция и ее авторы встают перед выбором: либо отказываться от демократии, либо рисковать потерей уже завоеванного», причем отказ от демократии грозит тем же самым⁸¹. Исследователь считает, что для демократического социализма проблема необратимости преобразований в условиях демократии (а значит, возможности перехода власти к антисоциалистическим силам) является одной из серьезнейших антиномий⁸². Философия, в том числе философия истории – наука сложная, дискуссионная и во многом субъективная. В жизни при всей ее непредсказуемости и многогранности можно, пожалуй, пусть и путем некоторого обобщения и даже где-то упрощения выделить настоящих носителей идеалов, практиков демократического социализма, чья деятельность в основном (в деталях иногда могут быть отступления) отвечает базовым принципам течения. Это подтверждает пример российских партий первой четверти XX в.

Заметим, что, хотя две крупнейшие российские партии демократического социализма – меньшевики и особенно эсеры – настойчиво

⁷⁸ Швейцер В. Я. Современная социал-демократия: Словарь-справочник. М., 1990. С. 260.

⁷⁹ Политологический словарь в 2-х частях. М., 1994. Ч. 2. С. 122; Зарубежная политология: словарь-справочник. М., 1998. С. 289–290.

⁸⁰ Кудюкин П. М. Демократический социализм, реформа и революция // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 12 – 20.

⁸¹ Там же. С. 12.

⁸² Там же.

провозглашали свою революционность, и даже умеренные народные социалисты не находили в явлении под названием «революция» ничего регрессивного, следовательно, для общества плохого, на деле, как показали тактические шаги этих партий в период активных действий, явно предпочитали в основном все же гуманизм, осторожность, приверженность моральным принципам в политике. Эти черты, несомненно, похвальны в нормальной, спокойной, благополучной жизни гражданского общества, и ныне ни один демократ не поставит их под сомнение. Однако в 1917 г., в эпоху великого системного перелома в судьбе страны, данные свойства, с точки зрения многих, казались признаком слабости, интеллигентского «чистоплюйства», и этой слабости не могли затем простить себе, в первую очередь, сами социалисты-демократы. Верх тогда одержала сила цепкая, беспощадная и беспринципная, которая свою волю к власти, целесообразность возвела в абсолют, презирая вышеназванные демократические и общечеловеческие идеалы.

В последние десятилетия демократический социализм как идейно-политический феномен, в котором сочетаются лучшие черты социал-демократической и либеральной идеологий, вызывает особый интерес историков и политологов. Гуманизм, эволюционизм, социальная справедливость – ценности, несомненные для современного человека, однако, несмотря на многолетнюю практику борьбы за них, до сих пор являющиеся дефицитными для многих обществ, в том числе, к сожалению, и российского.

Глава 2

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛИСТА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

2.1. НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

«Революционер на время, до сего дня, – человек, с болезненной остротой чувствующий социальные обиды и оскорбления – страдания, наносимые людьми. Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований своих, остается консерватором... Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что некогда сидел в тюрьме, был в ссылке, влачил тягостное существование эмигранта. Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицей обидевшим его. Идеи, принятые им только в разум, но не вросшие в душу ему, находятся в прямом и непримиримом противоречии с его деяниями, его приемы борьбы с врагом те же самые, что применялись врагами к нему, иных приемов он не вмещает в себя»⁸³.

Эти эмоциональные, но психологически довольно точные оценки принадлежат А. М. Горькому; они вышли из-под его пера в мае 1918 г., когда традиции свободолобивой русской публицистики еще не были задавлены пресловутой «генеральной линией» партийности в литературе. Российская наука также на тот момент доживала последние месяцы своей свободы: через очень короткое время полная ликвидация плюрализма научных подходов исключит возможность как объективных, так и, впрочем, субъективных трактовок учеными-общественниками социально-политических событий, явлений и процессов, если эти трактовки не вписывались в вышеупомянутый «генеральнолинейный» контекст. Приведенные нами слова Горького с точки зрения советской общественной науки – чистейшая крамола: они «обнажают» внутренний мир революционера (ведь писатель не уточняет, что именно за революционер, следовательно, большевиков это тоже касается), обращаются к его комплексам, страданиям, переживаниям, а это для советского научного «объективизма» – псевдонаучный метод, лирика. То, что условно можно простить писателю, хотя и немного «заблуж-

⁸³ URL: http://www/hse.ru/data/695/692/1235/polit_kyltyra.doc

дившемуся», но пролетарскому, совершенно непростительно для ученого, который применял бы для объяснения процессов рекрутирования революционных рядов такой вот психологический подход. «Разрешение» на подобные психологические и социодемографические исследования было «получено» отечественной наукой лишь около трех десятков лет назад. Однако к этому времени накопилось столько разнообразных вопросов и концептуального, и частнонаучного характера, что длинный ряд тематик до сих пор ждет своей очереди на разноплановое, многоуровневое и, главное, объективное, беспристрастное исследование. К этому ряду относится и комплексное исследование политических партий, в частности, демократического социализма, в их «человеческом» и «многопартийном» измерении. Приведенные в настоящей главе статистические данные, обобщения и выводы – первый этап контент-анализа социалистической элиты, метода, у которого есть неисчерпаемые документальные и мысленно-экспериментальные ресурсы и, на наш взгляд, большие научные перспективы.

В 1913 году общая численность населения России достигла 165 млн человек. В городах проживало около 15% россиян. Перед Первой мировой войной средняя продолжительность жизни в стране составляла 32 года (цифра, как видим, несколько более высокая, чем на 1885 г. – 28 лет). Темпы прироста населения выросли, так как в силу прогресса в области медицины и здравоохранения, а также некоторого повышения уровня жизни уменьшилась смертность, а рождаемость, как и прежде, оставалась высокой. Главной проблемой модернизирующейся России было аграрное перенаселение с его «набором» экономических и социально-политических последствий. Чрезвычайно пестрым был этно-конфессиональный состав империи и, как следствие, ее разноукладность. В предвоенной России насчитывалось почти 150 «языков и наречий», причем русский язык был родным для 55,7 млн человек. Другими крупнейшими национальными группами были украинцы, поляки, белорусы, евреи, финны, немцы, армяне, грузины, исламские народы Средней Азии и Закавказья, народы Прибалтики, татары. Большинство населения Российской империи (около 75%) исповедовало православие и другие ветви христианства, остальные были приверженцами ислама, иудаизма, буддизма и язычества⁸⁴.

Россия продолжала нести на себе печать крестьянского общинного коллективизма (не ушедшего в прошлое даже в индустриальную эпоху: советский коллективизм явился естественным продолжением

⁸⁴ Дьячков В. Л. История Отечества. Краткое изложение основных проблем: учебное пособие. Тамбов: Изд-кий дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 137.

общинного коллективизма). Миграции из сел в города становились главным источником формирования городского населения с его обычаями, традициями, мировоззрением, привычными моделями поведения. В первое десятилетие XX в. в Москву прибыло 700 тыс., а в Петербург – 1 млн выходцев из деревни⁸⁵. Росту индивидуализма и частного предпринимательства (лучше сказать – индивидуальной предприимчивости) не мог способствовать уровень общей культуры российского населения: Россия занимала одно из последних мест в Европе по уровню грамотности. Законы о начальном всеобщем образовании приняты в Дании в 1814, в Швеции – в 1842, в Норвегии – в 1848, в США – в 1852–1900, в Японии – в 1872, в Италии – в 1877, в Великобритании – в 1880, во Франции – в 1882⁸⁶, а в России начала XX в. число грамотных (среди которых было немало тех, кто едва мог написать свое имя) составляло 21% от общего числа жителей империи. По сравнению с предреформенными годами это был прорыв, и все же около трех четвертей жителей села и почти 60% горожан оставались неграмотными. Среди народов имперских окраин грамотных насчитывалось 3,6%. Это средний показатель: уровень грамотности жителей западных окраин был заметно выше, чем Центральной России и Украины, зато на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии процент грамотного населения был крайне мизерным. Русский просветитель и издатель И. Д. Сытин назвал Россию «страной неограниченных возможностей и неограниченного невежества»⁸⁷. Уровень потребностей людей был крайне низок и примитивен, а доминантой массового сознания и крестьян на селе, и рабочих в городе было равенство, но равенство в нищете⁸⁸.

2.2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В. В ЦИФРАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ

Одной из важнейших характеристик российской реальности в начале XX в. было переплетение процессов форсированной модернизации и социально-политической архаики. В партийно-политическом спектре страны доминировала «внесистемная оппозиция» в лице социалистических партий. В общем виде конфигурация политических сил России в целом (если рассматривать столицы вместе с провинцией) на январь – октябрь 1917 г. показана на рис. 2.1.

⁸⁵ Сенявский А. С. Указ. соч. С. 79.

⁸⁶ URL: <http://otvet.mail.ru/question/22890842>

⁸⁷ Сахаров А. Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 369.

⁸⁸ Сенявский А. С. Указ. соч. С. 79.



Рис. 2.1. Диаграмма соотношения политических сил России на январь – октябрь 1917 г.

Социалистические течения России не представляли собой однородной массы и различались взглядами на внутрипартийную демократию и демократию вообще, на аграрный вопрос, на государство как политический институт, на отношение к террору и множество других наиважнейших вопросов. Вся совокупность российских социалистов сумела завоевать симпатии около 80% дееспособного населения страны, что показали результаты выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. Однако крайне сложно сказать, насколько это было осознанным предпочтением народа и насколько – интуитивным порывом, проявлением психологии толпы, коллективным политическим самообольщением. В российской действительности даже там, где речь идет о вещах практических и рациональных, всегда имело и имеет место существование иррациональных факторов, непредсказуемости и неожиданности. Это является следствием бинарности менталитета русской культуры и постоянно находит отражение в общественной и политической жизни.

Тем не менее, несмотря на присутствие иррационализма в социокультурной ментальности, в кризисные, переломные исторические моменты на первый план выходят вполне целесообразные политические установки и, главное, люди, «продвигающие» их. Поэтому разумно предположить, что для всестороннего понимания политических

процессов и их результатов необходимо изучение не столько программы политических партий, сколько моделей поведения их лидеров и их взаимодействия со своими последователями.

Итак, социалист был некоей политической доминантой России первой четверти XX в. Именно действия социалистов на переломном этапе истории определили судьбу страны и ее жителей на последующие несколько десятилетий.

В качестве исходной модели изучения состава партийно-политической элиты России нами выбрана просопографическая база данных. Просопография – это исследование общих характеристик действующих в истории лиц, которое касается двух главных проблем:

- 1) путей осуществления ими политических акций;
- 2) причин, путей и вариантов социальной мобильности и реализации ими своих карьерных устремлений⁸⁹.

За последние полтора десятка лет просопография как научно-исследовательский жанр стала чрезвычайно востребованной, в том числе благодаря своей увлекательности. Эта популярность нашла свое выражение в многочисленных опубликованных «коллективных портретах», «образах», «обликах», «имиджах» и т.п.

Для количественного исследования российских социалистов мы использовали формуляр, охватывающий основные персональные характеристики потенциального изучаемого объекта, которые одновременно и являются основанием для включения его в состав партийно-политической элиты. Этот формуляр, представленный в формате Excel, включает 26 позиций: фамилия, имя и отчество, даты и места рождения и смерти, национальность, сословная принадлежность, уровень образования (законченное/незаконченное), профессия и занятия, вехи политической социализации, партийность, пребывание в эмиграции, подверженность репрессиям до и после 1917 г., а также особо значимые факты происхождения и личной судьбы, включая антропометрические и психо-сексуальные особенности членов когорты. Значительный материал для базы данных дали общие, региональные и тематические энциклопедии и прочие отечественные и зарубежные справочные издания, электронные базы данных «Жертвы политических репрессий» НИПЦ «Мемориал», «Выпускники Московского университета». Так, энциклопедия «Государственная Дума Российской империи. 1906 – 1917 гг.» (М., 2006) пополнила базу данных почти на

⁸⁹ Иванова Г. В., Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. М., 2005 С. 145.

1200 деятелей. Просопография существенно дополнена информацией, почерпнутой из Internet. Далеко не всегда она поддавалась проверке, но возможные и даже неизбежные неточности не выходят за пределы допустимой погрешности.

Фактические наблюдения, результаты которых приводятся в данной работе, основаны на социометрическом обчете совокупности из трех тысяч персоналий. В их числе – депутаты четырех дореволюционных Государственных Дум, кандидаты в члены Учредительного собрания, лидеры партийных комитетов, представители общественных объединений. Деятельность многих из них началась в провинции. Для России начала XX в. провинция являлась не только основной частью территории страны, но и сутью имперской системы, со всеми ее центробежными и центростремительными явлениями⁹⁰. Для пассионарных выходцев из провинции столичное поприще было предметом стремления, побудительным мотивом и стимулом к деятельности, и этим во многом объясняется их большая активность и предприимчивость, пробивная сила, общественно-политическая энергия, чем у рожденных в Петербурге или Москве. Исследования показывают, что обе столицы, будучи не только крупнейшими городами страны, но и подлинным средоточием политической жизни и эпохальных конфликтов, породили политических лидеров как в абсолютном, так и в относительном измерении непропорционально мало по сравнению с реальной ролью этих городов в жизни империи на любом историческом отрезке. Следует отметить, что с усилением процессов модернизации в конце XIX и особенно начале XX вв. значительно увеличились темпы и объемы социальной мобильности, что делало грань между провинциальной и столичной политической элитой весьма подвижной⁹¹.

Для всего социалистического «лагеря» основным социографическим показателем является то, что почти 70% его политических активистов родились в 1876 – 1890-х гг. Это был период демографического взлета, определившего, с одной стороны, фазу аграрного перенаселения, с другой – активную урбанизацию (явный симптом перехода общества от традиционного к современному состоянию).

⁹⁰ Протасов Л. Г. «Лица необщим выраженьем» (социопортрет провинциального социалиста) // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 231 – 240.

⁹¹ Там же.

Интересное наблюдение сделали В. Л. Дьячков и Л. Г. Протасов, исследовавшие циклы рождения представителей партийно-политической элиты, вошедших в нашу когорту. При распределении политических, в том числе социалистических, активистов по годам их рождений оказалось, что «при общем восхождении до абсолютного пика 1886 г. промежуточные годовые максимумы рождений будущих пассионариев в крупнейших национальных группах неизменно приходится на трудные и неурожайные и (или) эпидемические, «смертные» годы (1840 – 1843, 1848 – 1849, 1860 – 1862, 1864, 1867 – 1868, 1872 – 1874, 1876, 1878 – 1879, 1881 – 1882, 1884 – 1886, 1891 – 1892, 1898, 1902, 1905). Выдвижение на политическую авансцену усиленных отрядов уроженцев неблагоприятных лет выглядит тем рельефнее, что прирост населения эти годы был, как и заведено природой, минимальным. Иначе говоря, стартовые – с утробной и младенческой поры – тяжкие условия выживания отбирали к дальнейшему пути не только самых жизнеспособных, но и всю остальную жизнь питали их пассионарность из глубин подсознания и младенческой памяти»⁹². Причем, говоря о подобной колыбели «смертных» лет, исследователи не отделяли городских уроженцев от крестьянских детей, а земледельческие народы – от народов, живших иными занятиями, поскольку «в этом случае работала упомянутая выше индукция стресса, шедшая из деревни, вырывалось наружу гигантское давление из глубин безбрежного крестьянского мира, настигнутого перенаселением, голодом и мором»⁹³. Среди базовых причин личной пассионарности и высокой социально-политической активности мужчин лежат также факторы психосексуального свойства (степень безотцовщины, качества матери и семейного воспитания, наличие врожденных физических недостатков, последствия сильнейших стрессов детства и т.п.).

Состав партийной социалистической элиты был преимущественно маргинальным. Многие являлись выходцами из села (59-60% у эсеров и национальных социалистов, 55% – у народных социалистов, чуть более 50% у большевиков; у меньшевиков, партии сугубо «городского» характера, этот процент и то был достаточно высок – 42%). В этом нет ничего удивительного, учитывая общий демографический состав России. Хотя экономическая и политическая модернизации страны

⁹² Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В. Л. Дьячков [и др.]. – Тамбов: Изд-кий дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 160 с.

⁹³ Там же.

набирала обороты, в начале XX в. основу социальной структуры, как и ранее, составляли сословия – замкнутые группы людей, наделенные определенными правами и обязанностями, передающимися по наследству (в России наследственным зачастую был и род занятий)⁹⁴. Привилегированное – дворянское – сословие составляло около 1% населения. После отмены крепостного права роль дворянства в экономической жизни падала, но его роль в политике до конца позапрошлого столетия оставалась ведущей. Положение вещей стало меняться как раз в рассматриваемый нами период, когда на первый план стали выходить представители будущих левоцентристских и левых партий, имевшие разночинское сословное происхождение. Особым сословием являлось духовенство, давшее политике немало выходцев из своей среды (точнее, в политику шли дети лиц духовного звания, начинавшие образование или получившие его в соответствующих учебных заведениях, но затем «выписавшиеся» в светские).

Крестьянство составляло более 80% населения России. Являясь основным податным сословием, политически оно было самым бесправным. До аграрной реформы 1906 – 1910 гг. крестьяне не могли свободно распоряжаться своими наделами и платили выкупные платежи, вплоть до 1905 г. подвергались телесным наказаниям, на них не распространялся суд присяжных. Малоземелье вынуждало крестьян арендовать землю у помещиков на испольной или издольной основе. Инициативность крестьянства сковывала и община, выйти из которой можно было только с разрешения мирского схода. Однако соседство с экономиями помещиков-рационализаторов оказывало благотворное влияние на состояние агрикультуры местного населения. Именно передовые помещичьи хозяйства становились для крестьян источником знаний о прогрессивных технологиях⁹⁵. Новшества, хотя и медленно, все-таки входили в крестьянскую хозяйственную жизнь. Столыпинское правительство, начиная ломку аграрных отношений в общинной деревне, сначала больше полагалось на то, что новая форма собственности способна восполнить недостатки культуры земледелия. Применение на практике Указа 9 ноября 1906 г. заставило пересмотреть прежние воззрения. Умножение отрубов и хуторов отнюдь не сопровождалось автоматическим переходом к рационализации и интенсификации сельскохозяйственного производства. Крестьяне и власти самым ходом событий подводились к мысли, что хозяйствовать по-

⁹⁴ URL: http://www.historichka.ru/works/socialnoe_polojenie_nachalo_20/

⁹⁵ Безгин В. Б. Общинное земледелие и аграрная модернизация // Вопросы современной науки и практики. 2016. № 1(59). С. 120.

старому – гибельно как для единоличных хозяйств, так и для судьбы реформаторских начинаний⁹⁶.

Под влиянием капитализации сельского хозяйства ускорялось социальное расслоение крестьян: 3% превратились в сельскую буржуазию (кулаки), около 15% стали зажиточными (середняки). Они имели возможность не только заниматься сельским трудом, но и обогащаться за счет ростовщичества и мелкой торговли в деревне. Остальная масса вела натуральное хозяйство и служила источником наемной рабочей силы в деревне (батраки) и городах. Несмотря на разницу в положении зажиточных и бедняков, помещичье землевладение было главным объектом социального протеста в деревне: против него боролись все крестьяне. Аграрно-крестьянский вопрос был наиболее острым в политической жизни страны на протяжении не одного столетия и, несмотря на разнообразные проекты и попытки его хотя бы частичного разрешения, оставался таковым в начале XX в. Столь «сложный и многоуровневый процесс, как модернизация, требует движущей силы; силы, способной повести за собой, организовать общество, накопить и правильно распределить ресурсы. К таковой в первую очередь стоит отнести государство с его потенциальными возможностями. И, конечно же, политические партии»⁹⁷. Не случайно в программах политических партий, исповедовавших демократические идеалы (особенно это касается неонародников – эсеров и энесов), аграрные разделы занимали основное место.

Важным и показательным предметом анализа общей социодемографической картины является возраст политиков. «У каждой эпохи свое поколение», – пелось в одной известной советской песне. Именно возраст связывает человека с его эпохой, историческим временем, определяет хронологический контекст формирования личности, выделяет базовые и модальные характеристики личностей в политике, указывая на черты, наиболее распространенные или востребованные в обществе того или иного периода. В данном случае прослеживается вполне очевидная закономерность: чем моложе был активист, тем более радикальное политическое направление он выбирал. Революционные идеологии привлекали самых молодых людей; люди постарше, имевшие профессиональный и жизненный опыт, в том числе опыт общественной деятельности в народной среде, предпочитали течения более эво-

⁹⁶ Токарев Н. В. Агрικультурные инновации в деревне начала XX века // Вопросы современной науки и практики. 2016. № 1(59). С. 127.

⁹⁷ Сафонов Д. А. Проблемы аграрной модернизации и политические партии начала XX века // Вопросы современной науки и практики. 2016. № 1(59). С. 123.

люционные, реформистские, умеренные, ближе к «центру». Если попытаться представить все эти тенденции в цифрах (приблизительных, но погрешность которых невелика), то получится такая картина. К 1917 г. деятели политических партий России подошли в следующих «средних возрастах»: правые – около 60 лет, октябристы – 51 год, кадеты – 50 лет, народные социалисты – 45 – 47, эсеры, меньшевики, левые эсеры и анархисты – 35 – 38 лет. Мировоззрение политиков «среднего» поколения в основном сформировалось в конце XIX в., в обстановке предреволюционного всплеска общественной энергии. Это было время народных бедствий – холеры, голода, нашедших отзвук в общественной инициативе, в оживлении земской оппозиции, желавшей помочь бедствующим и недовольной бюрократической линией в этих вопросах. Это начало массового рабочего движения, студенческие волнения, «якутская трагедия» 1889 г., обострившаяся с появлением марксизма конкуренция на рынке политических идей. Все эти и другие факторы определяли становление мировосприятия и личности разночинской молодежи того поколения. Многие из тех молодых людей должны были сами пробивать себе жизненный путь. В условиях сословно регламентированного общества это было очень нелегко, однако преодоление трудностей избавляло человека от инфантилизма, наивности, «книжности» взглядов, давало подлинное знание жизни, помогало вырабатывать стойкость и твердость характера и убеждений и направляло на ту или иную политическую дорогу, «магистрального направления» которой в большинстве случаев политик придерживался всю жизнь.

Самыми юными были наиболее радикальные – большевики, средний возраст которых был чуть за 30 в 1917 г. Их приобщение к политике, пришедшееся на годы первой русской революции, произошло в самом «пассионарном» и романтическом возрасте: в 1905 – 1907 гг. большинству из них было всего по 18 – 20 лет. Средний же возраст членов национальных филиалов и вариантов общероссийских партий практически всегда оказывался меньше: с разницей от полугода для национальных вариантов Партии народной свободы до 7 лет у национальных подвидов большевизма и почти до 12 лет у правых русских и других националистов (рис. 2.2).

Широко растиражировано изречение, приписываемое У. Черчиллю: «Кто в молодости не был революционером, у того нет сердца; кто в старости не стал консерватором – у того нет ума». Наглядным подтверждением и дополнением общей палитры движения от политического «сердца» к политическому «уму» служит движение межпартийных переходов по мере развития российских политических процессов.

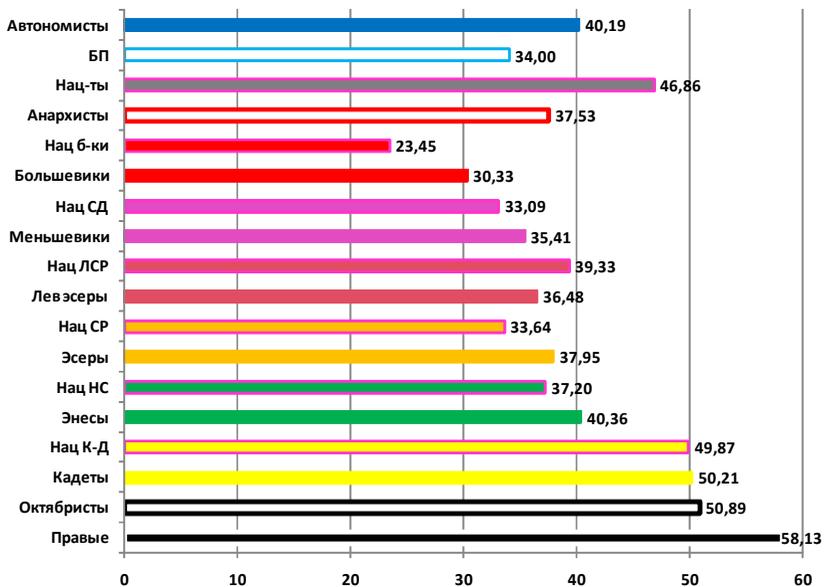


Рис. 2.2. Средний возраст членов российских политических партий на 1917 г.

Деятели, грешившие в молодости народничеством и даже народолюбием, переходили по мере «взросления» в основном вправо – к кадетам, прежде всего. Очень занимателен и поучителен такой пример. Один из лидеров «Народной воли», в раннем возрасте – ярый поборник политического террора Н. А. Морозов, просидевший 23 года в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, осенью 1917 г. выдвинулся в Учредительное собрание от... кадетов. На вопрос, почему он, бывший революционер, вступил в кадетскую партию, Морозов ответил, что считает нужным бороться за политические реформы и конституционный образ правления: цели «Народной воли» ближе всего к Партии народной свободы⁹⁸.

Активисты из молодых поколений, напротив, в большинстве своем и по нарастающей уходили влево: от эсеров – к левым эсерам, от умеренных марксистов-эсдеков – к большевикам. Конечно, не обходилось и без исключений: некогда пламенный большевик Н. В. Вольский (Валентинов), на заре своей политической карьеры, по его собствен-

⁹⁸ Народная свобода. Тифлис. 1917, 10 декабря.

ному определению, «лейтенант» Ленина, после размолвки с последним, а затем и пересмотра политических взглядов (главным образом – на методы действия, вопросы демократии и диктатуры) перешел в ряды так называемых «ликвидаторов», а в середине 1917 г., из-за несогласия с партийным курсом, и вовсе вышел из РСДРП, став, так сказать, социалистом общего направления, не скованным доктриной определенной партии, для которого высшей целью общественного развития являются демократия и социальная справедливость (табл. 2.1).

2.1. Средний возраст (в 1917 г.) членов политических партий и течений в зависимости от национальности

Национальность	Энесы	Эсеры	Нац. эсеры	Левые эсеры	Меньшевики	Нац. социал-демократы	Большевики
Русские	42,1	40,5	–	32,0	36,4	33,7	30,5
Украинцы	45,8	41,7	33,1	32,7	36,9	35,6	29,9
Белорусы	47,0	36,3	32,5	26,7	33,0	32,1	31,3
Евреи	39,5	36,2	31,3	32,5	35,3	34,2	30,7
Поляки	50,0	36,0	38,8	–	41,6	36,0	33,5
Литовцы	–	40,7	27,3	–	27,2	37,1	30,6
Латыши	–	37,2	–	–	–	35,0	35,1
Эстонцы	50,0	36,0	30,4	–	43,0	29,0	29,5
Финно-угры	–	40,1	36,0	57,0	29,0	–	22,0
Немцы	29,0	45,3	–	–	39,0	–	33,7
Татары и башкиры	–	39,7	32,5	32,5	32,9	25,5	27,0

Продолжение табл. 2.1

Национальность	Энесы	Эсеры	Национальные эсеры	Левые эсеры	Меньшевики	Национальные социал-демократы	Большевики
Грузины	–	41,9	–	–	39,6	–	33,4
Армяне	–	38,3	41,7	36,0	38,0	–	27,7
Народы Северного Кавказа	36,0	32,5	36,0	–	34,6	–	31,3
Азербайджанцы	–	29,0	36,0	–	40,7	36,9	32,1
Народы Средней Азии	29,0	43,0	34,4	–	29,0	–	28,0
Народы Сибири	–	29,0	–	–	32,5	–	29,0
Молдаване	–	36,0	32,5	–	–	–	33,7
Малые народы	36,0	36,9	–	57,0	–	–	33,7

Что касается сословно-социальных характеристик исследуемой когорты, то, несмотря на скептическое отношение к сословности в начале XX в. самих социалистов, в качестве предмета исследования сословная модель общества является достаточно удобной (табл. 2.2). Россия, не окончательно вышедшая из традиционного состояния, все еще оставалась страной сословий. В жизни последние все больше превращались в условность, социальная мобильность росла, число ее «сдержек» неуклонно уменьшалось; восточная модель стратификации мягчала, размывалась тенденциями, свойственными обществу индустриального типа.

2.2. Сословия и партийность, %

	Крестьяне	Дворяне	Мещане	Купцы	Духовное сословие	Почетные граждане	Разночинцы	Всего
Большевики	5,1	6,8	30,5	3,8	5,4	0,4	8,0	100,0
Меньшевики	33,8	16,3	37,5	3,3	5,4	–	3,7	100,0
Эсеры	52,4	16,5	20,9	1,9	6,2	2,1	–	100,0
Энесы	36,7	25,2	13,5	4,9	14,8	1,2	3,7	100,0
Национальные социалисты	6,5	4,4	9,7	1,9	12,3	2,2	3,0	100,0

Среди выходцев из крестьян вполне закономерно лидируют эсеры, позиционировавшие себя как «крестьянская» партия. Здесь очевидна взаимозависимость политической радикальности и уровня образования активиста. Чем ниже у человека был уровень образования, тем с большей готовностью он подавался в радикалы, и наоборот. В самом ярком виде сниженное образование проявлялось среди левых, хотя крайне правые шли следом по недостатку знаний и культурной организации мышления. При расположении партий в правильной спектральной последовательности уровень образования их членов образует волну с низшими уровнями высшего образования и высшими долями образования низшего у крайних левых, и наоборот – у либералов.

Доля лиц с полным высшим образованием среди кадетов почти 70%, с низшим – 9,7%. У большевиков те же сегменты занимают 21,6 и 40,4% соответственно. Давно подмечена характерная для радикалов незавершенность высшего или среднего образования, причем чаще они завершали обучение ради занятия политикой. Если среди октябристов и кадетов «незавершенка» составляет 12–13%, то слева она колеблется от 16,7 до 28,6%. Среди недоучек-гимназистов и реалистов кадеты и близкие к ним по политическому сознанию автономисты, федералисты и беспартийные демонстрируют 4,1, 1,8 и 6% соответственно, в то время как у левых этот процент колеблется в интервале 10 – 23% (табл. 2.3).

2.3. Образование и партийность, %

Партия / Образование	Высшее	Неполное высшее и средне-специальное	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Без образования	Всего
Энесы	56,7	19,7	3,2	7,8	12,2	0,4	100,0
Меньшевики	41,9	18,4	3,3	15,4	19,8	1,8	100,0
Эсеры	31,7	24,0	5,3	10,4	25,6	3,0	100,0
Левые эсеры	26,0	28,5	3,9	16,9	24,7	–	100,0
Большевики	21,6	16,9	5,5	15,5	39,5	1,0	100,0
Анархисты	21,4	25,0	10,8	21,4	21,4	–	100,0
Беспартийные	54,0	18,0	4,0	6,0	18,0	–	100,0

Демократизация высшего образования – пожалуй, самый яркий показатель успехов российской модернизации. Не менее чем его доступность, нагляден сдвиг в отношении общества к высшему образованию на рубеже веков. Гимназическая скамья гораздо менее способствовала развитию вольнодумства у молодых людей, нежели университет. «В нашем гимназическом кружке, – рассказывает М. Вишняк, присоединившийся к эсерам в университетские годы, – революцией и не пахло. До самого окончания гимназии никто из нас и нас окружавших о революции и вообще о политике не думал, во всяком случае, не говорил. Главная проблема, нас интересовавшая, была проблема морали – личной и общественной праведной жизни»⁹⁹. Да и сам В. И. Ленин, несмотря на приписываемый ему советскими биографами революционаризм едва ли не врожденный, в гимназические годы ни в чем крамольном замечен не был. Как отмечает Р. Пайпс, Ленин-юноша «не выказывал никакого интереса к общественной жизни. «Федор Керенский, отец будущего политического соперника Ленина, бывший ди-

⁹⁹ Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 37.

ректором гимназии в Симбирске, которую посещал Ленин, рекомендовал его для поступления в Казанский университет как «замкнутого» и «необщительного» молодого человека. «Ни в гимназии, ни вне ее, – писал Керенский, – не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение». Ко времени окончания гимназии в 1887 г. у Ленина не было «определенных» политических убеждений. Ничто в начале его биографии не изобличало в нем будущего революционера; напротив – многое свидетельствовало о том, что Ленин пойдет по стопам отца и сделает заметную служебную карьеру»¹⁰⁰.

Иное дело – высшие учебные заведения, принимавшие в свои стены людей с аттестатом зрелости, к которому «положено» было прибавляться относительно сформировавшемуся житейскому мировоззрению, пылкости ума, открытости к знанию, причем не только научного свойства. Университеты стали более доступны выходцам из разных сословий. Кроме Александровского лицея, сохранившего «аристократизм», остальные университеты и институты «обслуживали» в разной степени все цвета политического спектра. Утратили свою былую радикальную репутацию времена «хождения в народ» Петербургский Технологический институт и Петровско-Разумовская земледельческая академия в Москве, считавшаяся ранее, по выражению И. В. Гессена, революционным рассадником¹⁰¹. Дело было, конечно, не в отходе студенчества от активной политической жизни, а в ее диверсификации, в усложнении структуры и характера студенческого движения.

Как особый сюжет следует рассмотреть обучение российских подданных в зарубежных вузах. Всего среди провинциальных политиков, по нашим данным, примерно полторы сотни человек учились за границей. Подавляющее большинство их входило в ведущие политические партии: меньшевики – 31, кадеты – 23, большевики – 22, эсеры – 20. На первый взгляд такая картина преобладания социалистов кажется странной. Одно из объяснений этого парадокса кроется в том, что зарубежное образование в начале XX в. было порой более доступным (например, для евреев, не вписавшихся в «процентную норму»), чем отечественное, а нередко и вынужденным¹⁰². Еврей М. Вишняк

¹⁰⁰ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленин>, Владимир Ильич

¹⁰¹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 22.

¹⁰² Как вспоминал меньшевик Е. Л. Ананьин, ему, «политически неблагонадежному», был закрыт доступ в какой-либо российский университет, о чем он имел официальное подтверждение министра внутренних дел А. А. Ма-

пишет: «Всех нас учили – чему-нибудь и как-нибудь. Брат по личной склонности учился больше и тщательнее других. Однако, всем нам четверым дали законченное среднее и высшее образование, а я неожиданно вышел даже в профессора»¹⁰³. Другой распространенный случай, когда студент, исключенный из университета «за политику» и осужденный на ссылку, обращался к властям за разрешением продолжить образование за границей и как правило, его получал. При этом, однако, он был предупрежден, что если вернется в Россию до окончания ссылки, то будет отбывать весь оставшийся ее срок.

Конечно, разнообразны были и мотивы обучения. Предположительно, у кадетов чаще всего это было желание получить качественное образование для будущей профессии, у социалистов преобладали мотивы, связанные с революционной работой, прежде всего пребывание в эмиграции, которое использовалось для активного пополнения знаний. Ведь именно социалистические партии в первую очередь пополнялись инородцами, не принятыми в российские вузы, и представителями разных этносов (в том числе, разумеется, и русскими), «неблагонадежными» в политическом отношении. На рубеже веков в Германии сложился студенческий кружок в составе Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, А. Р. Гоца, И. И. Бунакова-Фондаминского, В. В. Руднева, ставший вскоре ядром руководства партии эсеров. Единомышленники, по словам Зензинова, «полагали, что под наши революционные чувства необходимо подвести фундамент философии и науки»¹⁰⁴, которого не было у старого народничества, обновив его теоретические основы идеями неокантианства с его самоценностью человеческой личности. Следует, впрочем, знать, что формула «учился в европейских университетах» вовсе не означает законченного образования, чаще бывало наоборот.

Каковы бы ни были мотивы заграничного обучения, не приходится отрицать его значимость для будущих политиков. Личное знакомство с европейскими порядками создавало броский демонстрационный эффект, подчеркивало социально-политическую отсталость России, позволяло установить контакты с западными политическими кругами. Для будущих приверженцев демократического социализма это был хороший стартовый опыт политической социализации, ведь идеи демократии не только издавна развивались в Центральной и Западной

карова – «Таким образом, учение я мог продолжать только за границей» (Ананьин Е. Л. Из воспоминаний революционера. 1905 – 1923 гг. // Меньшевики. Бенсон: Вермонт, 1990. С. 1.

¹⁰³ Вишняк М. В. Указ. соч. С. 34.

¹⁰⁴ Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 46.

Европе на научно-теоретическом уровне, но и имели большие традиции практического применения в конкурентной партийной борьбе. Условия же свободы и плюрализма в период идейного становления избавляли русских студентов зарубежных вузов от «местечковой» зашоренности, давали опыт участия в политических организациях, ну и, конечно, способствовали развитию интернационализма, межэтнической толерантности, снимали коммуникационные барьеры. Все это впоследствии, в годы эмиграции, помогло многим российским деятелям демократического социализма благополучно совершить аккультурацию с западной общественно-политической средой.

Анализ общего уровня и движения образования народных социалистов подтверждает, что и в этом отношении они были интеллигентной «прокладкой» между левыми кадетами и правыми эсерами. Большинство (56,7%) из них – люди с полным высшим образованием. Энесы – самые большие «гуманисты» на российской революционной почве: 12,8% – с историко-филологическим, 11,9% – дипломированные врачи, а доли лиц с военным образованием меньше только среди большевиков.

Иной тип образованности обнаруживается у революционных партий и течений. Уже среди правых эсеров и эсеров центра доля высшего образования падает почти в два раза до 31,7%, а у левых эсеров и вовсе до 26%. По убывающей следуют гуманитарии, естественники, юристы, врачи. В ПСР, считавшейся защитницей крестьянских интересов, достаточно высокая доля лиц с высшим сельскохозяйственным образованием – 5,7%, как, впрочем, и у октябристов, кадетов и энесов. Но эссе-

2.4. Структура высшего и среднего специального образования, %

Партия/ Специализация	Гуманитарное	Духовное	Юридическое	Естественное	Медицинское	Военное	Аграрное
Народные социалисты	22,5	6,7	17,2	10,6	11,9	1,8	5,5
Меньшевики	15,8	3,4	15,2	13,0	7,6	1,8	3,5
Эсеры	15,4	4,5	9,7	10,4	7,3	2,8	5,7
Большевики	12,8	1,9	7,1	8,0	5,4	1,3	2,1

2.5. Род занятий и партийность, %

Партия	Партийные функционеры	Служащие	Интеллигентные профессии	Военные	Рабочие, крестьяне	Прочие	Всего
Народные социалисты	2,4	32,0	60,1	4,2	1,3	–	100,0
Эсеры	34,9	19,7	29,6	8,5	5,0	2,3	100,0
Меньшевики	39,4	16,1	28,8	5,3	10,0	0,4	100,0
Большевики	48,3	6,6	16,9	9,5	15,9	0,8	100,0
Национальные социалисты	15,8	17,3	52,4	11,0	2,4	1,1	100,0

рам не было равных по доле аграриев по образованию в сегменте «незаконченное высшее и среднее специальное образование», что обеспечило им первенство по тем, кто учился на агронома, ветеринара или лесничего.

Многие революционеры отмечены недо- и малообразованностью, потому среди эсеров доля лиц с незаконченным высшим и среднеспециальным образованием составляет весьма высокие 24% (у левых эсеров – 28,6), а с незавершенным средним – 10,4% (в ПЛСР – 16,9). Доля эсеров, чье образование закончилось начальной школой – 25,7% (у левых эсеров – 24,7). Зато по числу тех, кто нигде не учился, но в политическую (по крайней мере, провинциальную) элиту революционной России смог подняться, эсеры – бесспорные лидеры.

Особенности меньшевистской структуры образования определила специфика национального спектра меньшевизма. Из всех крупных общероссийских партий меньшевики всех оттенков были самой «еврейской»: 18,6% евреев среди правых меньшевиков и меньшевиков центра и 34,2 – среди левых меньшевиков. А среди евреев-партийцев старших возрастов (по понятной житейской надобности) была чрезвычайно

высока доля лиц с высшим образованием. Поэтому среди меньшевиков необычно много для революционной элиты тех, кто окончил университеты – 41,9% у «просто» меньшевиков и 30,3 у меньшевиков левых. Тот же еврейский фактор обеспечил меньшевикам резко повышенные доли учившихся на юрфаках, абсолютно высшую долю естественников (10,4%) и высшую среди революционеров долю врачей (6,1%).

Вместе с тем «пролетарский» характер РСДРП обеспечил ей высокий удельный вес лиц с неполным средним (15,4% у меньшевиков; 22,7 – у левых меньшевиков) и начальным образованием (19,8% у меньшевиков; 21,2 – у левых меньшевиков).

И, наконец, большевики – победители в 1917 г. и в Гражданской войне, экстремальные во многом – от политической практики до декларируемого пренебрежения к общечеловеческой нравственности во имя классовой (или даже узкопартийной) целесообразности. Их мир образования не является исключением. Для них, как для типичных радикалов, характерна незавершенность высшего либо среднего специального образования, а если оно завершалось, то чаще всего – ради политики. У них – самая низкая среди массовых партий доля высшего образования в 21,6%. Среди большевиков меньше всего людей с военным, юридическим, сельскохозяйственным и духовным образованием. При этом 16–17% составляют лица с незавершенным высшим и средним образованием, причем преобладало сознательное оставление учебы ради погружения в революционную работу. Провинциальные «элитные» большевики ошеломляют количеством в их рядах людей с низшим образованием – 39,5%.

Все партии социалистического направления отличались высоким, по тогдашним меркам, образовательным цензом, предъявляемым к их предводителям. Партийные лидеры в большинстве случаев (даже иногда при отсутствии систематического образования) уверенно возвышались над рядовыми социалистами – своими «последователями». Ученость, образованность, разносторонность при этом, конечно, сопровождали личностные, харизматические качества партийных лидеров, их незаурядную энергию, общественную и публицистическую активность. В целом общий уровень образования очевидно снижался от либеральной «вершины» к радикальным «краям» политического спектра. Только среди «крайних», особенно левых, наблюдается рост доли активистов с низшим образованием. У всех партийных направлений, кроме большевиков, в различных возрастных когортах наблюдалось не только поддержание, но и даже рост долей высшего образования. Лишь у большевиков эта доля падает от одной возрастной когорты к следующей. Зато эта нехватка позитивных профессиональных знаний компенсировалась «магическим сознанием», впоследствии усердно

внедряемым в психологию целого народа, убеждением в собственной правоте (часто из-за дефицита критицизма, свойственного недоучкам), и непреодолимым желанием воплотить свои идеи в реальную жизнь (неважно, есть для этого подходящая социально-экономическая почва, или нет).

Еще один социальный параметр, полезный для исследования – род занятий. Его труднее всего подвергнуть верификации. У большинства партийных деятелей не было прямого соответствия между изначально выбранной профессией и последующим родом деятельности. Активистам партий часто приходилось, избавляясь от полицейских преследований, менять место жительства и род занятий. В результате нередко затруднительно выявить основной, преобладающий характер занятий того или иного лица. Так, часто встречающееся при самоопределении ими рода деятельности «кооператор» мало что конкретизирует: в начале века кооперативное движение было не просто распространенной формой общественной активности, но зачастую и единственной возможной формой легальной работы для социалистов в межреволюционный период. То же – «журналист», «публицист»: когда оппозиционная публицистика была едва ли не главным орудием политической борьбы, представители любых профессий могли определять ее как главный род своих занятий. Многие члены изучаемой когорты в 1917 г. занимали различные административные и общественные должности, что отражает широкую внедренность политических активистов в управленческие структуры различного уровня и профиля, однако мало что прибавляет к социальному облику лидеров и членов российских партий.

Самый высокий процент «настоящих» (не по происхождению, а по реальной деятельности) рабочих и крестьян – у марксистов, большевиков и меньшевиков. Самый низкий удельный вес людей интеллигентных профессий (врачи, педагоги, юристы, инженеры, агрономы, лица свободных профессий) – у большевиков. У них же – наивысший процент «партийных работников» – пропагандистов, подпольщиков. У этой категории активистов практическая политическая деятельность неразрывно соединена с основным родом их занятий. Это были, как правило, люди физического труда, бравшие на себя исполнение текущих партийных поручений. Расхожее «профессиональные революционеры» подходит далеко не ко всем из них. Основная масса людей не жила исключительно за счет средств партии (как некоторые члены партийных элит); обычно это были рабочие и служащие, совмещавшие обыденную и партийную деятельность и получившие доступ в политические «верхи» вместе с известностью благодаря участию в многообразных событиях революционной поры. Подчеркнем еще раз: такая

тенденция к совмещению профессии и революции прослеживается в первую очередь у большевиков. Это дало многим из них после революции гордо указывать в анкетах свое партийное занятие, которое, впрочем, не гарантировало от преследований и репрессий в годы сталинизма.

В других партиях официально революционерами именовали себя неизмеримо меньше. Но и там были свои профессиональные «доминанты». Среди неонародников, родившихся в 1860 – 1870-х гг. (и среди революционных, и среди умеренных) было много земских служащих. Не у всех из них было систематическое образование, но часто свойственные выходцам из низов целеустремленность, цепкость ума, памяти, характера, работоспособность и энергия со временем в значительной мере компенсировали этот недостаток. Статус таких людей формально принято обозначать нелестными понятиями «маргинал», «полуинтеллигент», и это во многом объясняет радикализм их формировавшихся политических взглядов. До начала собственно общественно-политической карьеры многие представители этой возрастной категории работали в земских учреждениях, вливаясь в состав так называемого «третьего элемента», ставшего ферментом общественного брожения в стране. Первые годы 1890-х гг. – время духовного возрождения разночинной интеллигенции, потерпевшей ранее неудачу в своем «хождении в народ». Она не охладела к народу, продолжала тянуться к нему и в конечном итоге нашла путь, «лежавший через земскую территорию». Благодаря особенностям земской избирательной системы, дававшей приоритет поместному дворянству, лишь незначительная часть разночинной интеллигенции имела возможность войти в земство в качестве гласных¹⁰⁵. В несравненно большей своей части она могла приобщиться к земскому делу в качестве вольнонаемных служащих – зачастую в виде сдельных работников и приглашаемых по особой надобности «специалистов». Самарскому вице-губернатору Кондоиди удалось найти выражение, ставшее общеупотребительным для обозначения земской служилой интеллигенции – «третий элемент», и это наименование утвердилось в истории. Новая служилая интеллигенция (по оценкам историков, 65 – 70 тыс. человек) отличалась от своей предтечи: она, хотя и столь же усердно занималась своим непосредственным делом, но «уже не так легко мирилась с тем, как и в какие условия оно поставлено»¹⁰⁶. Руководствуясь не только интересами своей профессии, но, главным образом, народными интересами,

¹⁰⁵ См.: Русское богатство. 1914. № 2. С. 331.

¹⁰⁶ Там же.

как она их понимала, она стремилась оказывать влияние и на общую постановку земского дела как в сфере своей специальности, так и в других отраслях.

Одной из самых колоритных фигур «третьего элемента» в тот период являлся земский статистик. Статистика в России тогда была еще делом новым, но исключительно перспективным. Модернизация страны ставила на научную основу изучение различных сфер хозяйственной и общественной жизни. Земско-статистические бюро, отчасти благодаря своему личному составу с его сознательно-отзывчивым отношением к делу, отчасти благодаря своей специальности, дававшей им систематическое знание местных нужд и условий, заняли выдающееся положение в земских органах. Земским статистикам приходилось иметь дело не столько с мертвыми цифрами, но прежде всего с живыми людьми, причем в неблагоприятных условиях: «с одной стороны, чрезвычайное напряжение их собственной нервной организации, подавляемой обилием впечатлений и труда, а с другой – взволнованное состояние психики того населения, с которым им приходится иметь дело»¹⁰⁷. Ведь даже самые простые и безобидные переписи производили на забитую крестьянскую массу тревожащее, точнее, ужасающее впечатление, поскольку связывались в мужицком сознании с новыми поборами и повинностями, а то и с грядущим концом света (эсхатологические ожидания были особенно распространены в старообрядческих районах). Земская же статистика вынуждена была и решалась затрагивать самые больные и интимные стороны народной жизни. От статистика требовалось внимательное, бережное отношение к интересам населения, корректное и деликатное обращение с отдельными лицами из его среды и «уменье примирить две правды – правду научного изыскания во имя широких общественных задач с житейской правдой будничных забот и тревог»¹⁰⁸. Эти качества не обеспечивались никакими инструкциями и контролем, их можно было найти только в людях, проникнутых интересом к делу, уважением к достоинству своего ближнего, любовью к «трудовому народу» и желанием бескорыстно послужить ему. Среди земских статистиков начала 1890-х гг. не было недостатка в таких людях; большинство из них выбрало народническое направление социализма. Представители земско-статистических организаций деятельно участвовали в подготовке и проведении самых разнообразных, в особенности, наиболее сложных и ответственных земских начинаний. Обвинение в оппозиционности им

¹⁰⁷ Русское богатство. 1901. № 12. С. 175.

¹⁰⁸ Там же.

предъявлялось чаще, чем какой-либо другой категории земских служащих. Возможно, главная причина успехов земской статистики заключалась не столько в разделении труда, свойственном фабрике, сколько в простом сотрудничестве, ставшем особенно продуктивным благодаря высокому интеллектуальному и моральному уровню всех работников. Земско-статистическим организациям был присущ корпоративный дух, и они стали, в сущности, прообразом союзов общественно-профессионального характера.

Обладая, по свойству своей профессии, литературными навыками, статистики нередко принимали на себя корреспондентские обязанности, что служило еще одним поводом для гонений на них за «неблагонадежность». Зато для целого ряда видных в недалеком будущем политиков земская служба стала отличным «рабфаком», дав не только знание жизни, ловкость пера, стрессоустойчивость к преследованиям со стороны начальства и власти, но и практические навыки работы с населением – предполагаемыми партийными «последователями». Здесь неонародники оказались «вооружены», пожалуй, лучше всех.

Из этих «страстей» – естественной склонности интеллигентного человека к творчеству, сопряженной с утилитарным желанием приносить народу пользу – следует одна характерная особенность «средне-статистического» умеренного неонародника – большая публицистическая активность и малый интерес, почти полное пренебрежение к образцам художественной культуры, если они выходили за рамки реалистического направления или не являлись фольклором. Имена Ремизова, Арцыбашева и других более или менее видных представителей «серебряного века» были для народников-«практиков» одиозными. В 1909 г., отвечая на пришедшее в редакцию письмо некоей курсистки, сетовавшей на отсутствие у молодежи современных героев и четких нравственных ориентиров, член редколлегии «Русского богатства» А. В. Пешехонов пояснял, что правильные, непреходящие идеалы – это высокие идеалы, к каковым можно отнести думу о благе народа.

Народники были воспитаны на реализме, сами выражали это литературное направление и воспринимали только реализм. За это в эпоху «серебряного века» с ее разнообразием стилей и жанров правые народники и, в частности, выражавший их взгляды журнал «Русское богатство» нередко подвергались критике и насмешкам со стороны представителей творческой интеллигенции¹⁰⁹. Было немало людей, которым, на фоне расцвета и многообразия литературы «серебряного

¹⁰⁹ Протасова О. Л. Эстетика «Серебряного века» в оценке А. В. Пешехонова // Искусство и культура (научно-практический журнал). Реценз. ВАК Беларуси. № 1(19). Витебск, 2013. С. 74 – 80.

века», оригинальности, новизны, подчас рискованной смелости тем, стилистических исканий и экспериментов традиционное народническое творчество казалось серым, безжизненным, «как сухощавая, черная дева лет под 40»¹¹⁰, – едко заметил В. В. Розанов. При всем искреннем уважении к талантам и гражданскому пафосу народнических публицистов, нельзя не признать значительной доли правоты сердитых высказываний мастера орнаментальной прозы в адрес «толстых» журналов «социал-демократов» (не вникая в политические оттенки, Розанов всех народников зачислял в эту когорту), когда писал: «Таланта – нет, поэзии на страницах их толстых журналов – нет... Вся классическая литература прошла мимо них: остается «выжигать глаза» Пушкину, которому предпочитают Некрасова»¹¹¹. Сужение бескрайнего поля жизни до рамок политического измерения¹¹² – явление, распространенное в годы, когда хорошим тоном стало равнодушие к общественным проблемам. На этой волне даже культурный, высокообразованный человек, следуя тогдашнему «тренду» народолюбия (особенно распространенному и разночинской среде), мог стараться «опроститься», чтобы стать для народа «своим». Однако в глазах окружающих, не подверженных этой «модной» тенденции, он рисковал при этом выглядеть странно и гротескно.

2.3. «ТЮРЬМА НАРОДОВ» ИЛИ ФАБРИКА АКТИВИЗМА? ЭТНОСОСТАВ И ПАРТИЙНОСТЬ

Процесс складывания партийной системы в России имел ряд особенностей. Во-первых, социалистические партии появились раньше либеральных. Во-вторых, среди социалистов прежде оформились партии национальных окраин, где острее всего ощущалась национальная дискриминация (польский «Пролетариат», еврейский «Бунд», армянский «Дашнакцутюн»). «Национальные и конфессиональные отношения в их взаимосвязи, как известно, возникают в процессе деятельности и взаимодействия соответствующих социальных субъектов: этносов и конфессий, этнонациональных и религиозных (конфессиональных) групп, институтов и организаций, индивидов, различающихся по своим национальным и религиозным характеристикам (идентично-

¹¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 4. Д. 67. Л. 1.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Протасова О. Л., Наумова М. Д., Бикбаева Э. В. Культурная жизнь России начала XX в. в оценке А. В. Пешехонова (на нем. яз.) // Вестник ТГТУ. 2014. Т. 20. № 1. С. 196.

стям)»¹¹³. С появлением общероссийских партий их состав закономерно стал отражать этнический состав населения империи. В российском партийно-политическом спектре были представлены все крупнейшие национальные группы почти в той же последовательности, что и в национальном составе населения¹¹⁴.

2.6. Этнoсoсoвaт пoлитичecких пaртий и тeчeний

Национальность	Правые	Октябристы	Кадеты	Энесы	Эсеры	Мягкотелы	Большевики	Анархисты	Националисты	Автономисты	Всего
Русские	83,0	72,3	62,0	62,0	48,8	42,8	54,5	37,9	–	22,0	54,6
Украинцы	12,1	13,3	11,8	26,9	30,3	18,9	9,5	10,3	25,0	13,0	18,3
Белорусы	3,5	0,3	2,5	2,4	2,6	1,7	1,4	–	11,0	2,8	2,3
Евреи	–	1,7	5,4	3,5	5,8	22,9	14,7	41,5	25,0	–	9,2
Поляки	0,5	0,3	1,6	0,4	0,8	1,6	1,6	–	5,0	17,7	1,8
Литовцы	–	–	0,5	–	0,6	1,5	0,9	–	1,0	0,8	0,7
Латыши	–	–	1,0	0,2	0,5	2,2	4,8	–	1,0	1,5	1,5

¹¹³ Саркарова Н. А., Гусаева К. Г. Национальные и религиозные факторы в социокультурном измерении // Вопросы современной науки и практики. Университет имени В. И. Вернадского. 2013. № 4(48). С. 110.

¹¹⁴ Протасов Л. Г. «Лица необщим выраженьем» (социопортрет провинциального социалиста). С. 237.

Продолжение табл. 2.6

Национальность	Регионы										
	Правые	Октябрьскы	Кадеты	Энесы	Эсеры	Меньшевикоз	Большевикоз	Анархисты	Националисты	Автономисты	Всего
Эстонцы	-	-	0,9	0,2	0,5	0,6	1,2	-	-	0,8	0,6
Финно-угры	-	0,3	0,1	-	0,9	0,1	0,1	-	-	-	0,3
Немцы	-	8,1	2,0	0,9	0,5	0,9	1,1	-	2,0	5,9	1,5
Татары и башкиры	-	0,3	2,0	1,1	1,6	1,1	0,7	-	12,0	20,1	2,0
Грузины	-	-	1,0	0,2	1,2	2,5	2,7	3,4	-	-	1,3
Армяне	-	-	1,6	-	1,9	0,9	2,8	3,4	-	-	1,4
Народы Северного Кавказа	-	-	0,4	0,2	0,3	0,6	1,0	-	-	4,3	0,6
Азербайджанцы	-	-	1,2	0,7	0,2	1,0	0,8	-	4,0	2,0	0,7
Народы Средней Азии	-	-	3,5	0,2	0,7	0,1	1,2	-	8,0	3,9	1,3
Народы Сибири	-	-	0,2	-	0,1	0,2	0,2	-	1,0	1,6	0,2
Молдаване	0,5	1,4	0,8	-	1,1	-	0,3	-	-	2,0	0,5

Национальность	Малые народы	Европейцы	Всего
Правые	-	0,4	100,0
Октябристы	0,5	1,4	100,0
Кадеты	0,5	1,0	100,0
Эсеры	0,4	0,7	100,0
Эсеры	0,1	0,5	100,0
Меньшевики	-	0,4	100,0
Большевики	0,3	0,4	100,0
Анархисты	-	3,5	100,0
Националисты	-	5,0	100,0
Автономисты	0,4	1,2	100,0
Всего	0,5	0,7	100,0

2.7. Партийные доли внутри национальных групп

Украинцы	Русские	Члены партии в нациях, %
6,1	13,8	Правые
3,6	6,6	Октябристы
11,8	20,5	Кадеты
9,4	7,4	Эсеры
37,4	20,2	Эсеры
16,4	12,1	Меньшевики
8,5	16,3	Большевики
0,3	0,3	Анархисты
2,0	0,6	Националисты
2,9	1,5	Автономисты
1,6	0,7	Беспартийные
100,0	100,0	Всего

Продолжение табл. 2.7

Финно-угры	Эстонцы	Латыши	Литовцы	Поляки	Евреи	Белорусы	Члены партии в нацист., %
-	-	-	-	2,4	-	13,7	Правые
5,5	-	-	-	0,8	0,9	0,6	Оккупационисты
5,5	27,4	12,2	14,8	16,6	10,8	19,9	Кадеты
-	2,4	1,0	-	1,8	2,5	7,2	Энесы
78,0	20,2	8,3	21,5	9,6	14,0	25,7	Эсеры
5,5	15,7	22,5	36,1	13,9	39,2	11,8	Менделеевцы
5,5	29,7	51,4	21,2	14,3	26,0	10,0	Большевики
-	-	-	-	-	1,9	-	Анархисты
-	-	0,9	2,1	4,0	3,9	6,8	Националисты
-	4,6	3,7	4,3	35,8	-	4,3	Автономисты
-	-	-	-	0,8	0,2	-	Беспартийные
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	Всего

Продолжение табл. 2.7

Азербай- джанцы	Народы Северного Кавказа	Армяне	Грузины	Татары и башкиры	Немцы	Члены партий в нациях, %
-	-	-	-	-	-	Правые
-	-	-	-	0,7	26,7	Октябристы
31,3	12,9	22,3	14,0	18,5	23,8	Кадеты
6,0	2,6	-	1,1	3,2	3,8	Энесы
5,9	12,8	31,6	20,4	17,2	7,6	Эсеры
21,6	15,0	11,0	30,0	8,5	9,5	Мещанинство
17,6	28,2	34,0	33,4	5,7	11,4	Большинство
-	-	1,1	1,1	-	-	Аварханы
7,8	-	-	-	8,5	1,9	Националисты
9,8	28,5	-	-	37,0	14,3	Автономисты
-	-	-	-	0,7	1,0	Беспартийные
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	Всего

Всего	Европейцы	Малые народы	Молдаване	Народы Сибири	Народы Средней Азии	Члены партий в нацпсл, %
9,1	6,0	-	8,8	-	-	Правые
4,7	10,0	6,1	14,7	-	-	Октябристы
18,1	26,0	21,2	2,9	21,4	50,0	Кадеты
6,6	6,0	6,1	-	-	1,1	Эсеры
23,1	16,0	54,5	49,9	14,2	12,2	Эсеры
16,3	10,0	-	-	14,0	1,1	Мягковцы
16,2	8,0	9,1	8,8	14,3	15,6	Большевики
0,4	2,0	-	-	-	-	Анархисты
1,3	10,0	-	-	7,1	8,9	Националисты
3,6	6,0	3,0	14,9	29,0	11,1	Автономисты
0,6	-	-	-	-	-	Беспартийные
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	Всего

Восточнославянское «трио» ожидаемо лидирует в этом списке. Евреи, не удивляя чрезвычайной левизной (почти 82% в социалистических партиях), оставляют загадкой предпочтения ортодоксального марксизма и обнаруживают высокую для гонимого народа долю кадетизма при сравнительно низкой – сионизма.

Впрочем, в модернизационную пору, особенно в крупных промышленных городах, появилось немало евреев «новой генерации», которые иной раз могли забыть о своем происхождении, поскольку не сталкивались поминутно с явлениями этнической и религиозной дискриминации. К тому же интернационализм у передовой молодежи рубежа веков становился в порядке вещей, и дети из не слишком ортодоксальных иудейских семейств принимались в дружеской среде на равных с русскими, поляками и прочими. Напротив, у этих представителей «нового еврейства» этноконфессиональная замкнутость, фанатизм, вечная униженность и в то же время своеобразное высокомерие «избранного народа» вызвали раздражение больше, чем сочувствие. Знаменитый революционер М. Р. Гоц в своих воспоминаниях признавался: «Никогда в зрелом возрасте я не был поклонником еврейской нации. Пережитое в раннем возрасте увлечение национализмом быстро сошло с меня, как только я познакомился с корифеями нашей литературы, введшими меня в среду общерусских интересов. Но что мне особенно было дорого всегда в этой родной мне нации, что примиряло со многими пороками ее и убеждало в возможности лучшего будущего для неиспорченных низших слоев ее, это... типы ее бедняков, неустанной работой мысли добившихся до гуманных идей века и сроднившихся с ними»¹¹⁵. По словам М. Гоца, при встрече с такими людьми ему вспоминались слова П. Лаврова о «незаметных носителях прогресса», которые, «не выступая немедленно, как активные борцы, таят в себе возможность лучшего будущего»¹¹⁶.

Олицкая Е. Л. – известный деятель партии эсеров послереволюционного периода, многолетняя узница ГУЛАГа, в своих ярких мемуарах сообщила о любви своих родителей – отца, выходца из семьи богатых евреев-коммерсантов, и матери, происходившей из старой дворянско-помещичьей семьи. Они встретились в Швейцарии, где оба учились в университете. Первоначально их брак вызвал шок у обоих семейств, но со временем состоялось примирение, и «на совещании

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 6243. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

¹¹⁶ Там же. Л. 28.

глав семей было решено свить для деток гнездышко»¹¹⁷. Так выкрест стал помещиком Курской губернии.

Вишняк М., также выходец из еврейской среды, вспоминал: «В годы пребывания в гимназии шла неосознанная борьба двух влияний – ортодоксально-еврейской семьи с унаследованными ею навыками и русской среды и культуры. По заведенному с детства обыкновению я ежедневно по утрам молился, следуя всем предписанным религией обрядам... Следование религиозным предписаниям продолжалось, примерно, лет до шестнадцати, когда сразу все исчезло... Не могу сказать, как это произошло, но произошло сразу и без особых тревожений... Одновременно прочел «Братьев Карамазовых» и осознал свое безверие. Отвергнутая дома, в семье, проблема религиозной веры подстерегала меня, однако, в другом месте и в другом аспекте – в товарищеском окружении»¹¹⁸.

В «большую политику» национальных активистов толкала следующая иерархия факторов:

- 1) уровень социокультурного развития, культурно-политической консолидации народа;
- 2) степень публично-правовой стесненности, ущемленности этноса;
- 3) групповые и индивидуально-семейные культурные и материальные возможности «путевки в жизнь»;
- 4) особенности национального бытового уклада, подпитывавшие психосексуальные комплексы будущего политика.

Повернув иерархию факторов воспроизводства провинциальной политической элиты ее национальной гранью, можно увидеть следующее. Интенсивность национальных струй внутри российского либерально-радикального потока вполне соответствует этапам консолидации наиболее «продвинутых» народов Российской империи. На протяжении двух последних третей XIX в. украинцы и евреи, прибалты и татары, христиане и мусульмане Кавказа упорно теснят изначальное преобладание русских, с модернизационным ускорением сжав русскую долю с дореформенных 78 до 43,5% в рождениях 1892 – 1898 гг. Национальные группы, принятые империей с их европейским культурно-политическим гандикапом (немцы, поляки и остальные нерусские европейцы), «родили» большинство своих будущих лидеров до

¹¹⁷Олицкая Е. Л. Мои воспоминания: в 2 кн. [Электронный ресурс] / Обл. Н. И. Николенко. Frankfurt; М.: Посев, 1971. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1823>

¹¹⁸ Вишняк М. В. Указ. соч. С. 24 – 26.

середины 1860-х, во многом растеряв затем национальные идентичности в котле обрусения.

Алогичный скачок русского сегмента в рожденьях после 1898 г. был плодом искусственного большевистского номенклатурного отбора, отсекавшего большинство молодых национальных лидеров от участия в руководстве советской системой власти, собственности и идеологии.

Проблема женщин в революции в последнее время набирает популярность у исследователей. Женский национально-политический облик в целом схож с мужским, но имеет собственные узнаваемые черты. Во-первых, женский национально-конфессиональный спектр намного беднее мужского: в нем нет мусульманок Кавказа и Туркестана, нет малых народов Европейской и Азиатской России, нет финок, литовок и молдаванок. Зато процент евреек в 2,5 раза выше мужского, что говорит о заметно большей силе политического порыва еврейских девушек за пределы местечковых мирков при ограниченных дискриминационным законодательством и сложившимся жизненным укладом возможностях реализовать женскую еврейскую пассионарность в коммерции, предпринимательстве, медицине, науке, образовании и художественной культуре. Во-вторых, русская женская компонента, в противоположность мужской, имеет восходящий тренд, что, с одной стороны, говорит о превращении безмолвных «баб» в женских субъектов истории, а с другой – скорее всего свидетельствует о великорусской самоидентификации, по крайней мере, многих украинок и белорусок, на что определенно указывает исчезновение из когорты представительниц этих народов к рожденьям 1890-х гг.¹¹⁹

Некоторые партии практически обходились без женщин. Так, например, народно-социалистическая партия имела практически полностью мужской состав. Сохранились скудные сведения лишь о двух женщинах, баллотировавшихся от ТНСП во Всероссийское Учредительное собрание – М. М. Князевой, учительнице из Кисловодска, и О. Н. Житковой, земской служащей¹²⁰. Следует заметить, что женский вопрос не поднимался специально в программе народных социалистов (лишь в статье 1 провозглашалось равенство мужчин и женщин перед законом¹²¹), а крестьянам-трудовикам с их патриархальной ментальностью и в голову не приходило задаваться им.

¹¹⁹ Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В. Л. Дьячков [и др.]. Тамбов: Изд-кий дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013.

¹²⁰ Там же. С. 62.

¹²¹ Там же.

Общий «портрет» социалиста начала XX в. достаточно аморфен. Это во многом объясняется незавершенностью на тот момент формирования всей политической элиты, встраивания ее в политическую культуру страны. К тому же при многообразии социально-политического «рельефа» России, несходства разных частей огромной империи, возникали и различные «средние» типажи партийных деятелей. Пестрота социалистического спектра, свойственная просыпавшейся России, пожалуй, беспрецедентна: даже для умудренной парламентами и революциями Европы такое многоцветье всех оттенков было «слишком». Социализм стал таким авторитетным и массовым в России и из-за слабости либерализма, его неспособности противопоставить умеренность, рационализм «золотой середины» радикализму, легко находившему доступ к сердцам в метавшейся из крайности в крайность «бинарной» России. В итоге термин «революционная демократия», скрывавший за собой разнородные социалистические, а заодно и анархические силы, в 1917 г. стал всеупотребительным и воспринимался как залог политического прогресса и торжества народоправства. Политическая реальность вскоре показала, что социализм социализму рознь: так же, как и в живой природе, сильный взял верх над слабым. Слабыми, к сожалению, в этой борьбе оказались социалисты демократические.

Глава 3

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

3.1. «ВЫПУСКНИКИ ШКОЛЫ МИХАЙЛОВСКОГО»

Несмотря на расхожесть утверждения, что политика и мораль – вещи несовместимые, не все считают его бесспорной истиной. В понимании термина «политика» есть два основных подхода – конфронтационный и консенсусный. Последний предполагает решение государственных и общественных проблем путем достижения гражданского согласия и социального «баланса» мирными, ненасильственными средствами, в поиске компромиссов. В этом случае базисными ценностями выступают принципы гуманизма, социальной справедливости, общественной солидарности, свидетельствующие о нравственной природе данного типа политики¹²².

И в российском прошлом можно найти политические силы – партии и их деятели, которые в своей жизненной практике, не исключая политической сферы, старались строго следовать нравственным принципам, опираясь на собственные твердые этические правила. Эти достоинства присутствовали в программах и мыслях крупнейших партий российского демократического социализма, чьи нравственно-политические идеалы вписываются в формулу: «Не человек для социализма, а социализм для человека»¹²³. Идеи приверженцев мирного преобразования России не утратили всей актуальности и в настоящее время.

К таким социалистам-эволюционистам рубежа позапрошлого и прошлого веков можно смело отнести представителей умеренного неонародничества. Можно сказать, что они «дали старт» этическому направлению в развивающейся российской политике. В последнее десятилетие XIX в. старое народничество, к которому политически активная молодежь уже относилась скорее снисходительно-скептически,

¹²² Хайлова Н. Б. Совместимы ли мораль и политика? (Опыт либералацентриста кн. С. Д. Урусова) // Восьмые «Муромцевские чтения». Нравственные аспекты практической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве. российского либерализма: сб. матер. Всерос. науч. конф. Орел: Изд-кий дом «ОРЛИК», 2016. С. 170 – 182. С. 170.

¹²³ Ненароков А. П. Правый меньшевизм. М.: Новый хронограф, 2011. 600 с. С. 11.

чем уважительно (марксист Н. В. Вольский (Валентинов) утверждал, что «уже в конце 90-х годов он не встречал никого, кто разделял бы народнический взгляд о возможности перехода от самодержавного строя к «высшему этапу» – строительству социализма, минуя «средний этап» – буржуазно-капиталистическое общество»¹²⁴), уступило место неонародничеству, «обновленному народничеству», синтезировавшему народнические и некоторые социал-демократические идеи. Неонародники «признавали факт развития капитализма в России, однако считали его не следствием закономерного развития, а результатом политики правительства и сохранения, по их мнению, феодальных пережитков, к которым относили малоземелье крестьян и связанное с ним отходничество и др., и доказывали устойчивость мелких крестьянских и кустарных хозяйств»¹²⁵. Неонародничество рубежа XIX – XX вв., берущее начало с тогдашнего корифея-аналитика Н. К. Михайловского, проповедовало то, что можно назвать «социализмом с человеческим лицом», с твердыми нравственными критериями и принципами в политике и общественных науках (не зря «субъективную школу» в социологии, представляемую Михайловским, иначе называют «этической»). В наши дни хорошо видна схожесть в ряде пунктов социалистической и либеральной доктрин, схожесть, доказанная политической практикой стран передовой демократии. Главная точка соприкосновения этих двух популярных идеологий – вопрос человеческой личности, ее прав и свобод, ее развития и совершенствования. Михайловский Н. К., как и его «ученики» – народные социалисты (энесы), придавали этой проблеме огромное значение. Доказательством идейной близости умеренного социализма и либерализма служит и большое уважение, которое испытывали русские либералы к Михайловскому и его единомышленникам, считая их эволюционистами¹²⁶. В устах либералов это являлось настоящей похвалой.

1890-е годы в России были отмечены полемикой марксизма, пришедшего из Европы, и народничества – отечественного идеологического «продукта», ориентированного на внутренние реалии и проблемы. Результатом этих дебатов явилось вскоре оформление ведущих политических партий левого сектора – социал-демократов (большевиков и меньшевиков), эсеров и народных социалистов. В этой полемике «выковывались» типы будущих революционеров, в том числе государственных деятелей, о чьих задатках и характерах, ярко проявившихся

¹²⁴ Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. С. 40.

¹²⁵ URL: <http://w.histrf.ru/articles/article/show/nieonarodnichiestvo>

¹²⁶ Литературное обозрение // Русская мысль. 1904. № 6. С. 367.

впоследствии, можно было (со скидкой на молодость, неопытность и горячность) судить уже тогда. Так, А. В. Шубин справедливо отмечает, что «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой молодежью»¹²⁷. Не последнюю роль в этом идейном упрощении, как и грубости форм ведения политической дискуссии (по крайней мере, с марксистской стороны), сыграл В. И. Ленин, для которого эта полемика стала трамплином политической карьеры.

В связи с этим следует привести один примечательный «факт». Автор одной из самых лучших, на наш взгляд, ленинских биографий Н. В. Валентинов (Вольский), повествуя о ранних годах Ленина-политика, приводит эпизод, якобы имевший место и впервые упомянутый в книге А. Белякова «Юность вождя». Будто бы в мае 1892 г. на дачу к В. В. Водовозову под Самарой на несколько дней приехал Михайловский, и, узнав об этом, окрестные его почитатели пришли на импровизированное собрание, устроенное специально для них. В числе посетителей якобы был живший в то время в Самаре Владимир Ульянов, который в ходе политической дискуссии будто бы «самым научным образом опрокинул Михайловского на обе лопатки»¹²⁸. Будучи принятым за неопровержимый факт, этот случай должен был бы показать мощь ленинского ума и преимущество юного марксиста над знаменитым народником, у которого изначально не могло быть никаких шансов в полемике с будущим революционным гением¹²⁹. Примером полной этической безответственности и тенденциозной подтасовки фактов Валентинов считал попытку дискредитировать и Михайловского как авторитетного идеолога, и самое народничество как отсталое, ортодоксальное и потому заведомо обреченное на провал течение, бессильное перед железной логикой пусть даже начитанного и одаренного полемиста, но юнца. Валентинов уверяет, что личной встречи с Михайловским у Ленина никогда не было, а перечисленный Беляковым ряд якобы присутствовавших при полемическом «избиении» народника (всего 22 человека) – люди, на момент написания его книги ушедшие из жизни, либо сознательно поддерживающие сие «интеллектуальное мошенничество»¹³⁰. Из подобных фальсификаций, по мнению Валентинова, и сложился «агиографический», «приблизитель-

¹²⁷ Шубин А. В. Указ. соч. С. 498.

¹²⁸ Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. С. 375.

¹²⁹ Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 374 – 376.

¹³⁰ Там же. С. 376.

ный» образ Ленина, далеко не во всем соответствующий настоящему внутреннему и внешнему облику этого человека.

Однако вернемся к народникам. По поводу полемического искусства Михайловского многие говорили, что в нем было «умение одним штрихом очертить образ литературного противника и открыть в его положениях слабое место там, где он менее всего ожидает, в то же время оттенить и провести в общественное сознание ту или иную идею противоположного и дорогого Михайловскому порядка»¹³¹.

Вспоминая о годах работы в «Русском богатстве», которым руководил Михайловский, В. А. Мякотин, постоянный сотрудник журнала и один из лидеров народно-социалистической партии, чрезвычайно лестно отзывался о человеческих качествах всех представителей редакторского «триумvirата» конца XIX – начала XX вв. – Н. К. Михайловского, Н. Ф. Анненского, В. Г. Короленко. Сотрудничество этих маститых публицистов началось не только как журнальное: все трое в июне 1893 г. были в числе инициаторов нелегального совещания партии «Народное право» в Саратове¹³². Эта партия просуществовала недолго (ее руководители и большинство членов были арестованы в 1894 г.), но стала провозвестницей скорой бурной «партизации» России. Журнальная тенденция 1890-х гг., поощряемая Михайловским, – пополнение авторского коллектива практиками, людьми, которые обладали, помимо умелого обращения с пером, подлинным знанием народной жизни. Это знание выражалось не в общих фразах, а в цифрах и фактах; приобреталось оно преимущественно на земской службе. Из земских статистиков вышли ярчайшие деятели «Русского богатства» и народно-социалистической партии – Н. Ф. Анненский и А. В. Пешехонов.

Пешехонов А.В. признавал, что возглавляемая Михайловским идейная борьба с марксизмом «сослужила народничеству добрую службу, оформила и консолидировала как течение»¹³³. Острая и беспощадная полемика заставила его, «разрыхлившееся за годы безвременья», пересмотреть, пополнить и обновить свой идейный багаж¹³⁴. Пешехонов полагал, что, хотя старых народников справедливо упрекали за идеализацию народа, эта идеализация сыграла и положительную

¹³¹ Там же. С. 157.

¹³² Николай Федорович Анненский [Электронный ресурс]. URL: <http://triumphato.narod.ru/wiki/AnnenskyNF.html>

¹³³ Цит по: Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОС-СПЭН, 2004. С. 20.

¹³⁴ Политическая история России в партиях и лицах. М.: ТЕРРА, 1994. С. 150.

роль, обратив на трудовые массы внимание интеллигенции. Молодежь, принявшая линию Михайловского, не сомневалась, что в России, поскольку она является преимущественно крестьянской страной, будущее именно за народничеством, – но не за старым, наивно-романтическим, идеализировавшим натуральное хозяйство, считавшим крестьянина социалистом по природе и не признававшим необходимости политической борьбы за гражданские свободы, а за народничеством обновленным, избавившимся от былых ошибок и увлечений¹³⁵. К тому же легальное народничество располагало набором этических средств, охотно взятых на вооружение новым поколением, что впоследствии продемонстрировала реальная политическая деятельность энесов.

Шубин А. В. отмечает, что «в конце века народничество могло развиваться лишь самые общие свои идеи в подцензурной прессе (чем занимался Н. К. Михайловский), либо продолжать «хождение в народ» в мирных формах»¹³⁶, и «острие борьбы легального народничества было направлено против капитализма, а не против самодержавия»¹³⁷. Вряд ли с этим можно полностью согласиться: в редакции Михайловского была воспитана целая плеяда смелых борцов с абсолютизмом, последовательно развивавших идеи демократического социализма. Политические единомышленники, члены редакционного комитета на своих заседаниях обсуждали не только материалы журнала, но и вопросы грядущего освобождения России «от самодержавного деспотизма и экономического рабства», вдохновляясь идеями эволюционного социализма, нравственного прогресса, гармонического развития личности – идеями, которые в полной мере разделял и Михайловский.

Своей политической зрелости они достигли к той поре, когда количественные изменения, накопившиеся в российском обществе, перешли наконец в качество и в стране началась такая интенсивная социальная и политическая модернизация, что событий одного года вполне хватило бы на несколько обычных лет. Во всех значимых событиях российской общественно-политической жизни неизменно принимали активное участие «ученики» Михайловского из «Русского богатства».

То, что в последние годы жизни Михайловского воспринимали как «икону» народничества – вполне естественно, учитывая его огромный интеллектуальный багаж и авторитет ученого, мыслителя, общественного деятеля. Тем не менее, на наш взгляд, это прижизненное «возведение на пьедестал» не могло не отразиться на взаимоотноше-

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 477.

¹³⁷ Там же.

ниях позднего Михайловского с его молодыми коллегами, вынужденными воспринимать его не столько живым человеком, сколько суммой идей и достижений. Им «достался» уже «забронзовевший» не по своей вине Михайловский. Однако отношения человеческие и идейно-политические – не одно и то же. В редакции журнала «Русское богатство» существовала, конечно, определенная психологическая дистанция между представителями «отцов» и «детей». (Заметим, это не касалось В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского, о чем будет сказано ниже). В политическом же отношении публицисты младшего поколения, основавшие в 1906 г. народно-социалистическую партию, явились прямыми продолжателями дела Михайловского, его духовными наследниками. Сам выбор ими в свое время именно легально-народнической, а не марксистской или какой-либо иной линии – идейная заслуга в первую очередь Михайловского. То, что ряд тезисов их учителя впоследствии подвергся переработке – вполне закономерно, так как это произошло сообразно времени и изменениям социума.

Михайловский обладал масштабным мировоззрением и, будучи почти энциклопедистом, рассматривал общесоциологические проблемы и острые вопросы российской современности в комплексе. «Субъективный метод», введенный в социологическую практику им и П. Л. Лавровым – не что иное, как убежденность в необходимости участия науки в общественной практике, а не дистанцирования от нее. В своей литературно-публицистической деятельности ученый стремился при помощи научных, логических аргументов достичь максимального воздействия на читателя, так как выдвигал на первый план идеал служения обществу. Личность в единстве ее биологического, психического и социального существования рассматривалась им как центральный объект социологического изучения. «Если человеческая личность всего лишь выполняет отдельную функцию в обществе – это регресс. Прогресс – «борьба за индивидуальность», возникновение высших единиц, стремление к свободе, личной неприкосновенности, равноправности, взаимопомощи, солидарности»¹³⁸, – писал он. «Личность и общество, – как считал Михайловский, – ведут между собой постоянную борьбу, в которой личность пытается все время себя самореализовать, раскрыться и гармонизировать»¹³⁹, – резюмирует ис-

¹³⁸ Михайловский Н. К. Борьба за индивидуальность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tamognia.ru/faq/detail.php?ID=1600788>

¹³⁹ Мазалова О. Ю. Социологические воззрения Н. К. Михайловского и их значение в современных условиях: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsiologicheskie-vozzreniya-n-k-mikhailovskogo-i-ikh-znachenie-v-sovremennykh-usloviyakh#ixzz4UnwCWEQo>

следователь социологических взглядов неонародника О. Мазалова. Главная задача социологии, по Михайловскому, состоит «в изучении процесса становления и развития личности в ее борьбе с условиями окружающей среды за свою индивидуальность»¹⁴⁰. Личность таким образом признавалась полноценным социальным субъектом. Для сравнения – европейская социология XIX в., начиная с ее родоначальника Огюста Конта, считала личность, по отношению к обществу, категорией вторичной. «Субъективный метод» в социологии вообще был «продуктом» чисто российским – классическая западная социология Конта и его последователей-позитивистов признавала только объективный метод. Пункт о роли личности в истории, вводимый в социологическую методологию Н. Михайловским и П. Лавровым, представляется важным для определения отношения к человеку, личности всего умеренного неонародничества.

Государственные взгляды не получили у Н. К. Михайловского специального оформления, но можно составить довольно целостное представление о них по совокупности многочисленных трудов социолога. Его весьма волновал вопрос эффективного сосуществования личности и государства. Это возможно, по Михайловскому, «путем выделения сферы гражданского общества при республиканской форме»¹⁴¹ правления. Народник считал необходимым наполнить политику нравственным содержанием. В этом случае может быть преодолено искаженное впечатление о государстве как силы, занятой подавлением индивидуальности отдельного человека и тем самым делающей его несчастным. Поскольку изначально государство возникло на договорной основе – «с молчаливого, добровольного согласия членов общества» и выступало в роли защитника и судьи, личность, хотя бы из прагматических соображений, должна воспринимать его в качестве института, обеспечивающего общественный порядок и защиту от эгоизма и агрессии со стороны худших представителей общества. Таким образом, у Михайловского «государство оценивается как инструмент максимально возможного удовлетворения интересов и потребностей индивидов и общества в целом»¹⁴². Государство – институт целесообразный, необходимый, который будет прогрессивным при наделении его справедливой, демократической властью. К понятию «идеал» Михайловский, как настоящий философ, относился с осторожностью, считая,

¹⁴⁰ Классики русской социологии [Электронный ресурс]. URL: http://studme.org/197704136007/sotsiologiya/klassiki_russkoy_sotsiologii

¹⁴¹ Акимова Ю. А. Указ. соч. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/n-k-mihaylovskiy-o-politicheskom-ideale>

¹⁴² Там же.

что любая цель поддается корректировке по мере приближения к ней: всякие ценности соответствуют реальному времени. Однако «стремление к идеалу... и есть истинный путь прогресса»¹⁴³.

Государственные представления следующего поколения народников-политиков были более приближены к практике: они закладывались в программу партии, участвовавшей в борьбе за власть. Государственный аппарат, по глубокому убеждению правых народников, должен быть крепким и сильным, управление страной – твердым, но гибким, власть обязана учитывать нужды всего населения и оперативно реагировать на перемены его настроений и чаяний. Государство из извечного врага трудового народа должно превратиться в его друга и защитника, и социалистическое государство – конечная цель народных социалистов – станет таковым. «Мы должны будем и останемся государственниками»¹⁴⁴, – подчеркивал А. В. Пешехонов, излагая основные положения партийной программы. Энесы отводили государству ведущую роль даже в решении аграрного вопроса, наисложнейшего для России и актуальнейшего для народников. Задача национализации земли у энесов состояла в государственном попечении деревни, защите крестьянской массы от обнищания и предотвращении стихийной аграрной революции¹⁴⁵. Осуществление данной программы должно было придать новый смысл давним отношениям между крестьянами и государством – ключевой фигурой в энесовской модели реорганизации общественной жизни. «...Государством должен управлять сам народ, а не чиновники, – разъясняла изданная в 1906 г. популярная брошюра «Хлеб, свет и свобода». – Чиновники же должны только выполнять то, что прикажут народные представители»¹⁴⁶.

Даже в отдаленной перспективе социалистическое государство у энесов служит гарантом защиты трудового народа от социальной несправедливости. Все вопросы общественной значимости должны, по их убеждению, решаться исключительно «на почве права, формулируемого и охраняемого государственной властью», что «должно было найти выражение в соответствующем законе, изданном Учредитель-

¹⁴³ Михайловский Н. К. Что такое прогресс? Избранные труды по социологии: в 2-х т. / ред. А. О. Бороноев, И. А. Голосенко, В. В. Козловский. СПб., 1998. Т. 1. С. 502.

¹⁴⁴ Пешехонов А. В. Программные вопросы. Пг: Задруга, 1917. С. 47.

¹⁴⁵ Протасова О. Л. Указ. соч. С. 63.

¹⁴⁶ Пешехонов А. В. Хлеб, свет и свобода. СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1906. С. 1.

ным собранием»¹⁴⁷. «Собрать народные силы и удовлетворить народные нужды мы считаем невозможным без надлежащей государственной организации. Как политическая партия мы направим все усилия к тому, чтобы сделать государство народным»¹⁴⁸, – провозглашала программа народных социалистов и уточняла: «Не на централистических, а на федеративных началах должно быть организовано демократическое государство. Народовластие должно быть организовано в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти и чтобы каждая национальность была свободна в своем культурном и политическом самоопределении»¹⁴⁹. Демократизация же государственной власти должна опережать социализацию производства и всего общественного строя, так как для перехода к социализму должны быть созданы органы, «регулирующие и направляющие обобществляющееся производство и потребление»¹⁵⁰.

Этагистские воззрения народных социалистов были достаточно диалектичными; приверженность энесов государству как главному политическому институту отнюдь не была догматичной, не заслоняла интересов общества и личности. Изложенные в простой, конкретной, доступной форме, государственные взгляды энесов, в общем, имеют примерно ту же суть, что и размышления о государстве Михайловского. Народные социалисты на всем протяжении деятельности своей партии ни разу не усомнились в целесообразности и полезности государства как политического института; они видели необходимость его усовершенствования, реформирования, движения в сторону социалистического идеала, который в их представлении несет немало черт феномена, ныне именуемого гражданским обществом – т.е. цели современных демократий.

Итак, если старшее поколение группы «Русского богатства» занималось преимущественно наукой и публицистикой, то родившиеся в 1860 – 70-х гг. не хотели довольствоваться этим. Им требовалась широкая общественная арена. Это отразилось и на журнале, который народники-«политики» после смерти Н. К. Михайловского предполагали сделать рупором своих взглядов. «Русское богатство» не стало официальным партийным органом, однако общественно-политическая направленность издания всем была и без того ясна. Также все отлично

¹⁴⁷ Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 77.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Указ. соч. С. 77.

знали, что именно в недрах редакции «Русского богатства» произошло зарождение народно-социалистической партии, в которую и вошло большинство сотрудников этого журнала.

После смерти в январе 1904 г. Михайловского редакцию «Русского богатства» возглавил В. Г. Короленко, которого часто называли «совестью русской интеллигенции» как за личные моральные качества, так и за гражданскую позицию: имея истинно народнические убеждения, Короленко без всякого пафоса и самолюбования выражал их так, как ему удавалось лучше всего – в художественной форме. Его беллетристика и публицистика проникнуты житейской мудростью и искренней заботой о простых людях с их страданиями и нуждами. Он, как и Михайловский, считал, что «вопросы о народе» являются самыми коренными вопросами общественной жизни. Короленко был поражен сценой похорон народнического мэтра: «Похоронная процессия растянулась очень далеко. Говорят, со времени похорон Тургенева Петербург не видел такой толпы за гробом писателя»¹⁵¹. При редакторе Короленко традиционная линия журнала, намеченная Михайловским, была продолжена. Владимир Галактионович принимал самое живое и деятельное участие в выборе политики издания, определении его тематики и тональности. Когда его предложения не встречали поддержки, он настойчиво и упорно отстаивал их, однако, если после коллегиального обсуждения они все же не принимались, Короленко не шел против мнения большинства редакции. Он был демократом и на деле доказывал это. Большое внимание он уделял работе с молодыми авторами. Многие именитые публицисты из народных социалистов называют его «бесценным учителем». В этом, педагогическом, смысле, Короленко даже превосходил Михайловского, который был слишком крупной величиной для повседневной рутинной редакторской работы. Критик А. М. Редько говорил: «Из всего, что создал Короленко на своем веку, лучшее художественное произведение – это он сам»¹⁵².

Ближайшим помощником Короленко в журнале был Николай Федорович Анненский, долгое время выступавший в дуэте с Короленко под псевдонимом О.Б.А. Как и Короленко, он воплощал собой душу издания и был, по уверению В. А. Мякотина, одной из центральных фигур литературного мира России конца XIX – начала XX вв. Его отличали «глубокий, разносторонний и гибкий ум, соединенный с неистощимым остроумием, совершенно исключительными душевными

¹⁵¹ URL: http://hrono.ru/biograf/bio_m/mihaylovski_nk.php

¹⁵² Памяти В. Г. Короленко / Под ред. В. А. Мякотина. М.: Задруга, 1922. С. 34.

качествами и редкая привлекательность»¹⁵³. Петрицев А. Б., также долго работавший в «Русском богатстве», сказал так: «пока в корню стоял Николай Федорович, наши внутренние разногласия примирались в его авторитете. Когда он вышел из строя, внутренние трения получили гораздо большую остроту»¹⁵⁴. Анненский был прямым преемником «слова и дела» Михайловского. Его смерть в 1912 г. явилась настоящей трагедией как для народно-социалистической партии, так и для журнала «Русское богатство». Анненский связывал народников разных поколений, организуя и согласовывая их деятельность, примиряя в минуты противоречий. Его авторитет был, пожалуй, сравним с авторитетом самого Михайловского, хотя и в более узком кругу. Зато Николая Федоровича воспринимали отнюдь не как «икону», а именно как человека, необычайно хорошего – доброго, мудрого и справедливого. «Не было, наверно, в нашем кругу ни одного человека, который бы не любил Н. Ф. Что до меня, я любил его всей душой, любил тем больше, чем больше узнавал его редкостную душевную красоту, в которой сила и благородство соединялись с удивительной мягкостью и отзывчивостью»¹⁵⁵, – так отозвался на известие о смерти старого народника В. А. Мякотин, отбывавший в тот момент заключение в Двинской крепости. Ему вторил А. В. Пешехонов: «Лучшего человека я не знал в жизни. И так всегда тянуло к нему, так хотелось опереться на него во всяком сложном и трудном деле – и в личном, и в журнальном, и в общественном. И такая была уверенность в нем»¹⁵⁶. «Удивительно бережное отношение к личности другого Николай Федорович проявлял не только в задушевной беседе, но и в страстном споре. У него как будто вовсе не было столь естественного во всякой борьбе желания уколоть противника, причинить ему боль, и, тем более, совершенно смять его, затоптать, раз он поскользнулся. Легче, чем кто-либо другой, он заметит, бывало, слабое место оппонента, но никогда ошибку не поставит в фальшь, нелепость не отождествит с глупостью и даже подтасовку не объяснит злонамеренностью. Скорее наоборот: несомненную глупость и прямую недобросовестность оппонента он истолкует, как его ошибку или неловкость»¹⁵⁷, – восхищался Пешехонов замечательным душевным обаянием своего старшего товарища. Дели-

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 5917. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

¹⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 3. Ед. хр. 222. Л. 1.

¹⁵⁵ URL: http://az.lib.ru/a/annenskij_n_f/text_1912_telegrammy.shtml

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ А. В. П. Несколько черточек к характеристике Н. Ф. Анненского // Русское богатство. 1912. № 9. С. 160 – 172. URL: <http://annensky.lib.ru/names/nf&an/rb.htm>

катность, такт, доброжелательность делали Анненского незаменимым в редакторском деле, где поневоле приходилось иногда касаться чувствительных душевных струн авторов. Эти же качества придавали ему ценность как общественному деятелю. «К общественному делу, – рассказывал А. В. Пешехонов, – он, можно сказать, тянулся так же, как тянулись к нему люди: если его звали в общественную организацию, то он не мог почти отказаться; если он входил в нее, то почти не в силах был вырваться. Если общественное дело сваливали на него одного – а это случалось нередко, – то он его тащил, даже не пытаясь отказаться»¹⁵⁸.

Сотрудник «Русского богатства» Ф. Д. Крюков, тот самый, кому одно время приписывали авторство первоначального варианта «Тихого Дона», написал об Анненском: «Рядом с ним приходилось видеть людей с очень громкими политическими, учеными, литературными именами, но их соседство никогда не затмевало Н. Ф. своим блеском, не умаляло его роста, – на всяком месте, при всяких условиях в нем чувствовался особенный человек, к которому невольно тянулся взор, за которого цеплялась мысль, как за лучшего и надежнейшего общественного предстателя, судью, защитника, авторитетнейшего руководителя и вождя... *Человек* он был – в самом возвышенном и благородном смысле этого широкого слова. Редкостно и счастливо сочетались в нем острота ума и чуткость совести, мужественное сердце и гуманная отзывчивость, доблесть стойкого гражданина и мудрая терпимость отважного борца, много пережившего, передумавшего, перечувствовавшего...»¹⁵⁹. «Способность смотреть вдаль, за временным, преходящим различать будущий суд и будущую истинно-человеческую оценку происходящему теперь – это качество сообщало ему удивительную стойкость, незлобивость, какую-то высшую примиренность с тем, чт.е., во имя того, что должно настать. Но простое благодушие к превратностям жизни, а именно примиренность по высшему критерию, по сознательному убеждению, что творящим неправду потом самим стыдно будет»¹⁶⁰, – такие качества Анненского произвели особое впечатление на Ф. Д. Батюшкова.

Когда в 1913 г. В. Г. Короленко уехал на постоянное жительство в Полтаву, вся редакционная работа в журнале распределилась главным образом между А. Г. Горнфельдом, А. В. Пешехоновым и В. А. Мяко-

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Крюков Ф. Д. Памяти Н. Ф. Анненского // Русское богатство. 1912. № 9. С. 172 – 175. URL: <http://annensky.lib.ru/names/nf&an/rb.htm>

¹⁶⁰ Батюшков Ф. Д. Одна из встреч с Н. Ф. Анненским // Русское Богатство. 1912. № 9. С. 221 – 224. URL: <http://annensky.lib.ru/names/nf&an/rb.htm>

тиним. Пешехонов предвидел отход от дел старого писателя-народника. Еще отбывая наказание за публицистическую «крамолу» в Двинской крепости (1912–1913), он писал А. Г. Горнфельду: «...Впереди много тревожного. Больше всего меня беспокоит В. Г. (Короленко – *О. П.*). Как бы он не отбился. «Богатство» ведь больше у него берет, чем дает... Раньше был Н. Ф. (Анненский – *О. П.*), от которого он не мог оторваться... Вчера я получил от В. Г. письмо, очень минорное. Пишет, что теперь только почувствовал, как устал и измотался...»¹⁶¹. Мякотин же, после аналогичной «отсидки» в Двинске (его срок начался несколькими месяцами раньше), поехал лечиться от туберкулеза в Крым, и редакторскую ляжку тянули Горнфельд и – заочно, из Двинска – Пешехонов. Справедливости ради отметим, что царский режим в период «безвременья», реакции позволял делать это достаточно свободно. Условия содержания заключенных в крепости скорее напоминали санаторный режим, о чем свидетельствует переписка Мякотина с Пешехоновым, когда первый знакомил второго с местной обстановкой: «Сiju я хорошо... У меня светлая, веселая, сухая и теплая комната с видом на площадь и сад, в котором мы гуляем. Встаю рано (это всецело зависит от желания), пью чай, и от 9 до 10 (тоже по своему желанию) гуляю. Около часу приносят обед, из офицерского собрания... От 3 до 4 ч опять прогулка. Обе прогулки в приятной компании. В 7 часов приносят кипяток... Тишина для занятий – идеальная...»¹⁶².

А вот что пишет сам Пешехонов уже из Двинска своему коллеге В. А. Розенбергу: «Место здесь хорошее. Большая комната (в гостинице такую и за 3 р. не получить), полный покой, двухчасовая прогулка; мебель – своя, привез из Петербурга... Словом – санатория. Немножко дорого обходится, но зато заработать можно. Почтовые сношения совсем свободные... Сожалеть о нас нечего. Во всяком случае нам с Вен. Ал. (Мякотиним – *О. П.*) (комнаты наши рядом) здесь лучше, чем товарищам по «РБ» на воле...»¹⁶³.

Любопытна реакция Розенберга, выразившего в ответе на это письмо восхищение силой духа и оптимизмом Пешехонова: «На свете есть два человека – Пешехонов и Якушкин, которым всегда и везде хорошо. Никогда я от них не слышал... личных жалоб... Если бы я мог научиться у этих дорогих моих друзей такому взгляду на самого себя и на свое положение!»¹⁶⁴.

¹⁶¹ ОР РНБ. Ф. 211, картон 1. Д. 862. Л. 1.

¹⁶² НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 4. Д. 19. Л. 22.

¹⁶³ НИОР РГБ. Ф. 251. Картон 18. Д. 34. Л. 21.

¹⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 4. Д. 68. Л. 52.

Можно сказать, что при непосредственном и опосредованном содействии Михайловского на публицистическую авансцену вышла новая генерация народников-аналитиков. Они были менее академичны, чем их предшественники Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков и др., но в общественно-политическом смысле гораздо более мобильны, темпераментны и активны. Журналистика явилась для них, помимо заработка, действенным средством популяризации и пропаганды политических взглядов. Многие из них стали участниками революционных событий начала XX в., созидаателями новой политической системы России. Так, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, С. Я. Елпатьевский, В. Г. Богораз-Тан, А. Б. Петрищев и другие их соратники с головой ушли в политику, организовав народно-социалистическую партию, с самостоятельной программной платформой, представлявшей собой симбиоз эволюционного, демократического социализма и даже отчасти либеральных установок с акцентом на ценность человеческой личности, ее прав и свобод. Тактические и организационные принципы энесов также наглядно характеризуют демократическую природу их партии. Народные социалисты были врагами всякого экстремизма – политического, экономического, морального. При всей твердости убеждений, в них не было отличавшего более радикальных народников и марксистов утопизма и безоглядной веры в свою теорию как аксиому. Социализм для них был, скорее, идеалом достаточно отдаленного будущего, к которому вел длительный эволюционный путь. Они заимствовали от Н. К. Михайловского социально-этическое учение об интеллигенции и ее неоплатном долге перед народом¹⁶⁵, выступая за разумное и целесообразное участие ее в отстаивании социалистических интересов трудящихся. Как и Михайловский, энесы старались строго следовать нравственным нормам в жизни и политике. Гуманизм, эволюционизм, социальная справедливость – ценности первостепенной значимости для Михайловского и его идейных последователей.

Русские марксисты были жестче народников в вопросе условий и средств достижения социальной справедливости; их предполагаемая социальная база была уже – они рассчитывали на пролетариат, в то время как народники отстаивали интересы «трудового народа», составлявшего триединство крестьянства, рабочих и интеллигенции.

Известный эсер М. В. Вишняк на склоне лет вспоминал, что ему еще в молодости, в период выбора идейного пути, «понимание социа-

¹⁶⁵ Мокшин Г. Н. Эволюция взглядов легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж: Научная книга, 2010. С. 268.

лизма как идеологии и морали, присущей определенному классу, не говоря уже о доктрине философского и исторического материализма было абсолютно чуждо»¹⁶⁶. По признанию Вишняка, это исключало для него вступление в организацию РСДРП. Впрочем, предложив свои услуги партии, он «попросил освободить себя от связанности» по пунктам террора и «"братоубийственной" борьбы эсдеков с эсэрами и обратно»¹⁶⁷, и ему это было разрешено. «Я, – пояснял социалист, – как мог и сколько мог, сопротивлялся революции, отвергая ее по ряду оснований. И если мне пришлось стать революционером, это случилось вопреки моей воле, – не по соображениям разума, а по велению совести»¹⁶⁸. Не принимая революции по моральным соображениям (жестокость, «катастрофизм» революционных событий и процессов претили выходцу из московской интеллигентной среды), но по тем же причинам (нравственный императив!) он не мог не принять участия в протестном движении студенчества, так как «этого требовало чувство элементарной солидарности и товарищества»¹⁶⁹.

Поскольку мы не можем не сравнить отношение к политической этике и нравственности демократических социалистов и большевиков, здесь стоит привести слова Ленина о Михайловском и его эпигонах. Вождь большевиков очень любил раздавать хлесткие (и практически всегда нелицеприятные) характеристики всем своим оппонентам, несогласным с ним в большом или малом. И вот, реагируя на многочисленные статьи в русской печати, приуроченные к десятой годовщине смерти Михайловского, Ленин возмущался насчет «вопиющего извращения истины и развращения пролетарского классового сознания», т.е. провозглашения Михайловского социалистом. Он выступал категорически против «буржуазной философии и социологии» Михайловского и связывания их с марксизмом общим социалистическим знаменателем. Однако энесы «удостоились» еще гораздо более гневных филиппик большевистского лидера. Создав свою партию, народные социалисты сразу провозгласили ее открытость и отказались от подпольной борьбы. «Из группы Михайловского, – писал по этому поводу Владимир Ильич, – вышли первые ликвидаторы, которые осенью 1906 г. объявили «открытую партию», отrekliсь от «подполья» и от его лозунгов, – за 2–3 года раньше, чем наши, марксистские, ликвидаторы.

¹⁶⁶ Вишняк М. В. *Дань прошлому*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 99.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Вишняк М. В. *Встречи с А. Р. Гоцем* // *За свободу*. 1947. № 18. С. 136 – 143.

¹⁶⁹ Там же.

Что же вышло с «открытой партией» гг. Мякотиных, Пешехоновых и прочих соратников Михайловского? Вышло полное отсутствие всякой партии, полный отрыв от масс «открытой» группы оппортунистов народничества»¹⁷⁰. Большевицкий лидер ставил в заслугу Михайловскому то, что тот якобы «никогда не отрекался от подполья», или, вернее, «умер незадолго перед переходом его группы к ликвидаторству»¹⁷¹. В свойственных ему ядовитых выражениях Ленин заявлял, что на Михайловского «нельзя распространять ответственность целиком за жалкий и презренный оппортунизм гг. Пешехоновых, Мякотиных и К⁰»¹⁷², хотя «не придется ли признать, что «социал-кадеты» (так Ленин часто называл народных социалистов – *О. П.*), в общем, верные его продолжатели?»¹⁷³. По словам Ленина, левые социал-демократы готовы чествовать Михайловского за его «искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством», за помощь подполью и уважение к нему, но не за его «буржуазно-демократические взгляды и колебания». Что касается народных социалистов, то они и ранее, и позднее подлежали излюбленному большевиками наклеиванию политических ярлыков типа «эсерствующие меньшевики», «социал-оппортунисты» и пр., а негативное отношение Ленина к партии в целом впоследствии трагически отразилось на судьбах многих ее представителей.

Чтобы не возвращаться к этой теме в дальнейшем, для характеристики полемической этики большевизма, где Ленин, естественно, задавал тон, целесообразно привести еще один пример, доказывающий, что политические прения для лидера большевиков были поистине «боями без правил».

3.2 «ПЕРВАЯ ЖЕРТВА». АКИМОВ В. П. – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА МАРКСИСТСКОГО ТОЛКА

В период оттачивания программных и тактических принципов русского социализма, утверждения Ленина на роль главного идеолога левого марксизма шла острая борьба между ленинцами и так называемыми «экономистами», и касалась она отнюдь не только идейных и организационных вопросов, но и отношения к нравственному началу

¹⁷⁰ Ленин В. И. Народники о Н. К. Михайловском [Электронный ресурс] / Полн. собр. соч. Т. 24. URL: <http://leninism.su/works/62-tom-24/2298-narodniki-o-nkmixajlovskom.html>

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

при осуществлении общественно-политической деятельности. Ленин вел, без преувеличения, настоящую войну против наиболее очевидных своих, на тот момент, оппонентов из числа марксистов – В. П. Акимова (настоящая фамилия – Махновец) и А. С. Мартынова (настоящая фамилия – Пиккер). То, что в российской социально-политической истории по сей день остается немало исторических фигур, недооцененных, дискредитированных и незаслуженно забытых – следствие идеологических стереотипов, основанных как раз на ленинских оценках и других пристрастных и однобоких характеристиках большевистских времен. Акимов, Мартынов и прочие марксисты, имевшие собственную идейно-нравственную позицию – не последние среди таких «жертв» исторической несправедливости.

Идеи «экономизма» последовательно отстаивались, в том числе, на II съезде РСДРП, когда представители этого направления («Союз русских социал-демократов за границей», «Петербургская рабочая организация») выступили против включения в Программу партии пункта о диктатуре пролетариата. Слово «экономизм», хотя оно прижилось в политической практике и в историографии истории социал-демократического движения, для определения своей интерпретации марксизма Акимов не считал правильным, приводя в качестве возражения следующее: «Говорили, что мы экономисты, что мы не приемлем политики, – писал он в феврале 1905 г., – Это была неправда... Мы («Союз русских социал-демократов за границей» – *О. П.*) первые стали призывать пролетариат к политическим действиям, к демонстрациям; мы отводили в наших изданиях скорее слишком много, чем слишком мало места вопросу о царизме... Говорили, что мы «кустари», что мы мешали объединению партии, созданию организации профессиональных революционеров. Это была неправда. Мы сами представляли собою организацию профессиональных революционеров, упорно, долго и сознательно работали над созданием централизованной партийной организации. Но правда то, что мы совершенно иначе, чем ортодоксы (так Акимов именовал Ленина и его сподвижников – социал-демократов радикального толка – *О. П.*), представляем себе роль центральной организации: в профессиональных революционерах мы видели слуг движения и потому особенным образом – на демократических началах – строили нашу партию»¹⁷⁴.

Политическая борьба в понимании «экономистов» означала не столько самостоятельную классовую борьбу пролетариата, сколько легальную оппозицию в рамках существующего строя, в союзе с дру-

¹⁷⁴ Акимов В. П. Очерк развития социал-демократии в России. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. С. 166.

гими оппозиционными общественными слоями (имелось в виду участие рабочих в присутствиях по фабричным делам, в городском самоуправлении, предъявление царскому правительству требований «законодательной защиты труда» и т.п.)¹⁷⁵. Для Ленина и других радикальных социал-демократов «экономизм» был серьезным вызовом: практика стачечного движения 1895-1896 гг. выявила не коммунистические, а тред-юнионистские настроения в среде рабочих¹⁷⁶, в то время как марксисты-радикалы рассчитывали на сплочение рабочего класса по мере стачечной борьбы, осознание им своих классовых задач. Если Ленин был сторонником продвижения по пути капитализма в сторону социализма и видел в социальном государстве тормоз на этом пути, то позиция «экономистов» была обратной: они считали, что улучшение положения трудящихся, даже незначительное, важнее, чем цель разрушения капитализма¹⁷⁷. Основными центрами «экономизма» стали редакции газеты «Рабочая мысль» и журнала «Рабочее дело»¹⁷⁸; активистами этого направления, помимо Акимова и Мартынова, являлись К. М. Тахтарев, С. Н. Прокопович, Е. А. Кускова и др.¹⁷⁹. «Экономизм» был одним из первых проявлений в России бернштейнианства – международного ревизионизма, ставившего движение превыше цели. Поэтому российских «экономистов» можно смело отнести к сторонникам эволюционного, поступательного развития общества, к представителям демократического социализма, которые, в отличие от поборников принципа целесообразности, не отделяли мораль ни от политики, ни от повседневной жизни.

Распространению и относительной популярности в начале XX в. русского «экономизма» способствовало отсутствие идейного и организационного единства у русской социал-демократии, низкий уровень развития самосознания пролетариата, что давало отечественным «бернштейнианцам» основание считать дело организации пролетарской революции преждевременным. Развитие рабочего класса в России как массового феномена началось на тот момент сравнительно недавно (ведь модернизация в России, по сравнению с Европой, была запоздалой, хотя и форсированной¹⁸⁰). К тому же российский пролетариат по-

¹⁷⁵ URL: <http://bse.sci-lib.com/article125590.html>

¹⁷⁶ Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 516.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/125530/>

¹⁷⁹ URL: <http://bse.sci-lib.com/article125590.html>

¹⁸⁰ Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В. Л. Дьячков [и др.]. Тамбов: Изд-кий дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 21.

полнялся в основном за счет крестьянства, которому экономические задачи борьбы были гораздо ближе и понятнее, чем политические, и это делало идейную платформу «экономизма» в глазах умеренных марксистов вполне надежной и основательной. В то же время особенности социальной структуры огромной полуазиатской страны, характер ее общей и политической культуры способствовали росту в российской общественно-политической жизни радикализма. Крайний левый его отряд – большевики во главе со своим вождем В. И. Лениным – боролся против марксистов-эволюционистов всеми доступными ему в то время полемическими средствами. «Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими, словно обухом по голове, своих товарищей, чтобы заставить их шарахаться в сторону от той или иной мысли»¹⁸¹, – сообщает Н. В. Вольский, бывший в первой половине 1904 г. весьма близким соратником Ленина. В 1903–1904 годы такими мишенями для ленинского злословия были «экономисты», которые поплатились за свою принципиальность. Детонатором взрыва негодования большевистского вождя послужило то, что Акимов и Мартынов, будучи делегатами II съезда РСДРП от «Союза русских социал-демократов за границей», покинули этот форум в знак протеста против признания «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» единственной заграничной организацией РСД¹⁸². С тех пор сравнения с ними в глазах ленинцев считались позором, ибо вождь большевиков бичевал их за «политический кретинизм, теоретическую отсталость и организационный хвостизм»¹⁸³ (якобы Акимов и его сторонники не *направляли* рабочее движение, а *следовали* за ним, «плелись в хвосте»).

На последнее обвинение у Акимова имелся контраргумент: «Нас называли «хвостистами», плетущимися за массовым движением... Мы, наоборот, были новаторами, которые упорною борьбой с авторитетными теоретиками нашей партии и со старыми товарищами проводили в жизнь свои идеи... по отношению же к массовому движению рабочих мы всегда ставили себе целью идти впереди его и... действительно шли впереди»¹⁸⁴.

¹⁸¹ Валентинов Н. (Вольский Н. В.) Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. С. 123.

¹⁸² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Махновец,_Владимир_Петрович/

¹⁸³ Валентинов Н. Указ. соч. С. 121.

¹⁸⁴ Акимов В. П. Указ. соч. С. 167.

На обвинения в оппортунизме¹⁸⁵ Акимов отвечал так: «Нас называли оппортунистами – это была неправда. Мы имеем наши принципы, принципы научного социализма, программу международной социал-демократии и ради каких бы то ни было целей не хотим поступиться ими. Но ту схоластическую, доктринерскую вульгаризацию марксизма, которую нам подносят под именем ортодоксии... мы... не хотим признать правильным выражением научного социализма... Всем сознательным членам партии становится душно в атмосфере социал-демократического православия»¹⁸⁶.

Акимов вообще был противником диктатуры в любом ее виде, в том числе в организационной структуре партии. Как отзывался о нем Н. В. Вольский (Валентинов), Акимов был «до мозга костей демократ»¹⁸⁷. Он отрицал ленинскую концепцию партии как организации профессиональных революционеров, считая, что она проникнута вредным, антидемократическим, деспотическим духом, и заявил об этом одним из первых. Организационное строение партии, каким оно должно быть, Акимов представлял себе следующим образом. Низовые организации (на заводах, фабриках – везде, где есть сознательные сторонники социал-демократии) – должны стать базисом партии. Следующий уровень – объединение этих ячеек по территориальному принципу (районные, городские); к ним должны быть приставлены организации профессиональных революционеров для осуществления руководства, передачи опыта, знаний, конспиративных навыков и интеллектуального влияния. Далее, для объединения и руководства деятельностью всех организаций, они делегируют полномочия выбранным из их среды доверенным лицам, комитету. Комитеты соединяются в союзы комитетов, которые должны пользоваться широкой самостоятельностью в своих действиях. Наконец, центральная организация партии должна быть перестроена так, чтобы соответствовать демократическому строю всей партии¹⁸⁸.

На II съезде партии Акимов выразил резкий протест при голосовании принятия программы, выработанной Плехановым и редакцией «Искры», в которой содержалась абсолютно неприемлемая для демократа идея диктатуры пролетариата. Марксист-демократ не мог простить Плеханову, которого всегда очень уважал, того, что тот поддер-

¹⁸⁵ URL: <https://sites.google.com/site/revarchive/home/-revolucionnajarossija-1902-1904/tr-no51-s-1-6-25-08-1904-mezdunarodnyj-socialisticeskij-kongress-v-amsterdame/>

¹⁸⁶ Акимов В. П. Указ. соч. С. 167.

¹⁸⁷ См.: Валентинов Н. Указ. соч. С. 122.

¹⁸⁸ Акимов В. П. Указ. соч. С. 168.

жал Ленина и «Искру» в борьбе с газетой «Рабочее дело»: корифей русской социал-демократии «должен был предвидеть, что Ленин это нечаевщина, это и не марксизм и не парламентаризм»¹⁸⁹. Акимов вообще был едва ли не первым русским социал-демократом, решительно выступившим против этой идеи, которую другие – и большевики, и меньшевики, поначалу воспринимали как нечто неоспоримое, как категорический императив¹⁹⁰. Ленин в своей программной статье «Шаг вперед, два шага назад», написанной по итогам съезда, на котором произошел раскол российской социал-демократии, так анализирует голосование: «Первый тип голосований... охватывает те случаи, когда вместе с искровцами шел “центр” против антиискровцев или против части их. Сюда относятся голосование программы в целом (один только т. Акимов воздержался, остальные за), голосование принципиальной резолюции против федерации (все за, кроме пяти бундовцев), Далее, того же типа были *три* голосования по вопросу об утверждении Центральным Органом партии “Искры”, редакция (пять голосов) воздерживалась, против были во всех трех голосованиях двое (Акимов и Брукэр) и, кроме того, при голосовании *мотивов* утверждения “Искры” воздержались пять бундовцев и тов. Мартынов¹⁹¹». Уточним, что под псевдонимом Брукэр в съезде участвовал не кто иной, как родная сестра Акимова Лидия Петровна, избранная делегатом II съезда РСДРП от Петербургской рабочей организации¹⁹² и полностью разделявшая политическую позицию брата. «Да, мы были в РСДРП особым течением... была такая предрезостная целая семья, которая боролась и с существовавшим дворянско-буржуазным строем в России, и с ленинским течением внутри партии, боролась с натиском страстного диктаторского течения внутри своей партии. Из этой двойной борьбы на два фронта мы вышли... побежденными, особенно мой брат и сестры, совершенно надорванными и разбившими свои личные жизни»¹⁹³, – написала впоследствии Ю. П. Махновец-Гавенис. По ее свидетельству, «все лица, к которым тянулся Володюшка (Акимов – *О. П.*), ... были людьми узкими, в узкой сфере активными, самолюбивыми; интересы их были исключительно реалистическими, злободневными – это были все реалисты-практики, хотя и в революции. Володюшка же был поэт, мечтатель, мыслитель, и потому он был наивен и не нужен, так как для

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 33. Лл. 13–14.

¹⁹⁰ Валентинов Н. Указ. соч. С. 122.

¹⁹¹ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад [Электронный ресурс]. URL: http://libelli.ru/works/8-12/8-12_n.htm

¹⁹² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Махновец,_Владимир_Петрович/

¹⁹³ Цит. по: Там же.

них достаточно было Маркса, ибо сомнения, искания могли лишь тор- мозить деятельность»¹⁹⁴. Несмотря на черты, о которых упоминает сестра Акимова, не вызывает сомнения, что он был человеком твердо- го характера, умевшим отстаивать свою правоту, хотя и глубоко стра- дал при этом от ее неприятия окружающими. Принимая участие в ра- боте Амстердамского конгресса социалистов в августе 1904 г., когда его прения с искровцами, возглавляемыми остроязычным Лениным, были еще на самом пике, Акимов с болью рассказывал сестре о «не- чистоплотных махинациях ленинцев»¹⁹⁵, называя большевиков при этом «негодяями» и «манекенами»¹⁹⁶. Начав сомневаться в целесооб- разности агрессивной активности марксистов-радикалов, судя по его дневнику, еще с 1899 г., он стал находить много «прекрасных лично- стей среди земцев, либералов, юристов и ученых»¹⁹⁷. По воспомина- ниям Ю. П. Махновец, к 1905 г. профессиональные революционеры ста- ли ее брату «противны, и он решил посвятить себя культурно-про- светительской деятельности, называя ее истинно революционной»¹⁹⁸.

В 1905 году, в разгар революционных событий, В. П. Акимов вернулся из-за границы в Россию. До своего ухода из политики он успе- л побывать членом Петербургского совета рабочих депутатов (1905). В 1906 году он стал делегатом IV съезда Российской социал-демокра- тической рабочей партии, выступив на нем против бойкота Государст- венной думы с призывом социал-демократов поддержать кадетов¹⁹⁹. Однако с наибольшей самоотдачей он занялся делом, которое считал первостепенным по значимости для себя и для всей русской социал- демократии – развитием, просвещением рабочих. Акимов утверждал, что, занимаясь почти исключительно политической агитацией, мар- ксистская партия игнорирует вопросы культурного воспитания рабо- чих и многие пусть не столь масштабные, но важные экономические нужды народной массы. «Вместо того чтобы держать речи рабочим о свержении самодержавия, Махновец иной раз готов был превратиться в школьного учителя, когда видел, что в его кружке рабочие плохо читают и безграмотно пишут»²⁰⁰, – рассказывает Н. Валентинов. Дело культурного развития пролетариата Акимов сравнивал с «прокладыва-

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 33. Л. 11.

¹⁹⁵ Там же. Л. 22.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.

¹⁹⁸ Там же. Л. 25.

¹⁹⁹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Махновец,_Владимир_Петрович/

²⁰⁰ Валентинов Н. Указ. соч. С. 121.

нием горной, лесной дороги через густые поросли»²⁰¹, но сделать эту работу он считал необходимым, чтобы «увлечь [рабочих] вместе с нами на борьбу за общее дело»²⁰². Желая всесторонне узнать быт и условия труда пролетариев, сблизиться с ними, Акимов в качестве простого рабочего несколько месяцев проработал в бельгийских шахтах; затем, уже в России, для того, чтобы приобщиться к рабочему кооперативному движению, работал приказчиком у торговца-частника²⁰³. Не только радикальные марксисты-ленинцы, но и меньшевики готовы были критиковать эту практику, сравнивая ее с «малыми делами» народников, также подвергавшимися в свое время осмеянию и недооценке. Однако в данном вопросе Акимов был тверд: без движения цель – ничто.

Акимов В. П. является автором ряда книг и статей по истории российской социал-демократии и рабочего движения. Под псевдонимом «В. Бахарев» он написал две интересные брошюры «Как держать себя на допросах» (1900) и «О шифрах» (1902)²⁰⁴, в которых делился опытом революционера-подпольщика, приобретенным в ранней молодости, так как, «мечтая о самой широкой демократии в деятельности рабочей партии, он, тем не менее, понимал важность внедрения конспирации в ее повседневную работу»²⁰⁵. В 1905 году его политические знания и опыт внутрипартийной борьбы были подытожены в «Очерке развития социал-демократии в России». В 1911 году за книгу «Строители будущего» (1908), в которой были отражены его впечатления от событий I Русской революции, он был приговорен к году заключения. Затем марксист снова бежал за границу, откуда вернулся после амнистии 1913 г. Последние годы его прошли в Подмоскowie.

«Мы, социалисты, – заявлял Акимов в 1905 г., – должны быть людьми будущего... Согласно нашему учению есть у каждой современной цивилизации слой живой, революционный, созидющий будущее. Это именно самый нижний слой, ...пролетариат»²⁰⁶. Размышляя в конце своей короткой жизни (он не прожил и 50 лет) о переломных для России событиях и процессах, Акимов пришел к выводу, что подготовку рабочего класса к Советам, органам народного самоуправления производили именно члены «Союза русских социал-демократов

²⁰¹ Акимов В. П. Указ. соч. С. 36.

²⁰² Там же.

²⁰³ Валентинов Н. Указ. соч. С. 122.

²⁰⁴ URL: <http://libmonster.ru/m/files/viewm/files/view/Бахарев-Акимов-Махновец-В-О-ШИФРАХ-1902.;> http://www.hrono.ru/libris/lib_s/shifr12.html

²⁰⁵ URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_s/shifr12.html

²⁰⁶ Акимов В. П. Указ. соч. С. 170.

за границей», поддерживая непрерывную связь с искровскими организациями на родине. Победе «искровцев» над «экономистами» способствовала позиция отнюдь не рабочих масс, а рабочего актива, рабочих-полуинтеллигентов, с которыми вплотную взаимодействовали социал-демократы²⁰⁷. Стараниями приверженцев централизма, поощрявшихся большевистским ядром, демократические принципы, изначально лежавшие в основе Советов, впоследствии были поглощены принципами построения заговорщической, жестко дисциплинированной организации по типу ленинской, которая и повела рабочий класс к коммунизму, как его понимали большевики. Советы пошли за этим организованным ядром и приняли программу, составленную Лениным, так как своего самосознания, идеала и этики рабочий класс выработать не успел. Сыграли роль и популистские лозунги и призывы большевиков, не скупившихся на самые необдуманные, демагогические обещания, умело рассчитанные на простоту и доверчивость необразованных масс. Рабочему классу льстили речи о его гегемонии и диктатуре, так же как крестьянству – обещания земли. Поэтому, сделал вывод Акимов, именно Ленин вдохновил класс, а не класс вдохновил своих слуг-интеллигентов²⁰⁸. Акимов и ранее заявлял, что «партия всегда заслоняет собой рабочий класс»²⁰⁹, что в партии никогда не произносится «пролетариат» в именительном падеже, а всегда в родительном, в виде приложения к партии. Поначалу эта «странная формула» вызывала смех, но спустя годы многие русские демократы признали, что она «далеко не так уж глупа»²¹⁰. Кроме того, бывшие насмешники не могли не оценить глубокой порядочности Акимова, его обширных знаний, большой скромности и того, что по части демократизма своими взглядами он далеко опередил партийных товарищей. «Конечно, у него было много чудачества, но это был кристальной честности человек, ... без всякой позы, громких слов, проникнутый мыслью, что вся жизнь его до самого последнего дыхания должна служить общественному благу»²¹¹, – написал о нем Н. Валентинов. Хотя ленинские политические бандерильи и клише не позволили В. П. Акимову быть оцененным по достоинству как энтузиаст марксистско-рабочего движения ни современниками, ни тем более историками, его с полным правом можно назвать одним из зачинателей практики демократического социализма, пропагандистом этих идей среди трудовых масс.

²⁰⁷ Шубин А. В. Указ. соч. С. 525.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

²⁰⁹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 122.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

3.3 «СОЦИАЛИСТЫ ПЛЮС ЛИБЕРАЛЫ»: В ВОПРОСАХ ЭТИЧЕСКИХ – ВМЕСТЕ, В ПОЛИТИЧЕСКИХ – ВРОЗЬ

Свобода человеческой личности, ее всестороннее развитие – факторы, необходимые для развития народного правосознания и, следовательно, общественного прогресса. Поэтому в идейных построениях ведущих политических партий России с начала XX в. пункт о проблеме личности, реализации ее прав и свобод, хотя в различной форме и степени, но обязательно присутствовал. У отечественных либералов начала XX в. в этом вопросе было достаточно общих черт с представителями социалистической идеологии, – разумеется, не со всеми, а лишь с теми, кто считал вопрос свободы личности как необходимого условия построения общества будущего приоритетным, первостепенным, таким, который нельзя оставлять без внимания в партийной стратегии и тактике. Большевики, как известно, даже во внутрипартийных делах задвигали свободу на задний план «в угоду» дисциплине, централизму и, в конечном счете, диктатуре. Разумеется, либералам с ними было не по пути. Иное дело – представители так называемого демократического социализма – неонародники, со временем организовавшиеся в партии социалистов-революционеров и народных социалистов, уделявшие, как и либералы, большое внимание проблеме личности, а также этики в политике. В годы, предшествовавшие Первой русской революции, среди интеллигенции было немало старавшихся найти точки соприкосновения и содействовать сближению народников с либералами, считавших, что между либералами и социалистами нет принципиальной противоположности, так как и те и другие движутся в одном направлении «и только доходят до разных точек»²¹².

Журнал «Освобождение», совместная деятельность во имя достижения общей цели сблизил друг с другом либеральных земцев, бывших «легальных марксистов», «экономистов» и наиболее умеренных народников. Однако попытка создать единую организацию конституционалистов в 1903 г. не увенчалась успехом, так как вскоре выяснилось, что правые конституционалисты из земцев не желают объединяться с левыми и вообще неземскими деятелями. Были образованы отдельные организации: Союз земцев-конституционалистов, куда вошли правые и часть центра, и «Союз освобождения», объединивший левых и центр. «Союз освобождения» проявил себя куда более активно. Его платформа, выработанная в сентябре 1904 г., включала требо-

²¹² Цит. по: Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 49.

вания замены самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов, права национального самоопределения, свободы развития для всех народностей и т.д.²¹³

Начало деятельности «Союза освобождения» совпало по времени с русско-японской войной. Отношение к войне стало пробным камнем для общества. Под приливом патриотических чувств временно поухли оппозиционные настроения либералов. Однако не все одобряли возобладавшие в организации шовинистические настроения. Так, народник А. В. Пешехонов, до того времени весьма активный «освободенец», вышел из состава ее Совета. Пешехонов считал войну несоместимой с государственными интересами России, написав ряд статей, в которых содержалось требование прекратить бессмысленные военные действия и перенести внимание на внутриросийскую политическую арену. «Я ишу идею, во имя которой мы должны «сокрушить Японию», чего бы нам это ни стоило... Мелькают... разные идеи: и японское «коварство», и «наши жертвы», но ни на одной из них газеты остановиться не могут. Теорию беспощадной войны ни одна из них выдержать не в состоянии»²¹⁴, – возражал Пешехонов Д. И. Менделееву, выступившему с поддержкой внешней политики российского правительства. Для пешехоновского осуждения войны характерен сильный моральный оттенок, поскольку он рассматривает ее как бы с позиции народа, вынужденного нести всю тяжесть связанных с нею жертв и невзгод.

Современный писатель Борис Акунин в одном из своих детективных романов сделал очень колоритное сравнение России периода японской войны с динозавром, голова и туловище которого несоразмерны: характеристика, конечно, сугубо художественная, но нам она представляется необычайно точной и верной. «Россия тяжело болела, – пишет Акунин, известный, кстати, своими либеральными политическими убеждениями, – ее лихорадило, бросало то в жар, то в холод, из пор сочился кровавый пот, и дело было не только в японской войне. Война лишь выявила то, что и так было ясно всякому думающему человеку: империя превратилась в анахронизм, в зажившегося на свете динозавра с огромным телом и слишком маленькой головой, т.е. по размерам-то голова была здоровенная, раздутая множеством министерств и комитетов, но в этой башке прятался крохотный и неотягощенный извилинами мозг. Всякое хоть сколько-нибудь важное решение, любое движение неповоротливой туши было невозможно без од-

²¹³ См.: Непролетарские партии России. С. 37–38.

²¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 1. Д. 3. Л. 5.

ного-единственного человека... Вот и шатало бедного российского динозавра, могучие лапы заплетались, тысячеверстный хвост бессмысленно волочился по земле. Сбоку насакаивал, вырывая куски мяса, юркий хищник нового поколения, а в недрах исполинского организма разрасталась смертоносная опухоль. Чем лечить больного великана... уж во всяком случае не бомбами – от сотрясения маленький мозг ящера и вовсе ошалает, исполинское тело задержается в панических конвульсиях, и Россия умрет»²¹⁵.

Неудачи военной кампании, огромные людские жертвы, поглощаемые войной, гигантские материальные затраты, совершаемые во имя неизвестной цели, резко изменили отношение к внешнеполитическому курсу самодержавия в российском обществе. Стали раздаваться требования прекратить войну, пока еще можно добиться почетного мира. «В вопросе о Дальнем Востоке, – писал А. В. Пешехонов, – русская бюрократия, несомненно, допустила крупную ошибку... Раз эта ошибка обнаружилась, то не следовало ли ее немедленно ликвидировать?»²¹⁶. Правительство, думая отвлечь войной общество от внутренних проблем, добилось обратного: «Страна дезорганизована: это не живой организм, а рассыпанная храмина, которую нужно еще собрать и воссоздать на совершенно иных началах»²¹⁷. Мир и свобода – такова была политическая формула Пешехонова и его сторонников. К сожалению, русское правительство уподобилось азартному игроку, который, много проиграв, никак не мог отойти от стола и жаждал реванша, однако проиграл и последние ставки – Порт-Артур и балтийскую эскадру. Пораженческие настроения не были присущи либеральному и правонародническому политическому «кластеру»; крепкий этатизм этой группы политиков выдержал испытание неудачной войной, удовольствия от поражений и унижений России никто из них не чувствовал, а критика власти и ее мероприятий с их стороны была острой и подчас весьма жесткой, но в основном справедливой и конструктивной.

С иной позиции рассуждал о русско-японской войне как катализаторе развития революционного движения меньшевик Л. Мартов. По его мнению, итогом военного периода явилось образование (впервые в России) определенно выраженных политических партий, вовлечение широких народных слоев в междоусобную войну, сопровождающуюся многотысячными жертвами, в числе которых были и поли-

²¹⁵ Акунин Б. Алмазная колесница. М.: Захаров, 2004. С. 54–55.

²¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 1. Д. 3. Лл. 16, 18.

²¹⁷ Там же. Л. 21.

цейские чиновники, потрясение промышленной жизни²¹⁸. «А рядом с этим – потеря двухсоттысячной армии, двух флотов, миллиардов рублей, всей захваченной на Дальнем Востоке области, потеря кредита больших банкирских домов и престижа у других держав»²¹⁹, – подсчитывал Мартов. Однако столь неудачное вовлечение России в «маленькую победоносную войну», похоже, не расстраивало марксиста, поскольку параллельно военно-политическому фиаско власти наблюдалось следующее: «колоссальный рост сил для революционной борьбы (одни социал-демократы должны, по нашим подсчетам, объединить не менее 100 000 рабочих, за которыми стоит еще большая масса готовых поддержать социал-демократов; неслыханное распространение подпольной литературы, проникновение революции в казармы, в маленькие города и деревни»²²⁰. Война извлекла наружу все революционное, и то, «что было посеяно в течение десятилетий прогрессом общества и долголетней упорной работы революционеров», принесло плоды в течение менее чем двух лет. Закон от 6 августа (результатом которого стал созыв так называемой Булыгинской Думы), по убеждению Мартова, никак не усмирит народное недовольство и не прекратит нарастание революционных процессов, потому что права и функции Государственной Думы не дают возможности назвать ее парламентом. «Это просто подчиненная бюрократической машине совещательная палата, могущая высказывать свое мнение о законодательных проектах царских министров, предлагать собственные проекты и делать правительству запросы о его политике, не имея однако возможности изменить эту политику, так как нет и намека на ответственность министерства перед Думой»²²¹, – резюмировал марксист, более чем скептически оценивая возможность превращения России после указа 6 августа в конституционную страну. Как марксист-«классик» Мартов не мог сожалеть о столь благоприятных условиях для развития революционного потенциала и, хотя он не был столь же циничен, как Ленин, и не декларировал откровенно своего пренебрежения к морали, заострять внимание на столь излишней для революции материи он тоже не собирался. Человеческие бедствия, как явственно следует из этого и подобных публицистических материалов – необходимые поленья для революционного костра, удобрение для почвы, на которой взрастет революционное сознание русского пролетариата. Правые марксисты подчас словно стеснялись обращаться к общечеловеческой тематике, чтобы не

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

²¹⁹ Там же. Л. 10.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же. Л. 13.

показаться сентиментальными, мягкими, «несовременными». При этом в частной жизни они в основном старались следовать нравственным законам. Впрочем, и сам Карл Маркс, воспевая насилие как повивальную бабку истории, отделял свою реальную жизнь от того, что создавал на бумаге.

Абсолютно иным был подход к «человеческому измерению» у народников и кадетов. Несмотря на революционный пыл, эсеры, как мы увидим, постоянно обращались к теме личности, человека, морали – универсальных ценностей, которые имеют непреходящее значение для любого демократа. Для правых эсеров, народных социалистов и кадетов личность – важнейшая социальная «субстанция», первооснова для построения пусть не совершенного (где оно, совершенство?!), но высокоразвитого, справедливого общества.

«Истинный либерализм требует всестороннего развития личности в самом широком ее своеобразии, во всех ее проявлениях. Наша партия отстаивает начала свободы личности, для всякой личности, и потому она демократична»²²², – писал П. Б. Струве, начинавший свою политическую карьеру как легальный марксист, т.е. демократический социалист, а затем ставший либералом – кадетом. Такая естественная эволюция одного из ведущих идеологов левоцентристского направления в политической мысли России доказывает близкое родство идейных течений, грань между которыми иногда словно вовсе исчезает. Проблема личности, ее развития, самосознания, прав и обязанностей, места в обществе – вопрос, по которому в позициях российских либералов и демократических социалистов сходства было гораздо больше, чем различий.

В 1906 году в России появилась количественно небольшая, но весьма заметная, энергичная и достаточно авторитетная политическая партия, деятелей которой называют «либеральными народниками» (или «неонародниками») – партия народных социалистов. Некоторые исследователи, правда, находят само словосочетание «либеральные народники» некорректным, так как «либерализм и народничество – доктрины, полярные в своей основе: либерализм ориентирован на индивидуализм личности, конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, а народничество на первое место ставит коллектив личностей, ...обеспечение достойных условий существования

²²² Цит. по: Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850 – 1920-х гг.): сборник статей [Электронный ресурс]. Издание «Нового журнала». Нью-Йорк, 1969. URL: ldn-knigi.narod.ru

всех членов общества»²²³. Однако мы считаем, что либерализм и тот демократический, эволюционный социализм, который исповедовали последователи правого неонародничества в первой четверти XX в. – вовсе не взаимоисключающие понятия. Дело здесь не только в эволюционных тактических установках по поводу политической борьбы, которые разделяли, скажем, либералы кадеты и социалисты энесы. В ряде программных ценностей тех и других были общие черты, и в первую очередь – вопросы свободы личности. Этот главный пункт «соединения» социализма с либерализмом – о личности – многократно прорабатывался лидером и идеологом народных социалистов А. В. Пешехоновым, осуществлявшим, главным образом, связь этой, в общем-то, «камерной» партии с широкой общественностью. Именно человек занимал центральное место в системе координат энесов, идея самоценности и верховенства человеческой личности была для них основополагающей (в отличие от социал-демократов или эсеров, у которых личность растворяется в общественном коллективе, а то и вовсе приносится в жертву общему благу)²²⁴. Ни одна из общественных форм не рассматривалась ими как самодовлеющая сущность, вне связи с благом личности. Для народных социалистов не было довода: «это разрушает общину или вредит государству»; довод мог быть только один: «это пагубно для личности»²²⁵. Энесы явились своего рода провозвестниками «социализма с человеческим лицом», и в своей политической практике они, иногда в ущерб утилитарным партийным интересам, были выше теоретических схем, твердо следуя принципам гуманизма и добра²²⁶. Признавая «верховенство человеческой личности», представители этой партии «всякого темного, забитого и голодного человека» желали «сделать умным, сильным и довольным – сделать счастливым».²²⁷ Однако, отводя «социологическое» первенство личности, народные социалисты не мыслили ее иначе как в обществе. К личности народные социалисты были намерены предъявлять высокие требования, и главное из них – труд. «Лишь трудящаяся личность

²²³ Зверев В. В. Русское народничество: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 31.

²²⁴ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. С. 47.

²²⁵ Пешехонов А. В. Программные вопросы. Пг: Задруга, 1917. С. 11.

²²⁶ Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 76 – 81.

²²⁷ Пешехонов А. В. Указ. соч. С. 12.

может быть суверенной. Потому и народ... мы не можем мыслить иначе, как совокупность трудящихся личностей, ... трудящихся классов»²²⁸, – заявляли теоретики партии.

Права личности, политические свободы и политическая демократия были важнейшим элементом идейной конструкции партии социалистов-революционеров. Лидер эсеров В. М. Чернов провозглашал: «Свобода, личные права, самоуправление – все, совокупность чего мы зовем демократией – с нашей точки зрения... суть самостоятельные и полноценные культурные ценности. Без них социализм – то же, что организм, из которого вынули душу. Социализм без общественной и личной свободы – не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга»²²⁹. А в 1922 году член ЦК ПСР А. Р. Гоц на печально известном процессе социалистов-революционеров заявлял своим судьям: «Свобода – это душа социализма, это – основное условие деятельности масс. Если вы этот жизненный нерв, эту основную сущность... пережете, тогда, конечно, от самостоятельности масс ничего не останется и тогда уже лишь прямой путь... к теории о непросвещенных темных массах, которым вредно слишком много соприкасаться с политическими партиями, могущими их, неопытных, неискушенных, сбить, увлечь за собою... в такое болото, из которого они, бедненькие, никогда и не вылезут. Да что же это такое, как не классически выраженная теория Победоносцева»²³⁰. С этими словами созвучны выдержки из мемуаров А. Ф. Керенского: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений»²³¹.

Правый эсер М. В. Вишняк, эмигрировавший в 1919 г. и доживший до середины 1970-х, уже в 1920 г., когда, казалось бы, большевизм праздновал свои главные военно-политические и идеологические победы, предсказывал неизбежную гибель этой насильственно утвержденной политической системы. По мнению Вишняка, советский строй неминуемо был обречен, и прежде всего потому, что он «стихийно враждебен всем, кто дорожит принципом личности, достоинст-

²²⁸ Там же. С. 14–15.

²²⁹ Цит. по: Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. конф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37 – 56.

²³⁰ Цит. по: Там же.

²³¹ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005. 383 с. С. 370.

вом человека и его первейшим правом – правом на жизнь... потому что пограл главный принцип человеческого общежития, провозглашенный еще Н. Г. Чернышевским: «Выше человеческой личности мы не принимаем на земном шаре ничего»²³². Вишняк верил, что Россия будет свободной, она «сойдет с креста и войдет, свободная, в творчество жизни»²³³. Вишняку вторил В. М. Чернов, утверждавший, что «у социализма нет проблемы более сложной и глубокой, и в то же время менее разработанной, чем проблема личности в социалистическом обществе... Гуманность, человечность требует постановки Человека в центре всех вопросов морали и общественности»²³⁴. Идеолог эсеров был убежден, что человеку как существу социально необходима солидарность с другими людьми, и характер и степень этой солидарности соответствуют ступени общественного развития. Чем выше эта ступень, тем осознаннее и масштабнее человеческая солидарность. «Сочувственный опыт, – рассуждал Чернов, – в его соотношении с личным... становится исходной точкою или психологическим источником морали»²³⁵. В ежедневной практике личный интерес и требования солидарности могут сталкиваться, но примирить эти противоречия, по мнению Чернова, вполне возможно, если человек «поднимется на вершину моральной завершенности духовной индивидуальности»²³⁶. Именно проблема нравственности, по убеждению эсера, во все времена обсуждалась необычайно напряженно и не оказывалась настолько бесконечно сложной, чреватой коллизиями, перепутьями и тупиками. Отказ марксизма от обсуждения этой проблемы, признание ее мнимой народник назвал «капитуляцией ума».

Демократическая суть партии выявляется не только в программах и публичных высказываниях ее идеологов, но и в реальной, практической деятельности. Демократизм эсеров выражался, не в последнюю очередь, в отношении к тому, что мы привыкли называть свободой совести – партия отличалась философским плюрализмом и веротерпимостью в собственных рядах²³⁷. Она не подчинялась догмам, «допускала большие различия мнений, философских взглядов, теоретических предпосылок. Она тяготела к широте, а не исключительности»²³⁸. Эти

²³² URL: <http://economuch.com/ekonomicheskikh-uchenyi-istoriya/vopros-ekonomicheskije-vozzreniya-13847.html>

²³³ Там же.

²³⁴ Чернов В. М. «Истоки» // За свободу. 1947. № 18. С. 13 – 24.

²³⁵ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 17. Л. 177.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Морозов К. Н. Указ. соч. С. 50.

²³⁸ Там же.

качества резко отличали ПСР от большевиков – «партии нового типа». Значительная часть эсеров являлась приверженцами демократических принципов организационного устройства и готовность отстаивать их против властных претензий «центра».

Достаточно толерантны к вариациям в интерпретации социализма – лишь бы они оставались демократическими – были и меньшевики. Они выступали против строгого централизма в партийных структурах и наделения ЦК большими полномочиями²³⁹. Меньшевики не заикливались на ортодоксальном марксизме (тем более, «отредактированном» их лидером-диктатором, как то было у большевиков). Кстати, ни авторитарного лидера, ни идейной монолитности в рядах меньшевиков не было. Это позволяло членам меньшевистской организации сопротивляться всякой идейной одномерности и догматизму, развивая по сути, несмотря на провозглашаемую революционность партии, взгляды умеренного, разумного, эволюционного социализма.

Активный деятель российского демократического социализма Н. В. Вольский (Валентинов) был в течение всей своей жизни верен его идеалам. В ранней молодости большевик, с 1904 г. – после разрыва с Лениным (этот разрыв произошел, в первую очередь, вследствие несовпадения взглядов по поводу демократии и свободы, в частности, свободы личности) – меньшевик, а с 1917 г. беспартийный, Валентинов огромное значение придавал внутренней свободе человека, без которой невозможно его истинное саморазвитие. Вспоминая время становления своих идейных взглядов, которое пришлось на 1890-е гг., эпоху полемики народничества и марксизма, он писал: «Мы находили, что служение революции, «общественному благу» не должно чувствоваться долгом, должно быть чувство свободного «я того хочу»²⁴⁰. Еще в период «благоволения» Ленина к Вольскому, последнего, несмотря на искреннее желание быть большевиком, смущали некоторые ленинские постулаты, а, главное, нетерпимость будущего основателя первого в мире социалистического государства не столько к явному инакомыслию (это-то понятно), но и – особенно! – к его же собственным партийным товарищам, осмелившимся противопоставить оттенки своих взглядов непререкаемому авторитету вождя. Невероятная властность Ленина, проявлявшаяся в его поведении с самых ранних лет, не смягчившаяся с годами, исключала любой намек на плюрализм мнений вокруг него и демократию внутри партии. «По мнению Ленина, принцип федерации абсолютно несовместим с принципом централизма, а

²³⁹ Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.

²⁴⁰ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.

святость, высочайшее качество централизма в строении партии имели в глазах Ленина такую же ценность, как самые важные пункты ее программы. По Ленину выходило, что, если нет централизма, все идет вверх ногами в революционной социалистической партии... Со многими своими противниками мысли Ленин разделялся своеобразным способом... Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими, словно обухом по голове, своих товарищей, чтобы заставить их шарахаться в сторону от той или иной мысли. Вместо долгих объяснений одно только словечко должно было вызывать, как в экспериментах профессора Павлова, «условные рефлексы»... Спасти от гипноза штампованных словечек можно было лишь далеко уходя от Ленина, порывая с ним связь»²⁴¹. По словам Вольского, сказанным через много лет после событий 1917 г., Ленин «вдолбил в голову всем большевикам полное отрицание федеративного принципа и абсолютное железное признание принципа централизма, и нигде идолократия централизма не приняла такого чудовищного выражения, как у эпигонов Ленина в эпоху сталинизма»²⁴². Один из наиболее известных меньшевиков И. Г. Церетели в своих воспоминаниях дополнял эти наблюдения: «Большевизм – вот те ворота, через которые контрреволюция прорвется к нам, – говорили мы (демократы в межреволюционный период 1917 г. – *О. П.*)... Но то, чего мы не предвидели, – это возможность, что сам большевизм возьмет на себя практическое осуществление самой страшной реакции, тоталитарное уничтожение всякой свободы, угнетение и порабощение народных масс»²⁴³.

Шубин А. В. обращает внимание на следующую особенность политического мировоззрения вождя большевиков: Ленин считал, что для коммуниста есть вещи поважнее демократии и свободы споров. В партии должно быть «нечто большее, чем “демократизм”, именно: полное товарищеское доверие между революционерами». Партийная организация, по убеждению Ленина, должна быть своего рода моделью коммунистических отношений, их ячейкой. Здесь коммунизм должен стать реальностью прежде, чем победит в обществе в целом»²⁴⁴.

Спустя три десятилетия после революционных событий 1917 г. эсеровский идеолог В. М. Чернов рассуждал в эмигрантском издании «За свободу»: «Социализм гуманности, гуманитарный социализм –

²⁴¹ Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. 560 с.

²⁴² Там же. С. 121.

²⁴³ Церетели И. Г. Кризис власти. М.: Луч, 1992. С. 236.

²⁴⁴ Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение. С. 529.

или социализм экономического автоматизма (так виделся ему социализм, «построенный» к тому времени в СССР – *О. П.*) Второй без первого – ...социализм, из которого вынута самая душа его – свобода. Без свободы нет и не может быть вложенного в труд личного начала, и без него труд не является индивидуальным творчеством, и трудящийся перестает быть человеком во всем высоком значении этого слова, а превращается в живого робота»²⁴⁵. По мнению Чернова, большевистский социализм являлся как раз «социализмом роботов. Коммунизм же как идеология, приобретшая культовый характер в СССР, виделась Чернову «русским самодержавием навыворот»²⁴⁶.

Таким образом, в эсеровское определение социализма было введена подчеркнутая этико-гуманитарная нота о гармонически развитой, свободно развертывающей все свои творческие потенции, инициативной человеческой индивидуальности²⁴⁷. «Я до сих пор считал этической основой социализма стремление рассматривать весь исторический процесс в его закономерном виде с точки зрения интересов человеческой личности, с точки зрения ее всестороннего и гармоничного развития, предполагающего торжество общественной солидарности», – заявлял В. М. Чернов²⁴⁸. По мнению теоретиков эсеров, для настоящей «смычки», единения с народом, необходима этическая доктрина, которая будет понятна народу и актуальна для него. Поиск такой доктрины – дело весьма нелегкое, потому что в сознании российских масс издавна хаотически переплетались идеи религиозного смирения и вполне светского бунтарства, вольницы; установки коллективизма, общинности, и в то же время индивидуалистические, собственные инстинкты и т.п. Главное же – предложить такую идеологию, которая, не являясь примитивной, однако, будет проста и в своей простоте мудра, поскольку станет содержать как общечеловеческие истины и ценности, так и апелляцию к конкретным русским запросам, чувствам и интересам. «Нужно такое решение всей совокупности вопросов нравственности, личной и общественной, которое можно было бы вынести на улицу, предложить массам, народу взамен по-своему стройной старой системы моральных понятий и норм»²⁴⁹, – писал

²⁴⁵ Чернов В. М. «Истоки» // За свободу. 1947. № 18. С. 13 – 24.

²⁴⁶ Там же. С. 21.

²⁴⁷ Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. конф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37 – 55.

²⁴⁸ Чернов В. М. К обоснованию партийной программы. Пг., 1918. 82 с.

²⁴⁹ Чернов В. М. Этика и политика. СПб., 1911. С. 66.

В. М. Чернов, подчеркивая, что, пока данная задача не выполнена, во многих отношениях любая партия самых искренних защитников народа будет простому человеку «более далека, чем представители так называемых религиозных исканий из современной интеллигенции»²⁵⁰. Сложность этой задачи усугублялась тем, что социалистическая партия – организация исключительно рационалистическая и светская, и найти общий язык с народом, для которого откровенное безбожие является делом неслыханным, суметь воздействовать не только на его сердца, но и на умы – проблема тонкая и деликатная. Рационализм не был свойственен российскому простонародью (да и, как показывала популярность религиозной философии среди образованных людей империи, не только ему), поэтому обращение к разуму народа требовало особенно продуманной программной концепции. «Для нас нередко оказывается гораздо легче поднять православное население, по лени и косности продолжающее принадлежать к лону церкви и не мудрствовать лукаво о душе, смысле жизни, призвании человеческом... базируя на земельной нужде, тягости податей, произволе администрации»²⁵¹, – признавались эсеры, понимая, что эта агитация имеет внешний и временный успех, не задевая глубин массовой психологии и не обновляя мирозерцания русского человека. Недостаток у социализма именно морально-этической платформы, своей и только своей, а не заимствованной эклектично из разных доктрин, по мнению многих его теоретиков, мешал продвижению этой идеологии в широкие массы. Созданная Марксом экономическая база социализма позволила завоевать множество поклонников, но моральное сознание большинства социалистов не имело такой же твердой, «материнской» основы, и последние искренне считали, что «социализм упраздняет этику, делает ее ненужной, что он по своей природе внеэтичен»²⁵². Между тем, характер общественной борьбы в России был таков, что нравственная притягательность движения придавала ему огромную силу. Эсеры сознавали, что социалисты начала XX в. наследуют от своих героических предшественников-народников ореол подвижничества и мученичества, который мог, как магнит, притянуть отважных, «апостольски настроенных пионеров, нравственных ригористов и аскетов, проникнутых психологией первых веков христианства, жадной самоотвержения»²⁵³. В начале XX века социализм стараниями как марксистов, так и последователей народничества, стал силой и одновременно модой. Чтобы

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же. С. 68.

²⁵² Там же. С. 74.

²⁵³ Там же. С. 75.

обезопасить социалистическое движение от случайных или даже вредных для дела людей, подвижных настроениями, далекими от насущных целей и задач социализма, твердые его приверженцы полагали необходимым сконструировать и озвучить нравственный идеал, который должен привлекать в ряды революционеров самых сознательных, убежденных и верных, в результате чего «моральный остов идеала должен обрасти плотью и кровью, превратиться в общественно-политический идеал», который «станет содержанием практической воли» его носителей²⁵⁴. Социализм представлялся им «величайшей нравственной силой современного общества», а борьба за его идеалы – держащейся «целиком на самоотвержении, на способности единичных личностей отдавать свою жизнь, свободу за счастье своей родины»²⁵⁵.

Для деятелей демократического социализма было очевидным то, что «совместное созидание, хранение и приумножение суммы многообразных культурно-исторических ценностей приводит к развитию межчеловеческой солидарности», и «личный опыт каждого человека бесконечно расширяется приобретением к нему “сочувственного опыта”».²⁵⁶ По мере этого расширения, гуманизации каждый человек, по мнению социалистов-демократов, становится все более чутким, «способным переживать тревоги, волнения, радости и страдания ближнего как свои собственные»²⁵⁷, и такой опыт, эмоционально обогащая человека, в свою очередь становится источником морали. Так, по мере развития человеческой эмпатии, происходит вытеснение «зоологических» инстинктов самосохранения эгоистическими, социальными. «Сочувственным опытом» охватывается круг земляков, род, клан, объединение по общности крови или расы, сословие, профессия, класс либо круг религиозных или политических единоверцев, граждане в государстве и т.п. Чем выше система нравственности, тем она универсальнее, так как стремится охватить моральной связью все человечество и даже требует гуманности к остальной живой природе²⁵⁸.

Иллюстрацией к подобным рассуждениям может послужить материал, опубликованный в 1903 г. в «Революционной России». Эсеры к этому времени вели организационно-пропагандистскую работу с распространением партийной литературы среди крестьян уже третий год

²⁵⁴ Там же. С. 80.

²⁵⁵ Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Издание Ревельского Комитета ПСР, 1917. С. 17.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1 Д. 17. Л. 177.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же. Л. 179.

и весьма гордились своими успехами, важнейшими из которых считали следующее:

«1) неизвестны случаи выдачи крестьянами своих учителей-пропагандистов;

2) признание крестьянами эсеровской литературы как выражающей их проблемы, их чаяния;

3) крестьяне сами начали распространять нелегальную литературу»²⁵⁹ и т.п.

Проблема нравственности виделась эсеровским философам как одна из наиболее обсуждаемых и трудноразрешимых из-за своей иррациональности и многозначности, сравнимых с изобретением вечного двигателя или поисками квадратуры круга. По словам В. М. Чернова, марксистам в вопросе нравственности свойственно «инстинктивное отталкивание от самой проблемы, скраденное уменьем отмахнуться от нее насмешками и сарказмами»²⁶⁰. Нельзя сказать, что у марксизма вовсе нет этики, – рассуждал эсеровский идеолог. Для них существует классовая этика, «несформулированная, подразумеваемая, вычитываемая между строк» – орудие духовной консолидации восходящего социального класса, которая организует чувства и мотивы поведения отдельных людей в высшую идеологическую надстройку, в классовую мотивацию оценок и волеизъявлений. «Нравственность реально существует в виде классовой нравственности. Ей не чужд и идеально-нравственный тип, дающий высшее мерило для нравственной оценки отдельных людей. Как во всем, так и в области нравственности марксизму свойственна крайняя и резкая догматическая исключительность»²⁶¹. При этом учение об относительности всякой морали отнюдь не являлось исключительным «достоянием» марксизма, так как содержание нравственного компонента в жизненной практике человечества всегда отличалось текучестью, диалектизмом. «Самый образцовый семьянин и детолюб может вести себя по отношению к обществу, в котором живет, как его злейший и циничнейший вредитель»²⁶², – замечал Чернов, рассуждая о путях морального совершенствования человечества. Он подчеркивал, что главное – не достижение абсолютного морального идеала, который в принципе недостижим, а поиск и бесконечное приближение к этому идеалу, перманентное развитие и совершенствование человека и общества на этом пути.

²⁵⁹ Революционная Россия. 1903. № 31. С. 4.

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 17. Л. 178.

²⁶¹ Там же. Л. 181.

²⁶² Там же. Л. 179.

Эсеры, намечая «конечную цель», достижением которой должно было увенчаться их движение по пути социального прогресса, воспринимали ее не как абсолюте, дальше которого уже ничего нет, а как общий принцип, в котором суммировались бы все их частные цели. Отношение умеренных социалистов (энесов в большей степени, но и многих эсеров тоже) к движению и цели не противоречило знаменитой бернштейновской установке. Этим и отличался социализм гуманный, демократический от радикального, представленного партией авангардного типа, для которой человеческие чувства, мораль, справедливость, если они не классовые, а всеобщие – лишь «дряблые хныкания»²⁶³ мягкотелых интеллигентов.

3.4. СОЦИАЛИСТЫ И ТЕРРОР

Сторонники «движения» сознавали продолжительность пути, который предстояло проделать до социализма и на котором нужно преодолеть ряд переходных ступеней. Вопрос о соотношении эволюционных и революционных форм прогресса традиционно диалектичен, а для партий российского демократического социализма он был особенно актуален и сложен. Если с народными социалистами было более или менее ясно – они предпочитали эволюционизм и в свое время отказались вставить в название партии слово «революционеры», то вопрос о революционаризме эсеров, в чьей партии было несколько течений, по-разному относящийся к методам и средствам борьбы за социальную справедливость, дискусионен и интересен. Правые эсеры к революции относились с оглядкой (вспомним хотя бы признание Вишняка). «Центр» партии, представленный Черновым и его единомышленниками, оставил достаточное количество письменных рассуждений на этот счет, и общий смысл их был таков: революцию следует рассматривать не как противоположность эволюции, а как «совокупность многих ее моментов, одни из которых должны носить боевую, другие – мирную внешность»²⁶⁴.

Хотя партию социалистов-революционеров многие воспринимали как партию, прежде всего, террористическую, террор не был альфой и омегой для большинства эсеров, хотя по сей день именно «Боевая организация» эсеров остается своеобразным символом борьбы революционно-настроенной части общества с царским самодержавием. «На сегодняшний момент выявлено свыше 90 тысяч человек, так или

²⁶³ URL: <http://levoradikal.ru/archives/1163>

²⁶⁴ Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Изд-во Ревельского Комитета ПСР, 1917. С. 13.

иначе причастных к террору. Из-за конспирации установить реальное число участников не представляется возможным. За все годы функционирования группы в «Боевую организацию» входили 72 мужчины и 19 женщин»²⁶⁵.

«Самый характер террористической борьбы, связанной прежде всего с пролитием крови, таков, что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе средств»²⁶⁶, – пояснял позицию по отношению к террору еще формировавшейся тогда партии социалистов-революционеров ее идеолог В. М. Чернов. По его убеждению, успешный террористический акт против одного человека, ставшего причиной страданий тысяч людей, вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен изменить взгляд этих тысяч на революционеров и смысл их деятельности. Действительно, массовой популярности ПСР достигла не в последней степени благодаря терроризму. Покушения на «сатрапов», предпринятые эсерами, способствовали деморализации сановных лиц и, как следствие, ослаблению государства. Германский исследователь Л. Хэфнер утверждает, что «подспудный смысл терактов заключался в их пропагандистском эффекте: в партию живо начали стекаться представители всех сословий, включая соратников их социал-демократического лагеря, желавших в рядах боевой организации внести свою лепту в низвержение старого режима»²⁶⁷. Повышению политического «статуса» ПСР как силы, активно дискредитирующей самодержавие, способствовало и широкое освещение ее террористической деятельности в европейской печати. У европейской публики из либерального и социалистического лагерей эсеровский террор вплоть до октября 1905 г. вызывал положительные отклики. Однако позже, когда террористические акты стали менее адресными, более произвольными и менее согласованными с руководством партии (против чего и предостерегал Чернов), отношение к русскому террору европейской общественности стало, мягко говоря, прохладным.

²⁶⁵ URL: <http://rusplt.ru/fact/esser-10101.html>

²⁶⁶ Чернов В. М. Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. 1902. Июнь. № 7. С. 2 – 6.

²⁶⁷ Хэфнер Л. «Товарищи» или «наши друго-враги»? Аграрный вопрос, терроризм и взаимоотношения партии социалистов-революционеров с немецкой и российской социал-демократическими партиями в 1902-1914 гг. // Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. конф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 101 – 116.

Чернов рассуждал, что в условиях относительного общественного спокойствия и благополучия революционная борьба против деспотизма при помощи кучки террористов обречена на мгновенное уничтожение: реакция без страха и растерянности справится с возмутителями спокойствия. Но если в обществе назревает народное недовольство, то и дело возникают очаги протестов, волнений, сопротивления властям, тогда «метко направленные удары, неожиданно сваливающие с ног наиболее ревностных и энергичных столпов реакции, способны внести в ряды правительственных слуг расстройство и смятение»²⁶⁸. Увеличивают шансы революционеров и такие факторы, как развитие рабочего движения, рост общих оппозиционных настроений в широких культурных слоях, подъем революционного самосознания молодежи, усиление крестьянского недовольства недалекой и непоследовательной политикой властей и многое другое, что наблюдалось в России периода модернизации и чего еще не было в период самоотверженной борьбы народолюбцев.

Ратуя за применение в особых случаях террористических средств, эсеры подчеркивали, что террор для них – не автономная, самодовлеющая система борьбы, а часть, входящая в систему «партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство». Для партии в целом террор не был главным, центральным тактическим пунктом, но он был пунктом безусловно значимым, так как являлся средством резонансным и отчаянным. Являясь крайне энергичным средством в борьбе против самодержавного насилия, террор, по мнению лидеров эсеровской партии, должен находиться под контролем партии, террористические мероприятия должны проводиться не одиночками, а в рамках партийной деятельности. Партия в конечном итоге и несет ответственность за них. «Партийный контроль и партийное регулирование, – писал Чернов, – предотвратят опасность, как бы террористическая борьба не оторвалась от всей основной революционной борьбы и не перестала сочетаться с меняющимися потребностями и интересами, как бы из средства эта борьба не превратилась в цель, как бы она не заняла несоответствующего места в революционной... практике, как бы... тактика террористов не вошла в конфликт с общей тактикой революционной армии и не вошла в конфликт с ней»²⁶⁹.

Надо отметить, что на тот момент ряд представителей будущей партии народных социалистов поддерживали эту позицию, относясь к террору как к допустимому средству борьбы против породившей его

²⁶⁸ Чернов В. М. Террористический элемент в нашей программе. С. 4.

²⁶⁹ Там же.

правительственной системы, превращавшей, по словам А. В. Пешехонова, русский народ в «бессвязные толпы» и «людскую пыль». При противозаконном, антигуманном поведении «сильных мира сего», бесконечном произволе самодержавия, «надругательстве над честью» протестующих против этих «свинцовых мерзостей», – рассуждали социалисты в начале XX в., – террористические акты – не что иное, как «оружие необходимой обороны»²⁷⁰. Одним из самых вопиющих примеров аморализма властей, по их мнению, была «позорная порка, от которой даже уголовные обитатели «мира отверженных» все чаще начинают спасаться самоубийством». (П. Ф. Якубович, несколько лет проведший на каторге, косвенно это подтверждал. В целом он отмечал нечувствительность уголовного элемента, как правило, крайне темного и безграмотного, к моральной стороне воздействия телесных наказаний – преступники боялись лишь физической боли. Однако, рассказывая о порках каторжных женщин, он описывал якобы испытываемые ими унижение, осознание его при этом гораздо отчетливее, чем сами «падшие создания»²⁷¹).

Оправданием необходимости террора социалисты считали и тот факт, что у правительства нет страха перед протестующими, в отличие от периода народовольцев, которых власть «ненавидела и боялась». В подобных условиях социалисты-революционеры не видели возможности отказаться от террористической борьбы как экстремального средства.

По мнению же социал-демократов, озвученному газетой «Искра», «терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение»²⁷²; «террор мешает организации, а, следовательно, и вообще политическому воспитанию рабочих»²⁷³. Вопрос о выборе форм политической борьбы, а в этой связи и вопрос о терроризме как одной из возможных ее форм, – достаточно широко обсуждался в то время. Причем сторонниками террора выступала не только партия социалистов-революционеров (эсеры), но и зарубежные эмигранты, связанные как с “экономизмом” (журнал «Рабочее дело»), так и ставшие впоследствии меньшевиками (В. И. Засулич, Ю. О. Мартов и другие)²⁷⁴. Эсеры в данном вопросе апеллировали не к интересам партии или даже класса, а всего российского общественного бытия. «Если террори-

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ См.: Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. В. 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1964. С. 377–378.

²⁷² Искра. 1902. № 20.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ URL: <http://kpss-ru.livejournal.com/86832.html>

стический факт поражает человека, от которого пострадали тысячи людей, то он вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд этих тысяч людей на революционеров и смысл их деятельности», – были убеждены эсеры. Ленин еще в 1897 г., в написанной в ссылке брошюре «Задачи русских социал-демократов», что явилась ответом на широкую дискуссию по этому вопросу в обществе, высказывался о предшественниках и сторонниках социалистов-революционеров так: «Безыдейность и беспринципность ведут их на практике к “революционному авантюризму”, выражающемуся ... и в их шумной проповеди “систематического” террора...»²⁷⁵. В интервью корреспонденту шведской газеты “Фалькете дагблат политикен” 1 июля 1918 г. Ленин отмечал, что “история русской революции показывает, что партия всегда прибегает к индивидуальному террору, если она не пользуется поддержкой масс.”²⁷⁶.

После 1911 года происходило угасание террора, так как многие эсеры разочаровались в нем, укрепляясь во мнении, что массовая социалистическая партия не должна заниматься терроризмом. Террор как главное средство борьбы партии рассматривался лишь группой «инициативного меньшинства», а также некоторых руководителей (Е. Ф. Азеф, Г. А. Гершуни, Б. В. Савинков), но эти взгляды не разделялись ни значительной частью руководства партии, ни массой ее рядовых членов²⁷⁷. Эсеры заявляли, что террористическая тактика должна быть прекращена при созыве Учредительного собрания, что в свободной стране подобными методами политическую борьбу вести нельзя²⁷⁸.

Тактические и организационные установки энесов также наглядно характеризуют демократическую природу партии в целом и ее представителей в отдельности. Народные социалисты в целом были врагами всякого экстремизма – политического, экономического, морально-го. Партия народных социалистов была единственной партией народного типа, исключившей из своей тактики политический тер-

²⁷⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс]. 5-е изд. Т. 2. С. 439. URL: <http://kpss-ru.livejournal.com/86832.html>

²⁷⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс]. 5-е изд. Т. 36. С. 482. URL: <http://kpss-ru.livejournal.com/86832.html>

²⁷⁷ Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. конф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37 – 55.

²⁷⁸ Там же. С. 40.

пор²⁷⁹. Правда, следует сказать, что не у всех членов народно-социалистической партии было одинаковое, однозначно негативное отношение к террору, независимое от политических реалий. Дальше всех от террора «отстоял» Н. Ф. Анненский, принадлежавший к старшему поколению народных социалистов. Его до глубины души возмущало утверждение, что ради общего блага можно не останавливаться перед жертвами; столь же неприемлема для него была и мысль о насильственном захвате власти²⁸⁰. По воспоминаниям П. Н. Милюкова, своим благоразумием Николай Федорович выделялся даже в среде либеральных «освобожденцев»²⁸¹. Лидеры энесов А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин в начале своей политической практики проходили период симпатии к террору (оправдывая его в самых крайних случаях, которых, по несчастью, было много в эпоху «беззакония и рабства»).

Пешехонов А. В. в 1924 г., уже будучи в эмиграции, опубликовал свои воспоминания о раннем столичном периоде своего политического пути. В них он подчеркивал, что к партии эсеров он никогда не принадлежал (вопреки утверждениям некоторых советских исследователей о том, что народно-социалистическая партия вышла из правого крыла эсеров), более того, «не находился ни в каких обязательных отношениях с ней. Но в качестве “обывателя”, как несколько свысока третировали порой нас, легальных писателей, подпольные деятели партии, оказывал ей в ту пору посильную с моей стороны помощь»²⁸². Эти отношения с ПСР начались едва ли не с самого возникновения партии. Пешехонов принимал активное участие в эсеровском органе «Революционная Россия» не только в качестве автора материалов, но и иногда в качестве редактора. Так, во втором номере «Революционной России» вышла статья Пешехонова «Выстрел Карповича», по мнению тогдашних публицистов, например, Е. Е. Колосова, «первая определенно террористическая статья тогдашней эсеровской литературы»²⁸³. В 1901–1902 годах Пешехонов написал для Петербургского комитета эсеров большую прокламацию «К учащейся молодежи», также помещенную в «Революционной России» в качестве программной передовой статьи и имевшую большой успех. После перенесения

²⁷⁹ Сыпченко А. В. Народные социалисты и террор [Электронный ресурс]. URL: <http://memo.ru/history/terror/sypchenko.htm>

²⁸⁰ См.: там же.

²⁸¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 338.

²⁸² Пешехонов А. В. Мои отношения с Азефом // На чужой стороне. 1924. № 5. С. 51 – 70.

²⁸³ ГАРФ. Ф. 533. Д. 1301. Л. 64.

издания за границу Пешехонов продолжил сотрудничество с ним, направляя корреспонденции почтой либо передавая ее в редакцию через Е. Азефа, с которым Пешехонов познакомился в 1901 г. Изредка Азеф от имени ПСР «заказывал» Пешехонову сочинение прокламаций, причем содержание и форма были целиком на усмотрение автора – Азеф этим словно бы совсем не интересовался. «Лично во мне, – вспоминал А. В. Пешехонов, – Азеф вызывал чувство внутреннего отталкивания, близкого к физическому отвращению... Я всегда говорил: нельзя же ставить человеку в вину его наружность. Но в глубине души чувство... какого-то инстинктивного недоверия, несомненно, во мне оставалось»²⁸⁴. Пешехонов сразу пресек попытки провокатора перейти на панибратский тон, удерживая отношения в строго деловых рамках. Пешехонов подчеркивает, что при Азефе ни разу не открыл места хранения оригиналов своих рукописей, благодаря чему, несмотря на бесчисленные обыски, его тайники так и не были обнаружены полицией. Когда студент Н. Крестьянинов предъявил Азефу первое обвинение в провокаторстве, Пешехонов, не принявший юношу всерьез, по его словам, вынужден был участвовать в «разборе» этого показавшегося ему неосновательным дела, так как партийная организация эсеров была еще слаба и основная часть ее лидеров находилась за границей. Знакомство Пешехонова с Крестьяниновым произошло в доме у жены известного библиографа Н. А. Рубакина, Надежды Ивановны. Пешехонов привлек к делу присяжного поверенного А. И. Гуковского, тогда еще рядового эсера, но с почтенным народовольческим и тюремным стажем²⁸⁵. Пешехонов, Гуковский и Н. Ф. Анненский устроили импровизированный суд над «Иваном Николаевичем» – таким именем Азеф представился Крестьянинову. Когда Азеф понял, что обвиняют его самого, то «разыграл искреннее возмущение и негодование, даже заплакал (он любил пустить слезу). Потом успокоился и стал деловито защищаться»²⁸⁶. В тот раз обвинения были признаны необоснованными, но импровизированные судьи «не почувствовали тогда удовлетворения», поэтому, когда провокаторство Азефа было доказано, Пешехонов «обычного в таких случаях изумления и... потрясения не испытал», зато страдал, что, оправдав в свое время предателя, не избавил многих выданных им людей «от тюрьмы, каторги и виселицы»²⁸⁷. Объективности ради можно, конечно, допустить, что написанные

²⁸⁴ Пешехонов А. В. Указ. соч. С. 52.

²⁸⁵ Первый суд и первое оправдание [Электронный ресурс]. URL: http://e-reading.club/chapter.php/1047419/22/Shubinskiy_-_Azef.html

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Пешехонов А. В. Указ. соч. С. 57.

спустя добрую четверть века воспоминания отражали более позднее отношение Пешехонова к Азефу как одиозной личности, официально разоблаченному полицейскому провокатору. Современники неоднократно подчеркивали, что в партии Азеф пользовался безграничным доверием. Чернов до последнего защищал его и готов был судить как клеветника разоблачителя провокаторов В. Л. Бурцева, но не Азефа²⁸⁸. Сам Бурцев объяснял «слепоту» Чернова тем, что тот действовал под гипнозом партийности, который заставлял видеть в Азефе полезного члена партии. При этом многие обращают внимание на крайне неблагоприятное первое впечатление, которое Азеф обычно производил на людей. Однако даже внешняя антипатичность не повредила провокатору в глазах Чернова, призывавшего своих соратников «хорошенько всмотреться в открытое лицо» Евно Фишелевича, ведь «в его чистых, чисто детских глазах нельзя не увидеть бесконечную доброту», и, разув, «нельзя не полюбить этого действительно доброго человека и доброго семьянина»²⁸⁹. В данном случае партийные интересы заслонили Чернову, считавшему себя тонким психологом, общечеловеческие нравственные нормы... Казначей партии А. А. Аргунов писал: «Азефу мы поручили все, как умирающий на смертном одре. Мы ему рассказали все наши пароли, все без исключения связи (литературные и организационные), всех людей, все фамилии и адреса и отрекомендовали его заочно своим близким»²⁹⁰. Окончательное разоблачение Азефа в 1909 г. вызвало тяжелый кризис в партии эсеров, вызвав, помимо прочего, серию дискуссий по поводу целесообразности дальнейшего применения террористической тактики (которая вскоре, как известно, «естественным путем» сошла на нет). Чернов настаивал на продолжении террористической линии, но время доказало правоту его оппонентов, заявлявших, что роль террора уже сыграна, общество разбужено, а правительство до известной степени деморализовано, а большего от террора ждать нельзя, так как общество к нему давно привыкло и правительство его больше не боится.

Пешехонов, по его же словам, помимо своего согласия оказался «одним из опорных пунктов» террора эсеровских боевиков. Нередко к нему заходил Борис Савинков. На его глазах проходила подготовка покушения на В. К. Плеве. Можно предположить, что террор как вид тактики не вызывал в нем тогда категорического неприятия и допус-

²⁸⁸ См.: Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН, 1999. С. 34.

²⁸⁹ Провокатор. Правда о революционном терроре в России. М.: Прибой, 1991. С. 262.

²⁹⁰ Цит. по: Гусев К. В. Указ. соч. С. 34–35.

кался хотя бы в виде исключения. Очевидно, подъем революционной стихии захватил Пешехонова, это значило также, что его убеждения еще не сложились окончательно. Осуждая репрессии и террор сверху во имя спасения существующего государственного порядка, А. В. Пешехонов в молодости допускал их применение ради установления иного порядка лицами, чьих убеждений он даже не разделял до конца.

Завершая освещение связей Пешехонова с террористическими организациями эсеров, следует отметить, что по мере разрастания партии эсеров и мощи ее Боевой организации отпала необходимость подыскивать «опорные пункты» среди не-эсеров. Что касается Азефа, то он давал Департаменту полиции сведения и на Пешехонова. В частности, в одной из таких характеристик было сказано: «способен на личный акт», т.е. способен принять участие в терроре²⁹¹. Не чуждый поначалу революционного экстремизма, Пешехонов постепенно эволюционировал в сторону более гуманных и либеральных способов воздействия на власть, в принципе отвергнув целесообразность террора. Однако с эсерами его по-прежнему связывала приверженность социалистической теории.

Пешехонов с удовольствием вспоминал потом это время: он сам, его товарищи, как и общество в целом, находились на подъеме. «...Настроение... было бодрое, никакая слежка не могла остановить нас. И если, бывало, подходило время, что вот-вот нас арестуют, то об одном только и думаешь, как бы то-то успеть сделать, как бы побольше насолить начальству...»²⁹². Внимание со стороны властей стало для Пешехонова делом привычным: под «негласным надзором» полиции он провел чуть ли не всю сознательную жизнь, начиная с семинарской скамьи. Дело доходило до курьезов: филеры, приставленные следить за Пешехоновым, были куда более несчастны, чем сам преследуемый. «Случалось, что я прямо подходил к филеру и гнал его от себя, – не без юмора рассказывал об этом Алексей Васильевич. – Но это не всегда действовало. Помню, как-то раз мне с 5-летним сыном пришлось провести часа два на улице, в ожидании жены, у которой был ключ от квартиры... И вот все это время неотступно за нами следовал филер. Я два раза подходил к нему и говорил, чтобы он уходил прочь, но он все же не отставал. Только перешел на другую сторону и старался держаться как можно дальше. Я издали грозил ему кулаком, а он умоляюще разводил руками, давая понять, что никак не может меня оставить»²⁹³.

²⁹¹ Протасова О. Л. Указ. соч. С. 69.

²⁹² Там же. С. 68.

²⁹³ Там же.

Логика революции, развертывавшейся на просторах России, диктовала необходимость превращения группы активных общественников-единомышленников в политическую партию или, точнее, в ее штаб, руководящее ядро. Для этого объективно нужны были связи, контакты, структуры, поддержка снизу, чтобы не остаться кучкой интеллектуалов. Поэтому не случайно взоры всех народнических течений естественным образом обратились к крестьянским депутатам Первой Государственной думы и Всероссийского Крестьянского союза.

У правых народников, группировавшихся вокруг редакции журнала «Русское богатство», здесь были известные преимущества. Их контакт с депутатами-крестьянами, особенно с членами Всероссийского Крестьянского союза, упрощался тем, что аграрная программа Союза была почти идентична народнической, и многие из них с ним были тесно связаны. Некоторые даже входили в его руководящие органы. Так, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, В. Г. Богораз-Тан, В. И. Чарнолусский входили в состав Северного бюро содействия союзу²⁹⁴, участвовали в работе съезда Крестьянского союза северных областей. Лидеры Союза стремились сохранить массовый, внепартийный характер организации, однако левые партии старались использовать Всероссийский Крестьянский союз для пропаганды своих взглядов в крестьянской среде. В руководящих органах Союза шла острая борьба между сторонниками сближения и даже слияния с партией эсеров и теми, кто отстаивал внепартийность Крестьянского союза или стремился к сближению с трудовиками. В ноябре 1905 г. начались массовые аресты агитаторов и членов Союза. Процесс по делу о Всероссийском Крестьянском союзе в начале марта 1906 г. стал крупным событием, и активисты, участвовавшие в нем в качестве обвиняемых, признавались, что лишение свободы на тот момент было «особенно тяжело переносить»²⁹⁵, так как с ожидавшимся открытием Думы связывались немалые надежды.

При активном содействии представителей демократической интеллигенции большинство крестьян-думцев объединилось во фракцию, названную Трудовой группой. Работа с Трудовой группой – своего рода конкурентная борьба между левыми и правыми неонародниками – эсерами и народными социалистами – за целевую аудиторию, крестьянских депутатов, через которых предполагалось расширить влияние и на более широкие крестьянские массы. В Первой Думе будущие энесы одержали несомненную победу над эсерами, и свой де-

²⁹⁴ См.: Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 95.

²⁹⁵ НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 1. Д. 65. Л. 53.

бют они могли считать как нельзя более удачным. Крестьяне, не откликнувшись на эсеровский лозунг социализации земли, приняли пункт о ее национализации, базовый в народно-социалистической теории, разработанной А. В. Пешехоновым. Правда, о победе можно говорить только с учетом конкретной ситуации: в Думе заседали представители наиболее хозяйственной, зажиточной части крестьянства, не желавшие насильственных способов решения земельного вопроса, которые угрожали бы их благосостоянию; к тому же энесы учли собственническую натуру крестьянства (как бы по-марксистски это ни звучало, факт есть факт). У эсеров все же была шире социальная опора, которая захватывала низы деревни, но не была представлена в Думе.

Нелишне подчеркнуть, что программа Трудовой группы давала простор интенсификации крестьянского хозяйства на основе семейно-трудового начала, развития кооперации и широкой государственной поддержки. Многие ее идеи прямо переключаются с выводами знаменитой впоследствии «организационно-производственной школы» А. В. Чайнова.

Объединение неонародников в единую партию, на которое достаточно долго рассчитывали и правые – эволюционисты, и левые – революционеры, так и не состоялось. Причина этому была, конечно, не одна, но, думается, самая главная заключалась в допущении одними и неприятии другими некоторых методов политической борьбы. На I съезде ПСР (декабрь 1905 – январь 1906 гг.), состоявшемся на Иматре, принимался Устав ПСР. Народно-социалистическая партия находилась в тот момент в «эмбриональном» состоянии: она еще только формировалась в рамках редакции «Русского богатства», однако рабочее название «народные социалисты», по свидетельствам очевидцев, уже появилось. Активисты-общественники из «Русского богатства» – В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский и солидарный с ними, но не вошедший затем в НСП П. Ф. Якубович – были приглашены на съезд. В советский период была распространена точка зрения о том, что народные социалисты вышли из правого крыла эсеров. Вряд ли это может соответствовать действительности. Сам Пешехонов неоднократно повторял, что к партии эсеров никогда не принадлежал. ПСР еще не была оформлена окончательно – фактически действовала она уже давно, однако уставные документы приняты еще не были и ряд концептуальных вопросов не получил окончательного программного завершения. Для этого нужен был учредительный съезд. Сотрудничество представителей народнических течений вполне могло быть и было, особенно публицистического рода, но на «дружеской», «товарищеской», неформальной основе. «Права представительства на партийном съезде мы еще не имели, – вспоминал Пешехонов, – но были

там, – сужу по тому, как нас приняли, как к нам относились, как нас потом удерживали, – желанными гостями»²⁹⁶. Подчеркнем: именно гостями, – если бы Пешехонов с товарищами входили в состав партии, у них, конечно, было бы право представительства. Так как не планировалось формального размежевания (что могло бы произойти, если бы в ПСР имелось настоящее правое крыло из будущих энесов), то, вполне естественно, подразумевалась возможность оформления единой неонароднической партии – эсеров. Однако гости съезда поставили вопрос об образовании новой открытой партии.

Суть их предложения сводилась к следующему. Только открытая партия, организованная на демократических началах, может создать новые формы общественной жизни, так как разрушительная работа может производиться небольшими группами, работа же созидательная должна вестись большими организованными массами. Для сплочения масс недостаточно сил конспиративной организации. Поэтому вместо конспиративной «кружковщины» необходимо создать партию открытую, сильную и тесно связанную с народом. Будущие энесы надеялись посредством такой организации широких народных масс приостановить правительственную реакцию. В то же время они сомневались, что в условиях все усиливавшейся реакции мирных средств политической борьбы окажется достаточно и не придется вновь вернуться к методам террористическим, которые в прошлом давали ощутимые результаты. Поэтому будущие лидеры НСП планировали сохранить боевые функции за старой организацией, которая должна была оставаться строго конспиративной и совершенно самостоятельной партией, а параллельно с ней создать партию открытую, построенную на демократических началах – с подотчетностью и контролем. Внутри НСП «узкоспециальная» террористическая организация создана так и не была (социальный состав партии, в основном интеллигентский и не слишком «молодой», чтобы тяготеть к экстремизму, исключил такую возможность). В крайних случаях народные социалисты оставляли за собой право оказывать некоторое содействие Боевой организации эсеров. Однако после окончательного партийного размежевания таких случаев отмечено не было, а на упреки в легализме энесы всегда отвечали с большим достоинством, подчеркивая, что легальность и открытость – не одно и то же. Расхождения с эсерами коснулись и программного пункта: народные социалисты не вписали в свой проект программы требования республики, в чем эсеры усмотрели желание приспособиться к полицейским условиям того времени. «Если в программе н.-с.

²⁹⁶ Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли // Русское богатство. 1917. № 11–12. С. 329.

партии не было “республики”, то было полное “народовластие”, – мы сознательно предпочитали сущность форме, – пояснял позже Пешехонов. – В программе, кроме того, было “Учредительное собрание”, личность какового по тогдашним временам ни в каком случае не могла содействовать приспособлению»²⁹⁷. Критике подверглось также отсутствие у умеренных народников разделения программы на «минимум» и «максимум». «Мы все тут не верим в грандиозный мгновенный прыжок в царство грядущего социализма, – заявил на том же съезде В. А. Мякотин. – Власть капитала может быть не только низвергнута, но и ограничена при помощи государственного контроля или путем привлечения рабочих к управлению промышленными заведениями. Наша программа, в отличие от с.-д., революционна не только в конечном пункте, но и на всем протяжении пути к социализму, и ее нельзя делить на две части»²⁹⁸. Само понимание «революционности» у энесов было, как можно увидеть, более философским, стратегическим, и это затрудняло понимание прогрессивности взглядов деятелей этой партии оппонентами, более привычными к трактовке революции как резкого системного переворота, совершаемого насильственными средствами, подавляющими сопротивление старой системы.

По свидетельству М. В. Вишняка, первый партийный съезд стал «звездным часом» Чернова, показавшего себя мастером компромиссов (это дарование Чернова, многократно проявленное в его дальнейшей деятельности публичного политика, у его сторонников вызывало восхищение, у оппонентов – неизменный сарказм²⁹⁹). Съезд по составу был очень пестрым. «Всю эту разногласицу приводил к некоему общему знаменателю В. М. Чернов. Он был головой выше других членов съезда... В то время он в совершенстве владел искусством составлять растяжимые формулы и так, и так»³⁰⁰. Однако дипломатического таланта Чернова оказалось недостаточно для того, чтобы склонить группу «Русского богатства» на сторону нелегальности, тактических крайностей, социализации земли, непрямого и срочного требования республики и пр. Правые народники ушли со съезда; помимо них,

²⁹⁷ Русское богатство. 1917. № 11–12. С. 330 – 332.

²⁹⁸ Там же. С. 334.

²⁹⁹ Сам Вишняк, имея расхождения по многим существенным вопросам с Черновым, не испытывал к нему пиетета как к партийному вождю, однако старался придерживаться принципа объективности; характеристика Чернова, данная Вишняком, хотя и выражена в несколько ироническом тоне, вполне точна.

³⁰⁰ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М.: РОССПЭН, 1997. С. 686.

съезд покинула крайне левая группа партии – близкие к анархистам эсеры-максималисты, недовольные включением в партийную программу пункта «минимум».

«Интеллигентский» характер будущей правонароднической партии также вызывал сомнения в ее дееспособности у соседей «слева», однако, по мнению энесов, слабость социалистов-революционеров проявилась, в том числе, именно в недостатке интеллигентских «ресурсов», часть которых была «оттянута» от народничества кадетами. Эта группа людей, первоначально настроенная социалистически, но работая в либеральной партии, естественно, стала постепенно отходить от социализма и усиливать ряды «буржуазных» политических организаций. Так, по мнению правых неонародников, эсеры своим упорным пристрастием к нелегальности и радикализму отпугнули ряд перспективных союзников из интеллигенции, чье участие могло оказать очень и очень полезным в деле развития разумных социалистических идей и продвижения их в массы.

«Бесхребетными», «прекраснодушными» народных социалистов назвать ни в коем случае нельзя. И до, и после Манифеста 17 октября они видели задачу революции в том, чтобы вырвать власть из рук старого режима. Они настаивали на продолжении борьбы за демократизацию государственного строя и за Учредительное собрание, которое считали единственным средством покончить с засильем старой власти и притом легально – через волеизъявление народа. Но, допуская возможность решения вопроса о власти и об Учредительном собрании силой, они проявляли беспокойство, как бы эта борьба не стала кровопролитной. В этом отношении они положительно оценивали Манифест, создавший ограниченные, но реальные возможности избежать крайнего варианта развития событий: «Одна из главных задач заключается в том, чтобы изменить соотношение сил революции и реакции. Не следует забывать, что главное оружие первой – не револьвер, а идея»³⁰¹. Легальные народники также предостерегали против увлечения какой-либо одной формой борьбы, отмечая, что народовольчество едва ли так скоро было бы надломлено, если бы не отдало все свои боевые силы одному лишь террору. Они предупреждали и от других крайностей. Так, успех Октябрьской забастовки 1905 г. побудил многих «смотреть на эту форму борьбы как на некое универсальное средство»³⁰². Отсюда следует, что залог успеха революции энесы видели не в радикализме ее средств как таковом, а в их гибкости и разнообразии,

³⁰¹ Русское богатство. 1905. № 10. С. 142.

³⁰² Русское богатство. 1905. № 11–12. С. 179.

что обеспечивало революции максимально широкую поддержку общества.

Хотя народные социалисты и не были поборниками прямых вооруженных действий против правительства, они не осудили декабрьского восстания 1905 г. Скорее наоборот. Поражение восстания в Москве они оценили как «пиррову победу» правительства – т.е. нравственную победу явно одержали восставшие. Видя в этом моральном успехе залог будущего торжества революции, легальные неонародники вместе с тем высказывали опасение, как бы новая форма борьбы не стала единственной, будучи на самом деле лишь крайним средством. «Нужна, конечно, решительная тактика, но в своих формах она должна быть достаточно разнообразна, и ни в одной из них не должна быть перегружена»³⁰³, – доказывал А. В. Пешехонов.

В период работы II Государственной Думы (первую народные социалисты согласно принятому решению бойкотировали) энесам было свойственно жестко критиковать «средние партии», готовые добиваться усовершенствования политического режима в сотрудничестве с ним. По словам народников, кадетская партия становилась все более оппозиционной и все более «буржуазной», со временем переставая стесняться ставить перед собой прямо противосоциалистические задачи³⁰⁴. Они заявляли, что о сотрудничестве оппозиционных партий с властями не может быть и речи и, идя на компромисс, средние партии «торгуют за чужой счет». Однако в таких заявлениях имелись и определенные противоречия с программой партии, которая предполагала уступки и постепенность, тогда как «Хроника внутренней жизни» А. В. Пешехонова гласила, что народу не нужны ни выборы, ни представители, а «нужна свобода, которая может войти, только распахнув двери»³⁰⁵. Это был один из уроков настоящей, а не отвлеченно-книжной социальной революции³⁰⁶.

Представления энесов о терроре несколько видоизменились после дела Азефа и убийства П. А. Столыпина. Причины террора и провокации, по мнению народных социалистов, коренились в самой политической системе Российской империи, в создании которой непосредственно участвовала власть и, следовательно, каждый ее отдельный представитель. В этом их позиция примыкала к позиции Чернова и большей части эсеровской партии, шедшей за ним в этом вопросе. Раз-

³⁰³ Там же. С. 181.

³⁰⁴ Русское богатство. 1917. № 11–12. С. 332.

³⁰⁵ См.: Русское богатство. 1905. № 5. С. 154.

³⁰⁶ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов. Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

вите провокаторства, явления безусловно мерзкого и аморального – часть государственной политики, за которую и несут ответственность власть имущие. Столыпин получил по заслугам – он поддерживал, пестовал эту систему предательства, поэтому он сам виноват, что пал ее жертвой. Таков был лейтмотив публикаций на смерть реформатора. Статья в «Русском богатстве» по поводу трагической гибели премьер-министра в 1911 г. называлась «Не добром помянут», что явно противоречило моральной максиме «de mortuis nihil nisi bene». Столыпин изображался пособником хищников и черносотенцев, делавшим «ставку на сильных» и своей землеустроительной политикой раскидавшим по всей стране «семена хищничества», всходами которых явились «ненависть и разорение»³⁰⁷. Столыпину отказывали даже в праве считаться выдающейся личностью, утверждая, что не воля, ум и талант позволили тому достичь высокого положения и некоторых успехов, а везение, удача на всем протяжении карьеры³⁰⁸. Не прозвучало ни ноты хотя бы формального сочувствия по поводу мученической смерти большого государственного деятеля, который старался добиться для России блага путем, сообразным его собственным твердым убеждениям. Напротив, едва ли не злорадство звучало в отзывах людей, обычно отстаивавших нравственные принципы не только на бумаге. (Заметим, что, по свидетельству А. Ф. Пешехоновой, ее муж с радостью принял известие об убийстве великого князя Сергея Александровича. Однако фигуры московского губернатора с его более чем сомнительным моральным обликом и реформатора России несопоставимы). Исследователь ТНСП А. В. Сыпченко поясняет: «Убийство Столыпина народные социалисты не считали террористическим актом, так как Д. Г. Богров, по их мнению, не имел намерения кого-либо устрасить и добиться чего-либо, что является сущностью политического террора, – он просто совершил убийство. Столыпин, – указывали энесы, – стал жертвой той системы, которую сам развил. В связи с этим они отмечали опасность охранной гипертрофии не только для страны, но и для власти, предупреждали об угрозе нового прилива ожесточения»³⁰⁹. Полярность взглядов на будущее России и настоящее русской деревни, несходство воззрений на соотношение социальной справедливости и государственной целесообразности мешали неонародникам беспристрастно оценить масштаб деятельности и личности Столыпина.

³⁰⁷ См.: Русское богатство. 1911. № 10. С. 135.

³⁰⁸ См.: Русское богатство. 1911. № 9. С. 170.

³⁰⁹ Сыпченко А. В. Народные социалисты и террор [Электронный ресурс]. URL: <http://memo.ru/history/terror/sypchenko.htm>

«Важнейший вывод проведенного народными социалистами исследования о связи террора с государственной властью получил особое звучание после октябрьской революции 1917 г., когда террор стал основным средством управления государством», – подчеркивает А. В. Сыпченко. К этому моменту окончательно «повзрослевшие» энесы, как и большинство эсеров, уже давно считали террор методом, для демократических партий категорически неприемлемым.

Второе междудумье энесовские публицисты дружно называли периодом жестокости, кризиса общественной психологии – «безвременья» (это расхожее слово широко употреблялось многими представителями оппозиционной интеллигенции, хотя не все социалисты оценивали этот период столь негативно). «Как в темную ночь живем мы», – неоднократно повторял в своих публикациях А. В. Пешехонов. Наибольший страх внушали не сулимые правительством репрессии, а разложение в глубине народной жизни, которое могло начаться вследствие правительственной реакции.

При всей твердости убеждений, в народных социалистах не было отличавшего многих народников и марксистов утопизма и безоглядной веры в свою теорию как аксиому. Для них это был, скорее, идеал достаточно отдаленного будущего, к которому вел длительный эволюционный путь. Легальность партии не избавляла ее от полицейских преследований: лидеры энесов многократно арестовывались за свою литературную оппозиционную деятельность, за участие в руководстве Всероссийским крестьянским союзом и т.п. Кроме того, никто из народных социалистов до 1917 г. не уехал в эмиграцию (да и уехавшие после 1917 г. в основном сделали это вынужденно, высланные большевиками). Энесы исповедовали неписанный этический кодекс, отвергавший неразборчивость средств ради достижения цели, исключавший прием в партию лиц с плохой общественной репутацией. Народные социалисты, как правило, не были властолюбивы, зато были бескорыстны в своей любви к трудовому народу и искреннем желании помочь ему. Открытость же партии лишала смысла политическое провокаторство, столь распространенное в межреволюционный период в нелегальной партийной среде, и не давала недоброжелателям возможности упрекать энесов в моральной нечистоплотности. К народным социалистам был очень близок по взглядам писатель В. Г. Короленко, которого часто называли «совестью русской интеллигенции».

Трудовая группа, объединение которой с партией народных социалистов планировалось едва ли не с начала существования обеих организаций, но до лета 1917 г. шедшая как политически самостоятельная сила, в большинстве текущих вопросов проявляла согласие с энесами. В архивных материалах Трудовой группы содержится, на-

пример, обращение А. Ф. Керенского к соратникам по организации: «Если Трудовая группа искренне желает счастья родной стране и ради этой святой цели готова на все, то ее нравственно-исторический долг заявить с думской трибуны следующее: только полная амнистия и созыв учредительного собрания будет достойным актом 300-летия дома Романовых, и благодарный народ оценит по достоинству этот акт истинной любви к народу»³¹⁰.

Меньшевики, представлявшие умеренное крыло российской социал-демократии (и, в отличие от большевиков, заслуживающие «звания» демократических социалистов как из-за терпимости к оттенкам мнений в собственной среде, так и из-за более ценностно-рационального отношения к методам достижения общественного прогресса) по мере накопления партийного опыта все больше проникались недоверием к тому, что считали политическим авантюризмом. После 1905 г. сократились возможности открытой деятельности для рабочего движения. Весной 1906 г. видный меньшевик А. Н. Потресов выступил с настоятельным призывом преобразовать социал-демократию «из партии бывшей революционной интеллигенции в партию масс» и «любой ценой выйти из подполья»³¹¹ и убеждал меньшевиков сменить роль заговорщиков и организаторов масс на роль пропагандистов и публицистов. По сути, это была новая программа, позднее названная Лениным «ликвидаторством». Так называемые ликвидаторы настаивали на исключительно легальных методах борьбы за социальный прогресс. Не все меньшевики считали полезным чистый легализм: деятельность «практиков» и «литераторов» подверглась критике за чрезмерный прагматизм и отказ от политических акций со стороны меньшевистских лидеров Ю. Мартова и Ф. Дана, живших в межреволюционный период в эмиграции. «Ликвидаторы» ратовали за возможность «скорее выбраться из подполья, идти во все легально организуемые профессиональные союзы, участвовать и развивать все виды кооперации, работать в разных просветительных учреждениях, в отделах городских управлений и земств, укрепляться всюду, быть полезным, говоря «свое слово»³¹². В легальных рабочих организациях, которые меньшевики-легалисты расценивали как хорошую школу для будущей политиче-

³¹⁰ ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 253. Л. 62.

³¹¹ Цит. по: Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия / пер. с англ. М.: Республика, 1993. 431 с. С. 36.

³¹² Валентинов Н. Два года с символистами. М.: Согласие, 2000. 278 с. С. 146.

ской активности в рамках демократии³¹³, они видели средство помочь рабочему классу стать одной из ведущих сил на исторической арене. Для деятелей этого направления период так называемой реакции, столь многими оппозиционерами называемый «безвременьем», вовсе не был столь мрачным и с политической точки зрения безнадежным и виделся как «крайне интересный в российской истории». Так, практически настроенные эволюционисты не могли не отметить «замечательного роста индустрии»³¹⁴, громадного жилищного строительства в городах, «развития всех видов кооперации, в особенности деревенской»³¹⁵. Во многих русских городах были очевидны «оживление, подъем..., рост культурных потребностей, в народных массах жажду образования»³¹⁶. По словам Н. В. Валентинова, в 1912 г., при «бездарном правительстве» и бездействовавшей IV Государственной Думе, «хныканьи не видевшей никакого просвета части интеллигенции»³¹⁷, вырастал новый быт, проявлялись новые типы рабочего, крестьянина, интеллигента. При этом не на «поверхности», а «в самых глубоких... недрах... появились и укреплялись элементы европеизма»³¹⁸. В это время по всей России, особенно городской, наблюдалась борьба старого и нового, двух экономических и культурных формаций, двух «душ» – многовековой, восточной, византийско-татарской, и другой, «экономически, культурно, психологически, бытом своим и всем прочим отходившая от Востока к Западу»³¹⁹.

Впрочем, отношение некоторых умеренных марксистов к европеизму под влиянием политических изменений претерпевало некоторую эволюцию. В 1907–1908 годах основной задачей России, по мнению поборников марксистского течения, была ориентация на Европу (под этим понималась не только смена политических форм и учреждений, но и «отказ от самобытности, переделку наших Обломовых, Каратаевых, Рудиных, создание нового культурного человека, изменение психологии, форм и ритма жизни, самочувствия, быта, навыков всякой работы, отношений людей»³²⁰). Перед первой мировой войной многие в российском обществе были уверены, что страна на этот путь несомненно вступила; последующие десятилетия, особенно период тотали-

³¹³ Галили З. Указ. соч. С. 36.

³¹⁴ Валентинов Н. Два года с символистами. М.: Согласие, 2000. С. 373.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. С. 374.

³¹⁷ Там же. С. 368.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же. С. 369.

³²⁰ Там же. С. 23.

таризма и «железного занавеса», это убеждение опровергли. Марксист Н. В. Валентинов, и будучи еще молодым человеком, и впоследствии, на закате жизни, много размышлял о человеке-социалисте, его морально-психологической сути, организации души. Он был убежден, что, помимо борьбы за правду, справедливость, защиты интересов угнетенных социалист должен стремиться к изменению отношения людей друг к другу. Впрочем, юношеские мечты о том, что с исчезновением классов, уравниванием условий жизни людей при социализме «из конкурирующих особей они превратятся в товарищески-дружную семью ... вместе с ростом утонченности их психической жизни»³²¹ со временем уступили место реальному взгляду на мир и общество с их пестротой и проблемами, о многих из которых молодежь не могла подзревать. В качестве иллюстрации пересмотра взглядов с приобретением жизненного опыта может послужить следующий факт. В межреволюционный период Валентинов как философ-марксист выступал с резкой критикой индивидуализма: по его словам, это была «законная реакция на выпиравшую после революции, особенно в литературе, идею личности с безобразными наслоениями на нее эгоизма, мистицизма, анархизма и всякой разнузданности»³²² (эстетику «серебряного века» Валентинов, как и многие социалисты, всем предпочитающие реализм, ставил невысоко – *О. П.*). Поэтому он старался доказать необходимость приоритета категории «мы» над «я». По прошествии многих лет, получив возможность понаблюдать и ощутить коллективизм советского общества, «где диктатура десятилетиями убивала все проблески личности, стремясь заменить ее безличной, покорной человечиною»,³²³ Валентинов нашел, что в подобном случае «рост индивидуализма, выпрямление рабски согнутой личности – явление необходимое и желательное»³²⁴.

По оценке В. М. Чернова, основная программа российской социал-демократии, официально принятая в 1903 г., а фактически даже раньше, в общем, была единой для обеих ее «отделений» – до революции 1917 г. ее придерживались и большевики, и меньшевики. Это строго определенный вариант марксизма, названный Черновым «капиталистическим революционаризмом»³²⁵, «мягкий» вариант которого представляли меньшевики, «твердый» – большевики. Анализируя спустя долгие годы (будучи уже в эмиграции, практически отрешив-

³²¹ Там же. С. 148.

³²² Там же. С. 22.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же.

³²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 50. Л. 14.

шись от политических страстей) эту программу, Чернов считал, что в принципе возможны два политических способа осуществления социализма: демократия и диктатура. Программа демократии, по словам народника, была выработана до и вне марксизма, который к этой программе практически ничего не прибавил, ибо он стоит на классократии, логически и фактически исключая демократию. Диктатура пролетариата никак не вписывается в демократический контекст³²⁶. Впоследствии – после оценки европейскими марксистами и русскими марксистами-эмигрантами большевистского «эксперимента» – «этот негативный элементаризм был стерт жизнью: приспособляясь к демократической среде, в которой жил марксизм (имеется в виду, конечно, главным образом, мир Европы, в меньшей степени – Северной Америки – *О. П.*), марксизм все более усваивал чуждую его основаниям демократию и пассивно, ученически вписывал в свою программу даже не постулаты демократии, а прямо уже готовые ее формы в передовых странах»³²⁷. А диктатура пролетариата так и осталась абстрактным понятием.

3.5. ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ, СОЦИАЛИСТЫ И ИХ МОРАЛЬ, КЛАССОВАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Булдаков В. П. и Леонтьева Т. Г. отмечают, что «к началу XX в. в результате промышленно-технологического прогресса, спонтанной урбанизации и роста общественного богатства былая социальная осмотрительность отступила перед иллюзией «всемогущества» человека. При этом омоложение населения приумножило остроту восприятия возросшего социального неравенства. Информационная революция усилила иллюзорность массового сознания»³²⁸. Революционные потрясения 1905 г. и последующие спокойные межреволюционные годы несколько отрезвили коллективное сознание. Война вновь всколыхнула волны общественного беспокойства, вызвав сначала «патриотический угар», затем – сомнение в благополучном исходе событий при имеющемся руководстве. Тем не менее первый период войны существенно отвлек русское общество от революционаризма. 9 июня 1915 г. А. И. Шингарев писал жене, что сейчас о революции мечтают только «сумасброды, редкие теперь даже среди левых»³²⁹. Зато среди левых

³²⁶ Там же. Л. 28.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. С. 27–28.

³²⁹ Цит. по: Там же. С. 157.

шли ожесточенные философско-прикладные дебаты по поводу отношения к войне, государству, классовой или национальной солидарности и т.п.

Война привела к расколу международного социалистического движения на социалистов-патриотов и социалистов-интернационалистов. Аналогичное размежевание, правда, в более мягких формах, произошло и в рядах меньшевиков. С началом первой мировой войны меньшевизм раскололся на три течения – оборонческое, центристское и интернационалистское («циммервальдийское»). К числу первых относятся Н. Чхеидзе, И. Церетели, А. Потресов, П. Маслов и др. Наиболее последовательную антивоенную позицию среди меньшевиков занимал в период войны Мартов, показавший себя как искренний и убежденный интернационалист, сторонник мировой антиимпериалистической революции. Вместе с Лениным, Аксельродом, Троцким, лидером эсеров Черновым и др. он участвовал в международном социалистическом Циммервальдском движении, оформившемся осенью 1915 г. как центр антивоенных сил во всех воюющих и нейтральных европейских странах и «представлял собой блок революционных интернационалистов с центристами и полуцентристами, временное объединение двух принципиально различных течений, сохранивших независимость своих позиций»³³⁰. Активность и последовательное отстаивание линии, разделяемой многими умеренными русскими марксистами, на международном поприще способствовало укреплению морального авторитета Мартова в рядах меньшевиков, хотя отрыв от родины не позволял ему эффективно влиять на меньшевистские организации внутри России и заметно затруднил его положение после возвращения из эмиграции на родину в мае 1917 г.

«Интернационалисты» под предводительством Мартова выступали против «империалистической войны», за единство международного социалистического движения.

Как красноречивое свидетельство приведем выдержки из письма Мартова, посланного из Швейцарии в 1915 г. товарищам в Россию, где сообщалось о деятельности европейских социалистических партий и борьбе В. И. Ленина против меньшевиков и «оборонцев»: «Дорогие друзья! Сообщаю о наших здешних новостях. В начале февраля бернская международная комиссия пыталась сорвать заседание т.н. «расширенной комиссии», в которую по плану должны были войти по 3 представителя от каждой из наций (от России по одному от о.к., м.к. и с.р. Но паспортные препятствия не дали явиться французам, англи-

³³⁰ URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/>

чанам... Ввиду этого решено было признать собрание частным совещанием ... Совещание решило тотчас же готовиться ко второй конференции, приняв меры, чтобы она была многочисленней и лучше подготовлена, чем Циммервальдская. Ее порядок дня: 1. борьба за скорейшее окончание войны; 2. позиция пролетариата и вопросы мира; 3. агитация и пропаганда: а) парламентские выступления; б) массовые выступления; 4. вопрос о созыве международного социалистического бюро. Пункт второй имеет в виду, с одной стороны, позицию пролетариата к польскому, эльзасскому и т.п. вопросам о праве на самоопределение, соединенные Штаты Европы и т.д. и тактику, которой должна следовать социал-демократия для достижения своих требований. Под конец Ленин с Каменевым пытались сделать очередное выступление против нас. Зиновьев, от имени Ленина, своего и Радека, стал читать декларацию о том, что они оспаривают за Мартовым право считаться представителем О.К. (Организационного комитета РСДРП – О. П.)... Я заявил, что получение нами мандатов от О.К. показывает, что он солидарен с нашим участием в деле интернационалистского объединения: насколько О.К. правильно поступил, будет решать весь Августовский блок, перед которым он ответственен. Берясь же представлять здесь О.К., несмотря на несогласие с теми или иными выступлениями, мы тем самым показываем, что общая линия Августовского блока не разоидется с линией Циммервальда. Этот эпизод несомненно очень дискредитировал [сторонников] Ленина, начавших было среди интернационалистских элементов приобретать некоторое влияние. Тем не менее нынешний съезд может создать ленинцам ореол единственных в России представителей интернационального социализма, – если будет продолжаться та пассивность наших центров по отношению к «оборончеству», которое наблюдается за последние ½ года.

Мы особенно настаиваем на том, чтобы фракция воспользовалась новой сессией для ясного формулирования позиции нашей партии. По нашему мнению, необходимо категорически заявить о согласии с Циммервальдской конференцией, с ее решением добиваться мира общим движением пролетариата, отвергая всякую поддержку своим правительствам, всякое участие в «обороне»; заявить, что участие рабочих в военно-промышленных комитетах вызвано не их желанием участвовать в деле продолжения войны, а лишь их стремлением иметь арену для самоорганизации и что пролетариат отвергает надежды, которые либеральная буржуазия связывает с этими комитетами...»³³¹.

³³¹ ГА РФ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 10. Лл. 1–2.

Меньшевики-оборонцы призывали отказаться на время войны от наиболее острых форм классовой борьбы внутри страны под тем предлогом, что война – это тоже классовая борьба, но только не с отечественными, а с иностранными эксплуататорами. Правда, к осени 1915 г., когда обнаружилась неспособность царизма защитить Россию от внешнего врага, меньшевики-оборонцы вместе с правыми эсерами заговорили о революции во имя победы над Германией, однако реальных шагов в этом направлении вплоть до 1917 г. они не предпринимали.

Большинство меньшевиков все же отказалось в какой-либо форме солидаризироваться с властью и осудило войну, призывая к скорейшему заключению всеобщего мира без аннексий и контрибуций и к использованию созданного войной кризиса для ускорения социалистических революций на Западе и демократической революции в России. При этом меньшевики категорически открещивались от тактики «революционного пораженчества», которую провозгласили большевики устами Ленина, расценивая ее как глубоко аморальную и обреченную на полное непонимание и решительное осуждение рабочими и особенно крестьянством.

Никогда не отличавшийся внутренним единством меньшевизм оказался в годы войны в состоянии фактического раскола. Меньшевикам не удалось провести своей общefракционной конференции, наладить выпуск общероссийской нелегальной газеты, а Организационный комитет меньшевиков и его Заграничный секретариат не смогли координировать работу меньшевистских организаций.

По мнению правых неонародников, трудность достижения истинного единства России была в том, что «ее государственная и общественная организация совершенно не приспособлена для выражения и реализации общей мысли, общего чувства, общей воли». Они предсказывали скорое охлаждение населения к этой политике и идее национального единства, так как, принося себя в жертву, народ ничего не получает взамен: ни улучшения жизни, ни надежды на это улучшение в будущем. В целом энесам казалось, что призывы к единению не воплотятся в жизнь, так как конкретных мер по его достижению принято не было. Они не были оригинальны, предсказывая, что «будут пролиты целые реки крови, будут истреблены неисчислимые богатства... возможно, что политическая карта изменится до неузнаваемости. Кроме междугосударственных отношений, будет потрясена и внутренняя жизнь каждой страны»³³².

³³² Там же. С. 293–294.

Экономические, социальные и политические трудности в такие минуты обостряются, и яснее, чем когда бы то ни было, видно их переплетение. Так, основная часть огромных военных расходов лежала на том самом «трудовом народе», чьи интересы отстаивали народные социалисты, что не могло не приводить к массовому недовольству и недоброжелательному отношению к правительству. Война велась, как и прежде, не столько за счет ранее накопленных богатств, сколько за счет займов, отчасти внутренних, но главным образом внешних, платежи по которым обещали лечь после войны тяжелым бременем на плечи трудящихся. Институту собственности предстояло перенести ряд испытаний, многим собственникам суждено было разориться. Государственная власть с целью получения средств на военные расходы производила реквизиции, устанавливала принудительные цены, ограничивая право собственников распоряжаться своим имуществом.

По мере продолжения и затягивания войны, принявшей всемирный характер, по мере ее растущего воздействия на все стороны жизни страны все больше внимания уделялось ее экономическим основам. Так, А. В. Пешехонов отмечал, что война, широко используя четко отлаженный меновый механизм, расшатывает его. С прекращением торговой конкуренции исчез регулятор цен, и последние утратили закономерность. В таких условиях стала невозможной не только добросовестная, но и сколько-нибудь правильная торговля, в основе которой лежит трезвый коммерческий расчет. Россия ввиду ее заграничной задолженности оказалась в особо трудном положении: «В мирное время мы балансировали наши внешние расходы при помощи продуктов, вывозя их из года в год на большую сумму, чем получали сами»³³³. Таким образом происходила выплата процентов по внешним займам и дивидендов по иностранным капиталам, вложенным в русские предприятия. С открытием военных действий российская внешняя торговля резко сократилась, причем вывоз уменьшился гораздо значительнее, чем ввоз, и торговый баланс из активного превратился в пассивный. Это предвещало для России нарушение ее традиционного экономического баланса и тяжелые времена после войны.

С течением времени все виднее становилось разрушительное действие войны, а между тем скорого завершения ее ожидать не приходилось. Если в начале войны страну воодушевляли надежды на скорую победу, что в известной степени отвлекало население от его насущных нужд, то, когда притупились воинственно-патриотические настроения, эти проблемы и нужды вновь стали выдвигаться на первый план. Вой-

³³³ Русские записки. 1916. № 5. С. 277.

на отрывала от производительного труда миллионы самых сильных работников, лишая вместе с тем миллионы семей их кормильцев. Она потрясала всю хозяйственную жизнь, донельзя затрудняя обмен веществ в хозяйственном организме. Многие предприятия вынуждены были сократить, а то и совсем приостановить свою деятельность: кто-то из-за недостатка рабочих, топлива, материалов, кто-то из-за отсутствия спроса и невозможности сбыта. Производительные силы населения были резко ослаблены, но для ведения войны требовались громадные средства, и потому «самые худшие налоги, вплоть до обложения хлеба и соли, и самые худшие займы, вплоть до неограниченного выпуска бумажных денег, не только виднеются в перспективе, но кое-где к ним начали уже прибегать...»³³⁴. Народы воюющих стран и, конечно, российский, начали урезать свои потребности, и во многих случаях дело доходило не просто до экономии, а до лишений. В этих условиях в воюющих странах был объявлен «исключительный режим», военное положение, при котором закон в той или иной степени уступал место «усмотрению» властей.

Итак, перед русской демократической общественностью встала дилемма: что важнее – отечество или человечество, чьи интересы – первого или второго – нужно защищать. «Некоторые уже скатились до национализма и завязли в этой трясине, другие опустили до космополитизма и блуждают по этой пустыне. Еще больше таких, которые лепятся теперь по обрывистым склонам, нередко в самых уродливых позах»³³⁵, – безжалостно критиковал А. В. Пешехонов приверженцев различных взглядов на этот вопрос. По его собственному мнению, если человечеству суждено когда-либо в будущем объединиться, это будет сделано не на почве космополитизма, а на почве интернационализма³³⁶. Народник призывал не выбирать между отечеством и человечеством, а совместить их в своих мыслях, чувствах и действиях.

Умеренные неонародники порицали марксистов за их понимание интернационализма как чисто пролетарского чувства, за то, что, приписывая исключительное значение классовой борьбе, они не придавали никакого значения всем другим объединениям людей и формам общественной борьбы. Марксизм видел в национально-государственных организациях не больше, чем классовые организации имущих классов. Отсюда и утверждение, что у пролетариата нет отечества. Энесы же считали, что «теперь жизнь показала всю силу и значение национально-государственных объединений, при столкновении с ко-

³³⁴ НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 1. Д. 2. Л. 2.

³³⁵ Русские записки. 1916. № 1. С. 280.

³³⁶ См.: Там же. С. 285.

торами стушевались даже классовые антагонизмы»³³⁷. Они признавали, что социалисты-народники «согрешили» в том, что переняли из марксизма увлечение «классовой точкой зрения» и безусловно отрицательное отношение к национально-государственным организациям. Поэтому отношения между государствами представлялись им как отношения только имущих классов, которые живут между собой мирно или устраивают время от времени войны чуть ли не к общей своей выгоде или в ущерб лишь трудящимся массам. «В действительности привилегированные слои имеют от войны не только выгоды, но и невыгоды, – и в общем итоге эти последние... значительно превышают первые. Не говоря уже о жертвах крови, каковые – пусть не в совсем равной мере – несут все классы, даже в экономическом отношении война наносит ущерб отнюдь не трудящимся только массам»³³⁸, – пояснял Пешехонов.

Развивая тему, народник отмечал, что ни один из интернационалов, построенных на классовом принципе – ни пролетарский, ни буржуазный, ни какой-то иной – не в состоянии сделать ничего в случае политического столкновения между народами, их национально-государственными организациями. Он считал необходимой для этого общую для всех классов «международность», создать которую не может в отдельности ни один класс.

Связывая неразрывно понятия «отечество» и «человечество», правые неонародники видели на данный момент самую важную и неотложную работу для человечества именно внутри каждой страны, а самую главную задачу отечества, даже с точки зрения внешней его защиты, во внутреннем его устройении, – в их понимании работа для отечества и человечества в тот момент совпадала.

Что касается пресловутого тезиса о справедливых и несправедливых войнах, то правые социалисты считали подобную классификацию абсолютно неправомерной из-за отсутствия водораздела между первыми и вторыми. «В моральных и морально-политических проблемах нет и не может быть заранее готовых решений, ибо нет и не может быть таких внешних признаков, по которым правое всегда отличалось бы от неправого. В каждом отдельном случае люди должны найти ответ в своей совести... Решение морально-политической проблемы лежит в живой человеческой личности»³³⁹.

В такой обстановке народные социалисты четко определяли место для себя и своих единомышленников: «Как всегда, мы должны

³³⁷ См.: Там же. С. 289.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же. С. 296.

быть с трудовым народом»³⁴⁰, а конкретно задачу видели в том, чтобы «облегчить трудовому народу... бремя, добиться более равномерного распределения его между классами, ... сохранить в народе «душу живу», не допустить ее до ожесточения и одичания»³⁴¹. Они возлагали также надежды и на войну. У трудового народа, по словам А. В. Пешехонова, были враги «хуже немцев» – бесправие, кабала и невежество. Надежды Пешехонова заключались в том, что война поможет народу раскрыть глаза на этих «врагов» и подвигнуть на борьбу с ними. Он вспоминал Великую Французскую революцию и последовавшие за ней войны, которые ознаменовали выступление на исторической арене новой социальной силы и принесли с собой прогресс и реорганизацию экономического строя (о жестокостях этой революции, не всегда оправданных, он не упоминал, считая, видимо, жертвы неизбежными). Волна революций начала XX в. и цикл войн, начавшихся вслед, «быть может, знаменуют собой выступление на историческую арену широких трудовых масс, а вместе с тем и начинающееся преобразование всего социального строя на соответствующих их интересам началах... В таком случае неисчислимые жертвы, которые предстоит понести людям, и тяжкие испытания, которые им придется пережить, как-нибудь окупятся»³⁴². Однако он не допускал мысли о разжигании антивоенных настроений масс и о так называемом революционном выходе из войны. Его чувства государственника и патриота глубоко страдали от поражений русской армии.

В военное время народные социалисты вместе с другими народниками пытались (пока нелегально) объединить свои силы. Такая работа проводилась с осени 1914 г. 20 октября 1914 г. на квартире С. П. Мельгунова состоялось совместное собрание народников. По этому поводу в дневнике Мельгунова записано: «Сегодня у меня было собрание «народников» различных оттенков. Цель – попытаться добиться единения и общими усилиями издавать газету»³⁴³. Результатом совещания явилось решение об организации в Петербурге общенароднического еженедельника «Наша жизнь», номинальным редактором которого был эсер И. З. Штейнберг, фактическим – энес А. В. Пешехонов³⁴⁴.

³⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 1. Д. 2. Л. 3.

³⁴¹ См.: Там же. Л. 5.

³⁴² Русское богатство. 1914. № 8. С. 298–299.

³⁴³ См.: Сыпченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907 – 1917 гг. М.: РОССПЭН, 1999. С. 169.

³⁴⁴ См.: Там же.

В первом номере еженедельника была опубликована статья Пешехонова «Война и наши задачи»³⁴⁵. Автор подчеркивал, что первоочередная задача народников в тяжкую годину войны – быть вместе с трудовым народом, т.е. не развлекать народ сенсациями, не поднимать его дух победными кликами, а бороться за социальную справедливость, добиваться более равномерного распределения тягостей войны (в том числе налогов), защитить интересы солдат и т.п.³⁴⁶

Первый номер еженедельника намеревались выпустить в свет в самом начале января 1915 г.; он был отпечатан в количестве 55 тыс. экземпляров³⁴⁷. Однако в ночь на 2 января были произведены обыски у редактора еженедельника И. З. Штейнберга, издателя В. С. Озерецкого и в помещении редакции. Московский градоначальник, ознакомившись с вышеупомянутой статьей Пешехонова, признал, что «содержание таковой заключает в себе суждение вредное для общественного спокойствия и безопасности» и постановлением от 2 января приостановил издание еженедельника. Весь тираж его был конфискован, издатель и редактор арестованы³⁴⁸. Мельгунов С. П. считал, что это произошло в связи с наличием осведомителя в типографии или среди эсеров³⁴⁹.

Несмотря на неудачу, народники продолжили попытки объединения, и работа в этом направлении велась и в 1915 г.

В первые месяцы 1915 г. А. Ф. Керенский совершил ряд поездок по России в агитационных целях, которыми воспользовался также и для подготовки народнической конференции. С целью объединения народников 16–17 июля по инициативе того же Керенского на его квартире в Петрограде состоялось нелегальное общероссийское совещание эсеров, энесов и трудовиков. На нем присутствовало около 30 человек, представителей Петрограда, Москвы, Киева, Самары, Нижнего Новгорода и других городов³⁵⁰. Среди делегатов совещания были знаменитый Н. В. Чайковский, В. М. Зензинов, А. Н. Русанов, М. А. Брагинский, М. Е. Березин и др., а также народные социалисты В. И. Анисимов и А. В. Пешехонов³⁵¹. Председателем совещания был избран Керенский. На совещании было выбрано «Центральное бюро объединенного народничества», или «Бюро съездов», из 9 человек,

³⁴⁵ См.: Там же.

³⁴⁶ См.: Там же. С. 170.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. С. 192.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ См.: Сыпченко А. В. Указ. соч. С. 172.

³⁵¹ См.: Там же.

куда вошли по три представителя от эсеров, народных социалистов и трудовиков от Петрограда, Москвы и провинции. Цель бюро – восстановление различных народнических организаций и устройство периодических съездов по мере надобности³⁵².

После июльского совещания наблюдалось известное оживление народнических сил. В июле–августе 1915 г. состоялось несколько собраний народников, на которых присутствовали представители эсеров (А. Н. Русанов, В. М. Зензинов, А. А. Гизетти и др.), трудовиков (А. Ф. Керенский, Л. М. Брамсон, В. М. Вершинин, В. В. Водовозов и др.) и энесов, в числе которых непременно был Пешехонов. Эти собрания проходили в помещении трудовой фракции Государственной думы и на квартире А. Ф. Керенского³⁵³. Были предприняты определенные шаги и в направлении создания блока левых партий. С этой целью 14 августа 1915 г. состоялось совместное совещание социал-демократов, эсеров и энесов. На нем было принято решение об издании единой газеты (правда, средства на нее так и не были найдены)³⁵⁴. Но, по мнению С.П. Мельгунова, издание не состоялось не только по причине отсутствия денег: был еще «некто в сером в виде старых традиций». По-видимому, Мельгунов имел в виду давние разногласия народников, в первую очередь, эсеров, что мешало успешному проведению в жизнь решений июльского совещания³⁵⁵.

Заметим, что все или почти все происходившее отнюдь не было тайной для полиции, и подозрения Мельгунова на этот счет были вполне оправданы. О том свидетельствует секретный доклад Петроградского охранного отделения (сентябрь 1915 г.), информировавший о попытках «восстановить порванные связи между партийными рабочими и интеллигенцией, состоящей, главным образом, из учащейся молодежи и старых народников-литераторов. Последние, принадлежа всецело по своим убеждениям к народничеству, в силу вполне естественных причин, возраста и житейского опыта, резко отделились от рабочих во взглядах на партийную тактику и отличались большей умеренностью, чем рабочие, в значительной мере тяготеющие к максимализму»³⁵⁶. Среди участников негласных совещаний агенты охраны указывали «жену литератора» А. Ф. Пешехонову и самого Алексея Васильевича. Так, 30 августа 1915 г. на квартире домашней учительницы Н. С. Снетковой состоялась «тайная вечеря», где член Централь-

³⁵² См.: Там же. С. 174.

³⁵³ См.: Там же. С. 175.

³⁵⁴ См.: Там же.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 528. Л. 231.

ного бюро народнических организаций М. А. Брагинский сообщил, что Петроградская группа эсеров намерена выпустить декларацию с призывом к восстановлению партийной работы. «Текст этой декларации... изъясил согласие написать народник-литератор А. В. Пешехонов, но ввиду боязни местных с.-р., что Пешехонов может написать ее в духе народных социалистов, решено обратиться с такой же просьбой к Суханову (Н. Н. Гиммеру) и А. А. Гизетти»³⁵⁷. Было возбуждено ходатайство перед начальником Петроградского военного округа о крайней необходимости ареста в столице 28 активных деятелей подполья, в их числе Н. В. Чайковского, А. А. Гизетти, Л. М. Брамсона, В. В. Водовозова, А. В. Пешехонова³⁵⁸.

В революционные времена успех тех или иных политических сил во многом определяется их умением найти общий язык с массой. Это тем легче, чем больше их идеология связана с желаниями масс, их насущными практическими нуждами, хотя охлос не интересуют партийные программы. Массе нравится, когда к ней апеллируют, и она ощущает собственную значимость. Политические страсти, бушевавшие в российском обществе 1917 г., были беспрецедентны. Переложить их на правовую, общегражданскую основу не представлялось возможным³⁵⁹. Массы не принимали политические партии всерьез, да и чаще всего не понимали смысла и сути их назначения. Некоторые записывались в две партии сразу. Эмоциональный компонент намного перевешивал логический, рациональный, и представляется верным выводом о том, что в целом развернулась не борьба партий, а борьба лозунгов и лидеров, в которой все чаще побеждали самые крайние³⁶⁰. В этом смысле никто не мог конкурировать с большевиками. Резкость и даже грубость политической полемики были обычным явлением в 1917 г., но большевики истовее других (и, как оказалось, не без оснований) уверовали в то, что именно этот тон наиболее убедителен в общении с малокультурными слоями населения, воспринимается ими как знак полной социальной близости. В их политическом успехе сыграли роль популистские лозунги и призывы, содержавшие самые необдуманные, демагогические обещания, умело рассчитанные на простоту и доверчивость необразованных масс. Рабочему классу льстили речи о его гегемонии и диктатуре, так же как крестьянству – обещания земли. По впечатлениям правых неонародников, изложенным на страницах «Русского богатства»: новоявленные адепты большевизма – не «воль-

³⁵⁷ Там же. Л. 232об.

³⁵⁸ Там же. Л. 238.

³⁵⁹ См.: Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Указ. соч. С. 493.

³⁶⁰ Там же. С. 495.

ница», а «безотцовщина», «люди, не только не помнящие родства, но и не желающие себя ограничивать признанием каких бы то ни было родственных связей», «по преимуществу центробежная стихия, нашедшая в большевизме чрезвычайно удобную для себя словесность»³⁶¹.

«В эпохи общественного упадка, – писал П. А. Сорокин, – когда не удалось реализовать вполне стремления и цели, всегда более или менее ярко выделяется мотив фатализма из симфонии различных теорий и взглядов. Появившийся уже давно, он постоянно оживает под новыми масками и особенно усиленно пропагандируется теми, кому в такие времена “приятно и весело живется на Руси”»³⁶². В период анонимии социальные «низы», увлекаемые простой и звучной риторикой и подогреваемые желанием отомстить кому угодно за свое несчастное, неблагоприятное прошлое и настоящее, окрыляются и становятся пассионарной силой, перед которой не могут устоять даже опытные, стратегически подкованные политики-рационалисты. «Низам» в такие времена пусть голодно, но весело и приятно – в кои веки именно они становятся вершителями судеб, получают некую «сатисфакцию» за свои беды и унижения; ну, а мстить они могут не только прямым виновникам своих страданий, но и любому, кто попадет под горячую руку. Феномен толпы также играет ключевую роль в социальном поведении масс на критических этапах общественного бытия.

Социалист Д. Н. Шуб, в начале своей политической деятельности примыкавший к правому флангу меньшевизма, а после окончательного отъезда в 1908 г. в США проводивший линию сближения взглядов демократического социализма и либерализма, в годы первой эмиграции познакомился в Швейцарии с Лениным и был приглашен последним вступить в фракцию большевиков, однако отказался. Причины отказа были все те же – абсолютное отсутствие элементов демократии и плюрализма мнений внутри организации, крайний авторитаризм вождя. Шуб в своей оценке Ленина как политического лидера и личности был весьма строг: так, сравнение Ленина с Нечаевым было не в пользу первого. По словам Шуба, Ленин был таким же фанатиком, как Нечаев, но, в отличие от последнего, «совершенно искреннего..., готового ради торжества своей идеи поджечь мир, но согласного в любой момент и сам сгореть»³⁶³, Ленин не мог ради торжества идеи пожертво-

³⁶¹ Петрищев А. Б. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. № 4–5. С. 244.

³⁶² ГА РФ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

³⁶³ Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850 – 1920-х гг.) [Электронный ресурс]: сб. ст. Нью-Йорк: Издание «Нового журнала», 1969. С. 266. URL: <http://socialist.memo.ru/books/parties.htm>

вать жизнью. Шуб с сочувствием приводит слова П. Б. Струве, бывшего легального марксиста, назвавшего в 1907 г. ленинский большевизм «черносотенным социализмом»³⁶⁴. Ни один демократ не мог без возмущения пройти мимо факта, что «в большевистской партии с первого дня ее существования не было даже намека на какую-либо демократию. С самого начала Ленин представлял себе партию не иначе, как тайную, строго конспиративную организацию, построенную по военному образцу»³⁶⁵.

В свое время А. Н. Потресов отметил, что «Ленин давно начал отбор человеческого материала и, в конце концов, отобрал много энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, и недобрым качеством – моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом»³⁶⁶. Ленин, по словам В. С. Войтинского, был снисходителен не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел «революционный элемент». Конечно, автор субъективен, но следует отметить, что он ушел в 1917 г. от большевиков во многом по соображениям морального неприятия их политической позиции³⁶⁷. Согласно Л. Шестову, большевизм ничего не создает, а живет тем, что было до него создано, берет то, что у него под рукой. Большевизм неповинен и в том, что он питался от двух источников – от мятежной русской души и от ее же мечты о лучшей доле, коль русские образцы ее были испробованы и безрадостны. Большевистский политический популизм не принес бы успеха, если бы не находил живейшего отклика в народной толще.

Как точно подметил народный социалист А. Б. Петрищев, никто, кроме большевиков, подкупавших малокультурное население популистскими лозунгами, не вносил в политическую борьбу элемента личной страсти. «Других приходилось уговаривать, убеждать, а власть они брали скорее из чувства долга, чем из страсти властвовать. В этом смысле Ленин был вне конкуренции»³⁶⁸. В первую очередь именно этой страстью, помимо ужасающей политической беспринципности и нечистоплотности, после Октября 1917 г. российские демократы объ-

³⁶⁴ Там же. С. 267.

³⁶⁵ Там же. С. 268.

³⁶⁶ Цит. по: Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 178.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Цит. по: Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. С. 80.

ясняли успех большевиков (не сомневаясь, правда, в его недолговечности). Таков был основной субъективный фактор неожиданного большевистского триумфа. Народным социалистам тоже немало досталось от ленинского языка: «благодаря» злым оценкам типа «полукадеты», «социал-кадеты», «перереяженные кадеты», «эсерствующие меньшевики», за энесами на весь советский период закрепились несправедливая репутация партии неавторитетной, не имеющей собственного лица. Досталось и «ликвидаторам». Вождь большевиков, называя меньшевиков-легалистов «столыпинской рабочей партией», писал: «Ликвидаторы – это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду»³⁶⁹.

«Ленин, – рассуждал М. В. Вишняк спустя многие годы после смерти Ленина, – был фантаст и фанатик. Его сила была в определенности и резкости его позиции. Он имел свои цели и имел мужество их открыто защищать. Ленин отрицал мораль и осуждал интеллигентских «хлюпиков» и гуманистов. Он издевался над пасифизмом, который «выдумали» попы и буржуи, и старался делать то, что проповедовал»³⁷⁰. Резкий, беспринципный в политике, беспощадный в полемике, Ленин все же был, по признанию даже самых жестких критиков и антагонистов, вполне искренен в своих чувствах, и эти страстность, самоотдача выгодно отличали основателя большевизма от его преемников. Правда, сравнение довелось произвести через годы, каждый из которых по насыщенности событиями (главным образом трагическими) вполне мог быть равен целой обычной, спокойной эпохе. Справедливости ради Вишняк делал такую ремарку: «Как высоко ни ценил Ленин свою партию, он публично признавал, что в ней множество негодяев и примазавшихся к большевикам как правящей группе и тем самым, – средоточию влияния и всяческих благ, материальных и иных»³⁷¹.

«Русское богатство» саркастически отмечало, что пока большевики не пришли к власти, они объявляли войну «оборончеству»; как только они властью овладели, «большевистские вожди публично и официально заявили, что теперь и они стали «оборонцами»³⁷². Обозреватель внутренней жизни в «Русском богатстве» энес А. Б. Петрищев

³⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. [Электронный ресурс]. 5 изд. М., 1966. Т. 23. С. 80. URL: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>

³⁷⁰ Марков Вен. (Вишняк М. В.) Советский гуманизм // За свободу. 1946. № 17. С. 82 – 87.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Петрищев А. Б. В гриме и без грима // Русское богатство. 1918. № 1 – 3. С. 330 – 338.

констатировал, что «большевизм сплачивал ударные силы при помощи демагогического опорочения и разрушения начал дисциплины»³⁷³. «В сущности большевизм и есть демагогия, – соглашался его соратник по партии и коллега по журналу А. В. Пешехонов, – все в нем упрощено и разнуздано, все в нем приспособлено для успеха в темных народных массах. Отнимите демагогию, и от большевизма мало что останется»³⁷⁴. Однако российская демократия, отдававшая себе отчет в опасности экстремизма, присущего большевикам, и, несмотря на интенсивную подготовку последними вооруженного восстания, вела себя так, будто большевиков не существует³⁷⁵, опасаясь «контрреволюции», наступления «справа» и даже реставрации. Демократы, по словам меньшевика И. Г. Церетели, были готовы укрепить правительство предоставлением ему чрезвычайных полномочий и обращением ко всем слоям населения с призывом к строгой дисциплине, но это правительство должно было, по их мнению, отражать демократические стремления большинства народа и, применяя меры принуждения против бунтующих, черпать свою силу в согласованности демократических организаций и выборных учреждений³⁷⁶. Все это соответствовало стойким моральным убеждениям социалистов-демократов, даже в столь критический момент не способных нарушить правил «честной игры».

Широкие массы, несмотря на призывы революционных лидеров для достижения гражданского согласия в стране умерить социальные аппетиты, делать этого не желали, и менее всего терпимости проявляли как раз те, о ком более всего радели социалисты³⁷⁷, т.е. народ. В июне 1917 г. тогдашний министр продовольствия Временного правительства энес А. В. Пешехонов, выступая на I Всероссийском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов, признал: «Вся трудность заключается не в преодолении сопротивления буржуазии, которая во всем уступает, а в преодолении психологии трудящихся масс, которых надо призвать к самому напряженному труду, к лишениям и отказу от довольства, к необходимым жертвам»³⁷⁸. Ленин тогда же обвинил министра-социалиста в лицемерии: призыв к самоограничению всех слоев населения звучал непривычно в устах социалиста и явно вразрез с

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Пешехонов А. В. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1 – 3. С. 303 – 330.

³⁷⁵ День. 1917. 24 октября.

³⁷⁶ Церетели И. Г. Кризис власти. М.: Луч, 1992. 263 с. С. 220.

³⁷⁷ Протасова О. Л. Указ. соч. С. 80.

³⁷⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3-х т. Т. 2–3. М.: Республика, 1991. С. 249.

общепринятой революционной риторикой того времени. Заявление Пешехонова, на взгляд ленинцев, должно было восприниматься «революционными массами» скорее всего как измена делу революции и социализма. В то же время социалисты-демократы, в том числе сам Пешехонов, старались следовать собственным призывам, подавая пример, так и не подхваченный в массах. Пешехонова А. Ф. сообщает в мемуарах о муже: «Хорошо запомнились мне слова шлиссельбуржца Г. А. Лопатина... Однажды, сидя за обеденным столом рядом с министром продовольствия, Г. А. сказал: «Никогда не едал у вас такого скудного обеда»³⁷⁹. Известный писатель и философ В. В. Розанов, не воспринимавший Пешехонова как мыслителя, писал так: «...У Пешехонова какой ум? Столоначальник, а не министр. Конечно, это не отнимает у него всех качеств человека. Замечательно, что раз его увидев..., неудержимо влечешься к нему, зная, что никакого интересного разговора не выйдет... Пиши, писарь, – тебе не водить полки, но ты и не украдешь и не дашь никому украсть»³⁸⁰. Бывший министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский в своих наблюдениях счел справедливым отметить, что «в те... дни именно буржуазия отчаянно боролась за спасение страны, против узких интересов собственного класса. Представители буржуазии с искренней радостью отказывались от привилегий, считая это счастливейшим в своей жизни случаем, величайшим делом»³⁸¹. Керенский утверждал, что члены органов новой власти – Временного комитета Государственной Думы, Временного правительства, представлявшие класс «буржуазии», проявляли, пожалуй, больше идеализма и самоотверженности, чем демократические представители и «демократ-революционеры»³⁸². О самом Керенском Е.К. Брешко-Брешковская писала следующее: «Когда мы вместе с ним поселились в Зимнем дворце, мы вели простую скромную жизнь. Не позволялось никакой роскоши, хотя наши аскетические обеды порой разнообразились подношениями, присылавшимися мне из провинции. Покидая Зимний дворец, Керенский был одет в тот же костюм, который был на нем, когда он встречал меня в апреле. Он не принимал гостей, не устраивал званых обедов. Все часы, когда он не спал, были заполнены до предела. Он вставал в 8, а ложился в 4 или 5 утра»³⁸³.

³⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 225. К. 1. Д. 64. Л. 42.

³⁸⁰ Розанов В. В. Уединенное. М., 1991. С. 17.

³⁸¹ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005. С. 13.

³⁸² Там же.

³⁸³ Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. М.: Центрполиграф, 2006. С. 332.

После Октябрьского переворота никто в стране (не исключая, пожалуй, и многих большевиков) не ожидал, что новая власть утвердилось надолго. Объясняя причины такого взлета «пассионарности» крайне левых радикалов их энергией, беспринципностью и жадной власти (в первую очередь самого их лидера), демократы видели, как легко поддавались темные массы на самые невероятные обещания большевиков. «Чем ближе человек к моральному идиотизму, тем дальше от сознания долга и солидарности, тем понятнее ему этот уж слишком материалистический язык, – с горечью рассуждал А. Б. Петрищев. – Словечками о коммунизмах уже прикрывалась порнография и революционные знамена уже захватывала своими грязными лапами обыкновенная уголовщина»³⁸⁴.

Революция развеяла немало идеалистических представлений о народе, которые по инерции пробивались иногда сквозь рационализм политических деятелей-народников, приобретенный за 20 лет активной общественно-политической борьбы. Народ перестал казаться благонравным страдальцем, перед которым интеллигенция была в неоплатном долгу. С интеллигенцией тоже был связан ряд разочарований: по мнению аналитиков-демократов, она была виновата перед Россией в том, что не проявила ни должного единства, ни самоуважения, поступившись своими правами на водительство русской жизнью. В итоге в критический момент революционную гегемонию умственных сил перехватила сила физическая³⁸⁵. Однако обвинения в адрес интеллигенции касались преимущественно ее беспомощности, «непростительной» деликатности, мешающей делу в жестких условиях революции, а отнюдь не отсутствия освободительного порыва и доброй воли. «Русская интеллигенция вложилась в эту борьбу полностью, всем сердцем и помышлением своим. Не от «завидующего честолюбия», как принято теперь инсинуировать по адресу русских радикалов, не от социальной «обиды», и не от «глухой злобы» или «слепой ненависти» к носителям власти и владеющим материальными и духовными благами, – поскольку было и это», оно пришло позднее, после победы. Для «русских радикалов» характерна была бескорыстная, зрячая, свята я ненависть. Они ничего не искали для себя. Они искали для других, для рабочих, для народа»³⁸⁶, – анализировал положение демократической интеллигенции в революции М. Вишняк.

³⁸⁴ Петрищев А. Б. Внутренняя летопись // Русское богатство, 1917. № 4–5. С. 236 – 249.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Вишняк М. В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные записки, 1931. URL: <http://socialist.memo.ru/books/perli/vishnak/v09.htm>

Керенский А. Ф. заявлял, что «ни один класс не может претендовать на единоличное совершение великой русской революции, приписать одному себе честь освобождения русского народа, и меньше всего прав на это у российского пролетариата»³⁸⁷. Тем не менее умеренные социалисты констатировали, что большевики пришли к власти именно на пике «незаслуженного самоуважения и самовлюбленности» народной массы³⁸⁸, самоуверенно приписавшей заслугу свержения царской власти себе, больно наказав интеллигенцию за ее разрозненность, «умственное высокомерие», нежелание по-настоящему принимать во внимание классовые интересы. Последнее касается в первую очередь либералов и неонароднической интеллигенции, не разделявшей «трудо-вой народ» по классовому признаку в отличие от меньшевиков – партии, ориентированной на пролетариат, и, конечно, от большевиков, оправдывавших «классовой моралью» любой свой шаг.

Булдаков В. П. справедливо отмечает, что «Ленина “делала” толпа, и его способность управлять ее настроениями мало кто быстро распознавал»³⁸⁹. Действовать более решительно, чем он (а только так и можно было бы справиться с ним) никто не мог, как никто, в том числе и правительство, не мог сравниться с большевиками в беспринципности. Ленин уверенно отождествлял себя с массой. Интеллигенты-демократы, даже апеллируя к народу, заботясь о нем, все же дистанцировались от него. Массы тем временем ничуть не утратили своего многовекового патерналистского настроения и ждали шефства над собой от новых «патронов». «Это народ, – писал А. М. Горький в марте 1918 г., – вся жизнь которого строилась на «авось» и на мечтах о помощи откуда-то извне, со стороны – от Бога и Николая Угодника, от “иностран-ных королей и государей”, от какого-то “барина”, который откуда-то “приедет” и “рассудит”. Даже теперь, когда народ является физическим “хозяйном жизни”, все-таки продолжает надеяться на “барина”; для одной части его этот барин – “европейский пролетариат”, для другой – немец, устроитель железного порядка; некоторым кажется, что их спасет Япония, и ни у кого нет веры в свои собственные силы»³⁹⁰. Данная характеристика «общего», «усредненного» российского сознания той поры, т.е. периода полной социальной аномии, представляется необычайно точной. И нельзя не привести еще одного горьковского

³⁸⁷ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 15.

³⁸⁸ Редько А. Трагедия русской интеллигенции // Русское богатство, 1918. № 1 – 3. С. 277.

³⁸⁹ Булдаков В. П. Красная смута. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с. С. 218.

³⁹⁰ Цит. по: URL: http://www/hse.ru/data/695/692/1235/polit_kyltyra.doc

размышления, безусловно выдающего в писателе-марксисте тонкого мыслителя, демократического социалиста и просто мудрого человека: «Издохла совесть. Чувство справедливости направлено на дело распределения материальных благ, – смысл этого «распределения» особенно понятен там, где нищий нищему продаст под видом хлеба еловое полено, запеченное в тонкий слой теста... Где слишком много политики, там нет места культуре, а если политика насквозь пропитана страхом перед массой и лестью ей – как страдает этим политика советской власти – тут уже, пожалуй, совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, уважении к человеку и обо всем другом, что политический цинизм именуется “сентиментальностью”, но без чего – “нельзя жить”»³⁹¹.

Революция как колоссальное социальное потрясение вредна духовному здоровью общества: она ослабляет его моральный иммунитет, биологизирует поведение людей, резко обостряет массовый психоз. Так, Всероссийский съезд врачей в конце июля 1917 г. диагностировал в стране наличие «острого социального психоза»³⁹². Изменился в России и базисный тип прогрессивной личности, революционера. Бердяев Н. А. писал: «В стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с небывшим ранее выражением... Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица... жесткие по своему выражению, наступательные и активные. Ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию»³⁹³.

В ноябре 1917 года А. В. Пешехонов на одном из митингов сказал так: «Наладить государственную власть в стране можно лишь двумя путями: либо оружием, либо словом. Весь народ нельзя подкупить, но его можно обмануть, и большевики широко использовали последнее средство в деле укрепления своих властных позиций. Разоблачить этот обман могла бы свободная печать, и во избежание разоблачения большевики повели с ней борьбу. «Чем больше и дольше будут зажимать печати рот, тем больше прольется крови при дальнейших попытках наладить государственную жизнь и при самом ее налаживании. Я как литератор признаю лишь одно орудие борьбы – слово. Но по отношению к лицам, засевающим в Смольном, думаю, что тут без оружия не обойдется, ибо этих лиц словом не прошибешь. Для них, как и для на-

³⁹¹ Цит. по: Там же.

³⁹² Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 179.

³⁹³ Цит. по: Там же. С. 183.

сильников царского режима, требуются более сильные средства и меры»³⁹⁴. Керенский А. Ф. с горечью вспоминал первые «подвиги» большевиков, уже захвативших власть: грубый акт разгона Учредительного собрания, убийство ночью 7 января в больнице А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина «бандой большевистских солдат и матросов», когда «больных людей, посвятивших всю жизнь служению свободе и демократии, закололи штыками»³⁹⁵. Когда Гражданская война стала набирать обороты, оказалось, что попытки со стороны части интеллигенции сдерживать скатывание страны к братоубийственному побоищу, скорее всего, безрезультатны. Тем не менее «В. М. Чернов, призывая к гражданскому миру, заявил: "Мы не должны пролить не одной капли народной крови". "А большевики, – спросили его, – можно ли проливать кровь большевиков?". Чернов ответил: "Большевики – тот же народ"»³⁹⁶. Так моральные императивы в очередной раз одержали верх над политической необходимостью.

Пришвин М. М. в марте 1920 г. сделал по поводу этики, политического релятивизма и авторов революционных процессов один замечательный вывод: «Почему умеренные (эволюционные) партии социалистов никогда нигде не могли удержаться у власти? Потому что они действуют в государственных вопросах только, как человек, и государство хотят сделать чисто человеческим. Между тем государство занимается не только человечеством, но и природой животной человека, и кто взялся за государственную власть, должен действовать и как животное, как зверь. Так что по мере «углубления» революции должны в состав власти проникать преступные, звериные элементы, и власть, действуя именем того же человечества, поступает позверски»³⁹⁷. Спустя чуть более полугода, в ноябре, он же привел следующее наблюдение: «Раньше человек власти имел разное лицо для людей разного состояния, положения, образования, теперь человек власти имеет одно лицо, обращенное к уравненному человеку, выведенному из всей массы населения, такой средний выведенный человек в русской жизни оказался сукин сын, и власть ведет себя с ним как с сукиным сыном; это доказывает правило, что всякий народ достоин своего правительства»³⁹⁸. Иллюстративен пример поведения времен гражданской войны, один из бесчисленного множества подобных, очень обыкновенный для тогдашнего общества, находящегося в состоянии

³⁹⁴ Неумолчное слово. 1917. 29 ноября.

³⁹⁵ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 453 – 455.

³⁹⁶ URL: http://his95.narod.ru/lec16_21.htm

³⁹⁷ Цит. по: URL: http://www/hse.ru/data/695/692/1235/polit_kyltyra.doc

³⁹⁸ Там же.

аномии. «Брат А. В. Пешехонова, священник в Тверской губернии, был убит на глазах семьи по нелепому и необоснованному обвинению в сотрудничестве с бандитами. После расстрела устроили тут же пирушку и, напившись, заставили плясать вдову казненного»³⁹⁹. Аномия (фр. *anomie* – отсутствие закона) – «нравственно-психическое состояние индивидуального и общественного сознания, характеризующееся разложением системы ценностей и этических норм – термин, введенный в широкий научный оборот французским социологом Э. Дюркгеймом. Состояние аномии характерно для общества в периоды смут и перестроек, когда многие его члены утрачивают доверие к существующим общественным ценностям и социальным институтам»⁴⁰⁰. Российское общество первых лет советской власти – классический пример аномии в самом жестоком ее варианте. В том же 1920 году В. М. Чернов написал открытое письмо В. И. Ленину, явившееся одним из самых сильных и смелых обвинений в адрес вождя большевиков – уже руководителя советского государства, облеченного огромной властью. Лидер эсеров обращал внимание Ленина на то, что большинство его сотрудников и помощников пользуется дурной репутацией среди населения: «их нравственный облик не внушает доверия, их поведение некрасиво, их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны провозглашать»⁴⁰¹. Чернов заявлял, что Ленин «человек аморальный до последних глубин своего существа» и «одним росчерком пера, одним мановением руки прольет сколько угодно и чьей угодно крови с черствостью и деревянностью, которой позавидовал бы любой выродок из уголовного мира»⁴⁰², так как он «себе “по совести” разрешил переступить через все преграды, которые знает человеческая совесть...»⁴⁰³.

Азы «новой морали», которые нужно было постичь русскому народу, декларировались в прессе, на митингах, тиражировались, внедрялись в сознание малограмотного человека, оседая в нем тем прочнее, чем меньше знаний и склонности к размышлениям имел «новый гражданин»... «Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради крепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и ос-

³⁹⁹ Лутохин Д. А. Зарубежные пастыри. М.: Минувшее, 1991. 111 с. С. 82.

⁴⁰⁰ URL: <http://psyfactor.org/personal/personal1-20.htm>

⁴⁰¹ «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920 – 1941 / публ., вступ. сл., подг. текста и коммент. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2014. С. 11–12.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же.

вобождения от рабства»⁴⁰⁴. Бунин И. А. объяснял успех этой «трескучей» идеологии так: «Конечно, коммунизм, социализм для мужиков как для коровы седло, приводит их в бешенство. А все-таки дело заключается больше всего в “воровском шатании”, столь возлюбленном Русью с незапамятных времен, в охоте к разбойничьей, вольной жизни, которой охвачены теперь сотни тысяч отбившихся, отвыкших от дому, от работы и всячески развращенных людей»⁴⁰⁵.

Громкие общие фразы нравились «низам», но безмерно раздражали оппозиционную интеллигенцию, раздосадованную, кроме того, собственной политической беспомощностью. «Изгнанные из советского общежития свобода и равенство, – писал М. Вишняк, – неизбежно сменились противоположными началами: гнета и закрепощения, индивидуального и группового. На место условной и ограниченной буржуазной свободы стал безусловный и неограниченный коммунистический учет... Вместо царства вольного труда... было организовано царство принудительного труда и партийно-группового закрепощения на началах всеобщего уравнительного угнетения»⁴⁰⁶.

Противоположность морально-политических установок и принципов большевиков и эсеров отметил в своей речи на Московском процессе 1922 г. А. Р. Гоц, бросив со скамьи подсудимых большевикам обвинение: «Отношение большевиков к политической свободе таково: если она им нужна – они за нее, но если другим – они ее отвергают. Для нас же является азбукой, что свобода для одних – уже не свобода, и что только при свободе для всех возможно массовое рабочее движение, а без массового движения и самостоятельности трудящихся не может быть социализма»⁴⁰⁷. Отвечая на обвинение в адрес ПСР о применении насильственных методов против власти большевиков, Гоц заявил, что его партия отказалась от вооруженной борьбы против советского режима, «учитывая тяжелое положение страны, голод, разорение и утомление народных масс и всю неблагоприятную международную обстановку»⁴⁰⁸, и считает «основной проблемой дня... не захват власти в стране, но завоевание широких политических свобод и демократических гарантий»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁴ Красный меч. 1919. № 1. 18 августа.

⁴⁰⁵ Цит. по: URL: http://www/hse.ru/data/695/692/1235/polit_kyltyra.doc

⁴⁰⁶ Вишняк М. В. Черный год. Париж: Франко-русская печать, 1922. С. 263.

⁴⁰⁷ Из речи А. Р. Гоца на московском процессе с.-р. в августе 1922 г. // За свободу. 1947. № 18. С. 148 – 152.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же. С. 149.

Керенский А. Ф., подводя итог своих многолетних размышлений и осмысления прожитого и пережитого, пришел к выводу: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений... Русский народ никогда не добьется ни общественного благосостояния, ни благ образования, ни внутреннего порядка, ни международной безопасности, пока большевики держат Россию в тисках партийной диктатуры... Там, где «партийные интересы» не уступают дороги интересам общественным и национальным, нечего ждать ни цивилизации, ни реально-го прогресса»⁴¹⁰. Пожалуй, лучше и не скажешь. Комментарии здесь излишни.

Итак, этические установки русских демократических социалистов и большевиков были прямо противоположны. Большевиков осуждали все социалисты-демократы, но, даже поняв, насколько помогла в политической борьбе большевикам их моральная вседозволенность и беспринципность, они не могли воспользоваться против большевиков тем же оружием – именно из-за недопустимости возведения в абсолют насилия и зла во имя чего бы то ни было, из-за моральных архетипов, табу, усвоенных ими в процессе социализации. «Всю жизнь я мечтал о власти, которая не обаграла бы рук в крови, и не перестану к этому стремиться. Я продолжаю думать, что даже в наше жестокое время такая власть возможна»⁴¹¹, – написал в 1923 г. высланный из Советской России за политическую «неблагонадежность» А. В. Пешехонов.

Шуб Д. Н., за время жизни в либеральной Америке постепенно отошедший от марксизма, но до конца жизни остававшийся убежденным демократом, писал: «Демократические социалисты во всем мире все более приходят к убеждению, что осуществление социализма не может быть зависимо только от изменений экономической и социальной структуры общества. Должны также произойти и изменения в человеческом поведении и в отношениях людей. Без политической и духовной свободы никакой социализм невозможен и демократия, это не только средство для достижения социализма, как многие социалисты в прошлом думали, демократия, это – цель сама по себе, как наилучшая форма человеческого общежития. Свободное общество может быть

⁴¹⁰ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 70.

⁴¹¹ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. С. 33.

создано только свободными людьми. Но общество свободы и равенства не может существовать без морали»⁴¹². Многолетняя жизнь российского демократа в Америке, восприятие им западной гражданской культуры, осмысление политической реальности с сочетанием в ней элементов социализма и модернизированного либерализма немало способствовали укреплению его убеждения в том, что тонкая грань различий между этими идеологиями постепенно стирается, поскольку общность принципов свободы и демократии в данном случае оказывается важнее тактических и программных нюансов.

Среди представленных аналитических выкладок отчетливо звучат мотивы приоритета не классовых, не партийных, а общечеловеческих, универсальных гражданских ценностей – свободы и равенства, неременного следования нравственным принципам, от которых демократические социалисты не могут отступить ни при каких обстоятельствах.

В ряде современных демократических государств политические силы – носители социалистических и либеральных идей – доказали возможность успешного совместного действия на управленческом поприще, и подход к вопросу свободы личности, являющейся неременным атрибутом любого правового государства, встречает у них абсолютное единство.

⁴¹² Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850 – 1920-х гг.) [Электронный ресурс]: сб. ст. Нью-Йорк: 1 Издание «Нового журнала», 1969. URL: ldn-knigi.narod.ru; ldn-knigi.russiantext.ru

Глава 4

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПАРТИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В 1917 ГОДУ

4.1. «РАЗНОГОЛОСИЦА» В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТАНЕ

«В жизни народов бывают целые эпохи, богатые событиями, эпохи, когда страна является ареной, на которой разыгрываются акты великой исторической драмы... Все откликаются, сочувственно или враждебно, на эти события, ... внимание народное, напряженное до самой последней крайности, ежеминутно готово перелиться в акты воли, в массовые движения... В угаре и сутолоке событий, опьяняемые то грандиозными перспективами после неожиданно быстрых успехов, то эмоциями гнева после внезапных поражений, люди не имеют времени оглядеться, спокойно разобраться в пережитом, подвести ему итог, вывести из этого необходимые уроки для будущего. Слишком много сил требует от него внешняя жизнь, завязка и развязка трагедий непосредственных столкновений»⁴¹³, – размышлял главный эсеровский идеолог В. М. Чернов. Кажется, эти рассуждения безусловно относятся к 1917 г. – роковому, переломному году для России и ее людей, однако они были сделаны гораздо раньше, и в них можно усмотреть одно из пророчеств приближающегося исторического урагана, которые в спокойные межреволюционные годы во множестве выходили из уст и из-под пера русской интеллигенции.

Знаменитый русский философ Н. А. Бердяев, бывший свидетелем социально-политических потрясений России начала XX в., сказал: «Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений»⁴¹⁴. С этими словами перекликаются впечатления В. М. Чернова уже действительно от событий 1917 г.: «Мы живем, поистине, в изумительное время. Редкому поколению выпадало на долю быть свидетелем такого количества исторических событий, потрясений и катастроф... Но это

⁴¹³ Чернов В. Этика и политика. СПб., 1911. С. 55.

⁴¹⁴ Цит. по: Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 6.

интересное время приходится выстрадать и перетерпеть, исходя “кровью сердца” и соком нервов»⁴¹⁵.

Февральская революция 1917 г., явившаяся, по мнению Чернова, для социальных верхов неожиданностью⁴¹⁶, а, по мнению Вишняка, представлявшая собой «рефлекторное движение русского народа на требования войны и военные неудачи»⁴¹⁷, встретила дружное воодушевление у представителей российских демократических сил – все левые и центристские партии ожидали в новой политической ситуации возможности скорого построения общества истинной демократии. В стране практически не осталось монархистов – за исключением крайне правых, наиболее консервативных элементов, все, даже те, в чьих программах ранее не содержалось обязательного требования республики, автоматически стали республиканцами. 1917 год для множества отечественных политиков стал настоящим «звездным часом», вершиной жизненной судьбы. Обвал исторически отжившего режима, революция подарили вчерашним деятелям оппозиции и подполья, либералам и социалистам уникальный шанс максимально реализовать свои карьерные и партийные амбиции. История, в свою очередь, подвергла суровой проверке их состоятельность и эффективность их политики. Современной наукой отвергнуты как беспочвенные всякие претензии кого-либо на идейное или политическое руководство Февральской революцией, однако очень многие стали ее вдохновенными деятелями.

Разноголосица в демократическом стане, правда, была колоссальная. По мнению В. М. Чернова, революционная среда в первые мартовские недели была в гораздо менее выгодном положении, чем цензовики, которые, хотя и были «штабом без армии», «зато как штабы они были превосходно организованы. Все их личные силы были испробованы, взвешены, пронумерованы в думской и земской работе, в качестве лидеров оппозиции они успели создать себе известные имена»⁴¹⁸. Хотя уверенности не было и у них. Так, кадеты, образованные люди с уже накопленным парламентским опытом, «вышедшие из авторитарной стабильности», не знали, как следует действовать в условиях революции. По словам Ф. Степуна, они были «до такой степени западниками-позитивистами, что никак не хотели считаться в своей реальной политике с таким невесомым фактором, как нравственно-религиозное

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

⁴¹⁷ Вишняк М. В. Два пути: Февраль и Октябрь [Электронный ресурс]. Париж: Современные записки, 1931. URL: <http://socialist.memo.ru/books/perli/vishnak/v09.htm>

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.

убеждение простого народа, его понимание революции как миротворческой силы»⁴¹⁹.

У лидеров нелегальных партий, имевших в своем распоряжении «армии» последователей, не было государственного управленческого опыта, не доставало традиций открытой партийной борьбы, их имена «тонули в собирательном партийном анониме»⁴²⁰. У масс не было настоящих, «кадровых» штабов, да и сами они не были структурированы, представляя собой «хаотически нестройные полчища» (все же лучше, чем «людская пыль»!), и перед трудовой демократией встала первостепенная задача подготовительной работы по консолидации и организации собственных сил. Тем временем левые силы не столько консолидировались, сколько дробились, причем деструктивные процессы разворачивались зачастую независимо от самих политиков⁴²¹. Массы по-прежнему ожидали от государства, от власти решения своей судьбы – коллективная психология и особенно культурный менталитет суть явления малоподвижные по сравнению с динамикой общественных процессов. Власть после свержения монархии представляли калейдоскопически чередовавшиеся кабинеты с присутствием либералов и социалистов; теперь на них легла задача отеческой заботы о «народе» вместе со всей ответственностью за разного рода неудачи на этом поприще. Патерналистский компонент общественного сознания остался неизменным, и легитимность государства, как и раньше, связывалась не с демократическими процедурами, а с эффективностью разрешения властью конкретных внешних и внутренних проблем.

Новые демократические учреждения – Советы, несмотря на активное и, в общем, воодушевленное участие в них социалистических партий, вызывало неоднозначные оценки у самих участников. Народные социалисты, партия левоцентристская, в новых, революционных условиях считали первостепенной задачей прогрессивных политических сил сохранение российской государственности, защиту ее от внешнего врага и внутреннего экстремизма. Ради национального единства народные социалисты готовы были сотрудничать с любой партией, стоявшей на принципах общегосударственной пользы, – за исключением интернационалистов и пораженцев, стремившихся развязать гражданскую войну в стране. Временное правительство в данной политической ситуации они считали непартийной силой, миссия которой – консолидировать страну (причины неудач этой миссии впоследствии многократно анализировались энесовскими публицистами). Бу-

⁴¹⁹ Цит. по: Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Указ. соч. С. 493.

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.

⁴²¹ См.: Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Указ. соч. С. 497.

дучи сами «советской» партией, энесы прилагали немало усилий, чтобы предотвратить столкновения Временного правительства с Советами. Они называли Советы суррогатом народного правления и сравнивали с «временными бараками, в которых можно кое-как укрыться от непогоды, но в которых регулярная государственная жизнь ни в коем случае идти не может»⁴²². Мякотин В. А. считал, что, хотя роль Советов нельзя недооценивать, в их деятельности было немало ошибок. Так, петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов превратился в крайне громоздкое учреждение, по своему многолюдству утратившее работоспособность и, главное, связь с теми массами, чьи депутаты в нем были представлены. «Революция, – писал Мякотин, – для своего успеха нуждается в правительстве, обладающем широкой инициативой и могущей твердо рассчитывать на содействие всех граждан... Обессиливать правительство в этих условиях значит обессилить революцию. А между тем всякие попытки какой бы то ни было группы распоряжаться в государственных делах помимо правительства или властно вмешиваться в распоряжения последнего неизбежно ведут к обессилению правительства»⁴²³. Именно правительство, а не Советы виделись энесам-государственникам носителем власти, действия которого могут и должны подлежать контролю и конструктивной критике, а они «легче всего и правильнее всего могут быть осуществлены путем свободного слова и свободной печати». Мякотин подчеркивал, что «ни одна группа, ни одна организация граждан не может... выступать сама в роли правительства или выдавать свое мнение за голос всей страны, обязательно требующий подчинения»⁴²⁴. Вот и многочисленный и представительный Петросовет не может выступать от имени населения всей страны, так как «Петербург еще не Россия». Таким образом, Петроградский Совет «может заявлять свои мнения в общегосударственных вопросах, может наблюдать за Временным правительством и следить за согласием его действий с объявленной им программой, может давать указания этому правительству и оказывать давление на него самым фактом своего существования. Но он не может и не должен ставить себя в положение правительства, не может и не должен изображать из себя орган власти, стоящий рядом с правительством или даже выше его, так как подобные попытки знаменовали

⁴²² Пешехонов А. В. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1 – 3. С. 327.

⁴²³ Мякотин В. А. Великий переворот и задачи момента. М.: Задруга, 1917. С. 7.

⁴²⁴ Там же. С. 8.

бы собой попытку установления диктатуры Совета..., которая не может быть оправдана ни с какой точки зрения и неизбежным действием которой должна явиться полная анархия»⁴²⁵.

Оценка вполне определенная. Между тем опасения по поводу оттягивания властных полномочий Советами были небезосновательны. Булдаков В. П. и Леонтьева Т. Г. отмечают, что «на деле Советы могли стать интеллигентской ширмой, прикрывающей подлинное лицо народной революции. Однако за Советами начали концентрироваться силы, неподвластные какой бы то ни было партии»⁴²⁶, и вполне способные вынести на вершину власти ту из них, которая поставила бы «революционное творчество масс» выше собственной программы. Степун Ф. высказал мнение, что «подсознательная ненависть Совета к офицерству сыграла в разложении армии более отрицательную роль, чем политически непредусмотрительные меры Временного правительства»⁴²⁷. Тот же Степун дал характеристики членов бюро Петроградского Совета, именовавшегося иногда Звездной палатой: И. Г. Церетели – «честный, чистый, прямой»; Н. С. Чхеидзе – «сутулый сидящий грузин, не очень образованный теоретик и малосамостоятельный политик, но всеми уважаемый человек», Ю. М. Стеклов – «наглый бородач», Н. Н. Суханов – «скептически-брезгливый», «беспартийный марксистский чистоплюй и никчемный деятель революции», Ф. И. Дан – «одутловатый хрипун», М. И. Либер – «щуплый, похожий на гнома, с ассирийской бородой». «Либерданить» означало «нести чепуху». На их фоне как действительно значительный теоретик выгодно выделялся Ю. О. Мартов, однако он «не был человеком тех быстрот и упрощенно-определенных решений, без которых нельзя было вести революционную массу», а «ротация революционных лидеров в тот момент происходила вовсе не по умам и талантам мирного времени»⁴²⁸.

4.2. КОНСОЛИДАЦИЯ ПРАВОНАРОДНИЧЕСКИХ СИЛ

В новой, революционной обстановке ожила деятельность социалистических партий. В первых числах марта 1917 г. был восстановлен Организационный комитет партии; ведущую роль в этом играли В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов. 5 марта состоялось совещание Оргкомитета с некоторыми членами партии, в том числе депутатами Вто-

⁴²⁵ Там же. С. 9.

⁴²⁶ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Указ. соч. С. 479.

⁴²⁷ Цит. по: Там же. С. 489.

⁴²⁸ Там же. С. 484–485.

рой Государственной думы от народно-социалистической фракции⁴²⁹. Были приняты решения о демократической республике (энесы после падения монархии автоматически официально стали республиканцами), об отношении к войне (в духе «революционного оборончества»). Что касается Советов, энесы как сторонники сильной и единой государственности, считали их сугубо общественными организациями, неспособными принять на себя функции государственной власти. Станкевич В. Б. вспоминал, что, будучи членами Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, «Мякотин и Пешехонов старательно подчеркивали свою чужеродность в Комитете»⁴³⁰.

Следующей задачей было объединение энесов с трудовиками, в условиях легальности резко активизировавшимися и искавшими себе союзников. До Февральской революции Трудовая группа не решалась вставить в свою программу термин «социализм», а теперь и она объявила себя социалистической. Это снимало основное препятствие к объединению с родственной партией народных социалистов. В итоге малочисленность, слабость низовых организаций, почти полное отсутствие связей с крестьянством побудили энесов и трудовиков возобновить попытки создания единой народнической партии. 12 апреля был формально заключен «народнический блок» в Петроградском Совете. Но эсеры, поначалу склонявшиеся к объединению с энесами и трудовиками, вскоре оставили эту мысль, рассчитывая целиком на свои силы.

В результате «народнический блок» сохранился только как объединение фракций энесов и трудовиков. Трудно не согласиться с Д. А. Колесниченко, что на изменение решения эсеров повлиял тот факт, что 1917 г. их партнеры встретили как разрозненные интеллигентские группы, которые, по мнению эсеров, не могли принести им политического приданого⁴³¹. Суханов Н. Н. довольно язвительно писал о трудовиках и энесах того времени: «Эти никчемные группы бывших радикальных, теперь просто перепуганных интеллигентов все еще играли в партийность... Но они не только тонули в «правительствующей» массе: они ничем не отличались от нее. Объединившимся трудовикам и энесам необходимо было сделать дальнейший логический шаг и войти целиком в «самую большую российскую партию». Все народниче-

⁴²⁹ См.: Лосева А. В. Банкротство Трудовой народно-социалистической партии (февраль 1917 – 1922 гг.): дис. ...канд. ист. наук. М., 1980. С. 34.

⁴³⁰ Станкевич В. Б. Воспоминания (1914 – 1919). Л., 1926. С. 40.

⁴³¹ Колесниченко Д. А. Трудовая народно-социалистическая партия (некоторые вопросы программы и тактики) // Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М., 1980. С. 120.

ские ручьи могли законно слиться в эсеровском море»⁴³². Впрочем, неонародники с таким же успехом могли посоветовать Суханову стать большевиком.

Кроме того, полагает Д. А. Колесниченко, эсеры не хотели открыто действовать в союзе с кадетами, что пришлось бы делать, вступили они в организационный альянс с энесами. К тому времени эсеры и сами уже не были партией однородной, хотя формально и сохраняли единство. «Воленародовцы», их правое крыло, были, пожалуй, ближе к энесам, нежели к левым товарищам по партии; однако пока они хранили призрачное единство, оберегая престиж своей партии. По словам В. М. Зензинова, «вхождение в нашу партию аморфной массы трудящихся может разрыхлить нашу среду и придать социалистическому характеру нашей партии некоторую неопределенность»⁴³³.

Итак, энесам оставалось только форсировать подготовку слияния с трудящимися. Их организационное объединение состоялось в июне 1917 г., чему предшествовали съезды тех и других. Приветствовавший съезд энесов от имени Трудовой группы Н. В. Чайковский обратился к народным социалистам «как к самой близкой нам партии – и по навыкам, и по темпераменту. И мы, и народные социалисты не бросаем в массы неосуществимых лозунгов»⁴³⁴.

Объединенный съезд принял решение о создании Трудовой народно-социалистической партии 22 июня. Была принята программа новой партии. В ее преамбуле говорилось, что партия ориентируется не на один какой-либо класс, а стремится выразить интересы всего трудового народа, «отрицает диктатуру какого-либо одного класса»⁴³⁵. Целью партии провозглашался социализм, переход к нему мыслился постепенно, реформистским путем. Существующий строй признавался буржуазным. В области государственного устройства партия оптимальной формой правления признавала демократическую республику с однопалатным парламентом.

Камнем преткновения вдруг оказался национальный вопрос. Если энесы даже не ставили вопроса о праве наций на самоопределение, то трудящиеся на своем последнем, шестом, съезде отстаивали это право, вплоть до отделения нации. Энесы не могли согласиться со столь категоричным требованием. Идя на компромисс, трудящиеся предложили

⁴³² Суханов Н. Н. Записки о революции. В. 3-х т. Т. 2. Кн. 4. М.: Республика, 1991. С. 249.

⁴³³ Дело народа. 1917. 7 апреля.

⁴³⁴ Цит. по: Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. М.: Наука, 1977. С. 142.

⁴³⁵ См.: Колесниченко Д. А. Указ. соч. С. 120.

«признание за нациями права на экстерриториальную автономию», трактуя ее как «право национальных союзов на представительные сесии, ведающие делами национальной жизни»⁴³⁶. Но и в такой форме энесы не соглашались принять этот пункт, полагая, что это ведет к раздроблению государственности, понижению культурного уровня народов. Как писал когда-то Н. Ф. Анненский, «если предоставить как-нибудь чукчам всецело заботу об их культурном развитии, от этого проиграют и чукчи, и все государство, в состав которого они входят»⁴³⁷. Разъединение наций, с точки зрения энесов, шло вразрез с общественной эволюцией и интересами прогресса. В итоге этот вопрос в программе Трудовой народно-социалистической партии так и остался открытым.

Центральным вопросом в программе был аграрный. Как генеральная идея партийной политики объявлялась национализация земли, но ее планировалось не вводить сразу, а пока лишь выдвинуть как цель. Понятие национализации земли в трактовке ТНСП означало, что в общенародную собственность переходили все воды и недра, «все земли казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и другие подобных же категорий»⁴³⁸. Частновладельческие же земли должны были переходить в эту собственность в том случае, если превышали трудовую норму. Крестьянские надельные и частновладельческие земли, на которых велось трудовое хозяйство, планировалось переводить в общенародную собственность постепенно.

Признавая право пользования землей за всеми, кто будет обрабатывать ее своим трудом, партийная программа вводила правила, согласно которым в первую очередь наделяется местное население, причем по потребительской норме – не более 10–11 десятин земли⁴³⁹.

Важным был вопрос о выкупе земли. В конечном итоге была принята такая формулировка: «земли, переходящие в государственный фонд, должны быть отчуждены без выкупа со стороны землевладельцев». Однако предусматривались расходы, связанные с национализацией земли, и вознаграждение бывшим владельцам – все эти расходы относились на счет казны⁴⁴⁰.

По ходу съезда возникали и другие трения, в частности, по вопросам тактики. В отличие от трудовиков, многие энесы высказывались за сотрудничество с кадетами. Споры порой были так горячи и остры, что

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Русское богатство. 1918. № 1 – 3. С. 25.

⁴³⁸ См.: Колесниченко Д. А. Указ. соч. С. 121.

⁴³⁹ См.: Там же. С. 122.

⁴⁴⁰ См.: Там же.

объединение грозило сорваться. Впрочем, по мнению С. П. Мельгунова, окончательного, полного слияния энесов и трудовиков так и не произошло, что Мельгунов связывал, прежде всего, со стремлением трудовиков «приблизиться к тактике левых групп революционной демократии»⁴⁴¹.

Отставка А. В. Пешехонова с поста министра продовольствия совпала с моментом военного путча генерала Л. Г. Корнилова. В отличие от других социалистов, Пешехонов и энесы не считали кадетов ответственными за корниловский мятеж (фактов, удостоверявших их участие в подготовке мятежа, нет до сих пор). Более того, у них не было уверенности, что целью генерала был захват власти и введение военной диктатуры. «Пока нет достаточных оснований сказать, чего хотел Корнилов, – констатировало «Русское богатство» в сентябре 1917 г. – Ему приписали то, чего многие ждут со страхом и надеждой: захватить власть и репрессиями заменить отсутствующий в государстве авторитет, драконовскими мерами остановить распад, террором сплотить силы, необходимые для защиты от внешнего натиска, и для охраны порядка»⁴⁴². Современный историк В. Т. Логинов отмечает, что о «демократии осенью 1917 года уже никто не вспоминал» – и левые и правые готовились к диктатуре. Ему возражает В. П. Булдаков, подчеркивающий, что «на деле социалисты, а именно они стали теперь главными противниками большевиков, проиграли Ленину и Троцкому именно под знаменами демократии. После разгрома Корнилова диктатура справа в действительности стране не грозила (за генералами некому было идти), хотя именно ею запугивали людей большевики, чтобы прийти к власти – якобы обороняясь от поднимающей голову контрреволюции»⁴⁴³. В общем-то, если вдуматься, эти утверждения вовсе не так противоречат друг другу, как может показаться на первый взгляд. Большевики искусно «подогревали» ужас перед возможной реакцией, а общество в состоянии агитации верило тем, чей язык казался убедительнее. Сами же социалисты вплоть до Октябрьского переворота упорно не желали всерьез воспринимать опасность «слева», так как в истории подобного прецедента не было – для оппозиционеров власти опасность всегда ассоциировалась с реакцией и, соответственно, находилось «справа»... Прозрение далось социалистам нелегко и оказалось весьма жестоким.

⁴⁴¹ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 2 (ч. 3). М.: Индрик, 2003. С. 4–5.

⁴⁴² Русское богатство. 1917. № 8 – 10. С. 315.

⁴⁴³ Булдаков В. П. Октябрьская революция: современная судьба старых мифов [Электронный ресурс]: сб. «Октябрь 1917: вызовы для XXI века». URL: <http://aleksandr-kommari.narod.ru/buldakov.htm>

14 сентября в Петрограде открылось Всероссийское Демократическое совещание, созданное по инициативе ЦИК Советов с участием «организованной демократии», чтобы «решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания»⁴⁴⁴. Это была очередная тщетная попытка преодолеть кризис власти, политический и социальный раскол в обществе, связать левых радикалов рамками легальности и заблокировать резко усилившийся в результате подавления корниловщины идейный и стихийный большевизм. Фракция ТНСП на Демократическом совещании была довольно многочисленной (55 человек), хотя ее члены были распылены между различными куриями, представленными на Совещании.

Основным на Демократическом совещании был, конечно, вопрос об организации власти. Обсуждались и предлагались разные варианты – коалиция с кадетами и без них, однородное социалистическое правительство «от большевиков до народных социалистов» и пр. Единой обоймой выступили бывшие министры М. И. Скобелев, А. С. Зарудный, Н. Д. Авксентьев, И. Г. Церетели. По словам П. Н. Милюкова, «они попытались, опираясь на свой министерский опыт, ...убедить «революционную демократию», что она оперирует заблуждениями и иллюзиями, а вовсе не аксиомами»⁴⁴⁵, когда причину всех бед видит в коалиции с кадетами. В этой же шеренге 16 сентября выступил и А. В. Пешехонов, прямо заявив, что не видит другого выхода, кроме коалиции, ибо одной трудовой демократии в столь тяжелое время не под силу удержать государственную власть. «Я, имевший возможность непосредственно принимать участие в деятельности правительства, могу сказать, что сейчас не столько идет борьба за власть, сколько люди стремятся сказать по поводу власти: «Да минет меня чаша сия»⁴⁴⁶. От власти открещивались, и трудно даже было понять, в чьих руках она находится – у Керенского или Директории. Однако боялись и сползания к диктатуре. Энес Зарудный сказал: «Я – величайший поклонник нынешнего главы правительства, но должен сознаться, что не желал бы одному ему доверить управление Россией, ибо при таком положении люди талантливые, умные и властные могут падать по наклонной плоскости, и отсюда может быть прямой выход к диктатуре»⁴⁴⁷. По воспоминаниям Чернова, от того же предостерегал И. Г. Церетели, говоривший о «непомерном увеличении личного элемента в

⁴⁴⁴ См.: Совокин А. М. В преддверии Октября. М., 1973. С. 143.

⁴⁴⁵ Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 3. София, 1921. С. 43.

⁴⁴⁶ Единство. 1917. 17 сентября.

⁴⁴⁷ Цит. по: Гусев К. В. Указ. соч. С. 84.

управлении демократическим государством»⁴⁴⁸. Пешехонов призывал «принять без поправок» коалицию социалистов с кадетами, так как прежние попытки организовать власть без кадетов окончились бесславно. Народник не побоялся открыто вступить за кадетов, когда само это слово для уличной толпы стало ругательным: «Я свидетельствую, в правительстве саботажа со стороны кадетов не было. В правительстве иногда к.-д. возражали против некоторых законопроектов. Но нужно иметь в виду, что такие законопроекты, как введение хлебной монополии или как обложение прибылей, были проведены в правительстве именно при участии к.-д.»⁴⁴⁹. Что касалось обвинений против кадетов за их связь с Корниловым, Пешехонов соглашался видеть в этом малодушие, но не измену. Народный социалист рискнул высказать и другое крамольное мнение, что в срыве коалиции всего более повинна сама «революционная демократия»: в ее рядах происходило постоянное колебание между двумя программами – спасения государства, общенациональных интересов и удовлетворения групповых, классовых притязаний. Вторая программа, которую поддерживали не только большевики, но и некоторые другие течения в социал-демократии, легко усваивалась широкой народной массой. Пешехонов указывал на громадную опасность этой программы в текущих условиях: «выполнение ее было бы опасно и в мирное время, а тем более во время войны, когда удовлетворение ее представляет для государства неимоверные трудности»⁴⁵⁰. Введение 8-часового рабочего дня не увеличило количества необходимых стране продуктов, а захват земли приведет к тому, что страна лишится значительной части хлеба.

«В данных условиях, тяжелых условиях, вызванных войной, – резюмировал Пешехонов, – я считаю, что в первую очередь должно быть поставлено спасение государства, а не удовлетворение классовых интересов. На условиях подчинения классовых интересов государственным и должна быть заключена коалиция. Иначе вместо власти у нас будет только ее призрак»⁴⁵¹. Вызвавшей аплодисменты речи Пешехонова вторили М. И. Скобелев и А. С. Зарудный, но, по словам П. Н. Милюкова, «свободные от условных иллюзий заявления Скобелева, Пешехонова и Зарудного так и остались голосом вопиющего в пустыне»⁴⁵². В конце концов Демократическое совещание согласилось признать коалиционное правительство с участием кадетов и торгово-

⁴⁴⁸ См.: Там же.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Цит. по: Милюков П. Н. Указ. соч. С. 44.

⁴⁵¹ Единство. 1917. 17 сентября.

⁴⁵² Милюков П. Н. Указ. соч. С. 45.

промышленных кругов, исключая причастных к корниловскому мятежу. За самим Совещанием значительным большинством признавался лишь совещательный, а не решающий характер. Было также принято решение об образовании Временного совета республики, в состав которого включались и цензовые элементы. Этот орган мог контролировать действия правительства, ответственного перед ним, и должен был сложить полномочия перед Учредительным собранием, отсюда и его рабочее название – Предпарламент⁴⁵³.

26 сентября в Москве открылся Второй съезд ТНСП. Главным вопросом на нем было определение предвыборной платформы и тактики накануне выборов во Всероссийское Учредительное собрание, намеченных на середину ноября. Съезд был немногочислен: прибыло 69 делегатов от 36 партийных отделов⁴⁵⁴. Его председателем был избран Пешехонов, в президиум вошли также Мякотин, Волк-Карачевский, Белоруссов, Михайлов, Брамсон.

Докладчиком от ЦК на съезде был председатель партии В. А. Мякотин. По словам Милюкова, «значительная часть того, что он сказал, могла быть сказана «кадетом»⁴⁵⁵. Смысл речи был таков: власти нет, так же, как и многовластия, т.е. анархия. Боялись «контрреволюции», которой не было: теперь она есть, «взращенная ошибками революции». Этим ошибкам партия недостаточно противостояла. Она не протестовала против нарушения гражданских свобод демократическими учреждениями (читай: Советами) и против их попыток стать рядом с властью государственной. В Советах же она была «подголоском иных партий, меньшевиков и эсеров»⁴⁵⁶.

В отношении к другим партиям, по заявлению Мякотина, народные социалисты прежде всего «отгораживались от большевиков, ибо у них один метод – насилие, ибо они по существу не социалисты». Из трех групп, на которых разделились эсеры, ТНСП была ближе к «Воле народа» и к Авксентьеву, т.е. к правому крылу. Но так как все эти три течения были организационно связаны, партия не могла на выборах идти ни с одним из них. От «Единства» и меньшевиков ее отделял аграрный вопрос. Но как быть с партией кадетов? – вопрошал Мякотин. Они не социалисты и в ряде вопросов противники энесов. Но они вовсе и не правые, а их программа – не программа помещиков. Мякотин подчеркивал точки соприкосновения с кадетами: «задачи

⁴⁵³ Народный социалист. 1917. 6 октября.

⁴⁵⁴ Народный социалист. 1917. 15 октября.

⁴⁵⁵ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 88.

⁴⁵⁶ См.: Там же.

политического устройства страны, воспитание правового сознания народа»⁴⁵⁷.

В связи с предстоящими выборами и яростной борьбой за электорат возникла дискуссия и по вопросу о социальной базе и составе ТНСП. Минин А. П. заявил, что она до сих пор остается партией интеллигентов: «Мы разрабатываем идеологию, но на одной философской идеологии далеко не уедешь»⁴⁵⁸. Он подчеркнул необходимость опираться на трудовое среднее крестьянство, которое почти не представлено в крестьянских Советах, где заседают в основном беднейшие крестьяне, принимающие в производительном труде очень малое участие. Возражая ему, В. И. Игнатьев призывал опереться на все крестьянство, а не только на крепкое, и шире блокироваться на выборах, чтобы не остаться в бессильном одиночестве.

В этом споре А. В. Пешехонов занял примирительную позицию. Он отметил, что тактика всякой партии определяется, во-первых, ее задачами, во-вторых, ее силами. Разногласица, обнаружившаяся на съезде, объяснялась как раз тем, что одни ставили во главу угла идеалы, а другие – ее силы. Сам Пешехонов считал, что линия поведения партии должна определяться ее целями, и если энесы смогут «ярко, полно и сильно» выявить свои задачи, силы придут сами. Лидер народных социалистов констатировал, что на данный момент четко определили свою политическую позицию только кадеты и большевики. «Внутренние коллизии, наблюдающиеся в нашей партии, происходят, с одной стороны, оттого, что мы, согласно нашей программе, считаем необходимым использовать стихийную борьбу классов, но, с другой стороны, мы стремимся эту стихию классовой борьбы поставить в формы государственные... Сейчас эта стихия разгулялась до того, что грозит государственным формам страны»⁴⁵⁹. Свою позицию он определил конкретно: за государственность, за целостность страны, за спасение народного хозяйства.

Нараставшая в стране анархия, захватывавшая и армию, казалось, диктовала энесам неизбежность союза с кадетами, учитывая близость взглядов и по некоторым иным вопросам. Но Пешехонов, судя по всему, опасался потерять трудовиков, боявшихся скомпрометировать себя в глазах «революционной демократии», и потому пожертвовал кадетами. Он сказал, что кадеты впадают в противоположную большевикам крайность – признают лишь государственно-правовые формы. Он допускал предвыборные соглашения с ними «как с партией интеллиген-

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Народный социалист. 1917. 15 октября.

⁴⁵⁹ Там же.

тов-государственников», но лишь по некоторым тактическим вопросам и вопросам государственного устройства, однако коалицию с кадетами считал нецелесообразной, так как «за этой партией стоит еще и торгово-промышленный класс».

В результате прений съезд принял резолюцию, содержание которой воспроизводило основные тезисы доклада Мякотина, а практические выводы были взяты у его оппонентов. Высказывая сожаления по поводу несостоявшегося соглашения с энесами, Милюков писал: «Здесь, как видим, – грань, через которую «революционная демократия», включая и «трудовых народных социалистов», оказалась неспособной и бессильной перешагнуть»⁴⁶⁰. Это трудно оспорить. Стараясь попасть «в струю» политической жизни, желая снискать популярность у масс, энесы во многом стали противоречить себе, тому, что намечали их программа, тактика. Их политическая прозорливость, как показало время, всегда оставляла желать лучшего, и в критический момент энесы, грубо говоря, «поставили не на тех». Съезд считал возможным на выборах действовать совместно с эсерами и меньшевиками, поскольку те стоят за оборону государства и не связаны с интернационалистами. Но на то, что обе эти партии были организационно связаны с максималистскими течениями внутри них, съезд предпочел закрыть глаза. Печально, но Трудовая народно-социалистическая партия в результате своих тактических расчетов не только не приобрела много приверженцев, но и заставила усомниться в своей идейной принципиальности.

«Таков предел государственного благоразумия и тактической сдержанности благоразумнейшей из социалистических партий, – иронизировал П. Н. Милюков. – Чтобы спасти революцию от последствий максимализма, этот предел был совершенно недостаточен. И неспособность его перейти составляет одну из главных причин неудачи всего революционного движения»⁴⁶¹.

Не все энесы занимали такую позицию. Без сомнения, Мякотин или Мельгунов скорее были склонны сотрудничать с кадетами, чем подстраиваться к сложившейся политической конъюнктуре с преобладанием леворадикальных настроений. Пешехонов же по натуре своей был более, чем его «рафинированные» товарищи по партии, близок к революционным радикалам. Сказывалась и генетическая общность социалистических идеалов и основных народнических постулатов, крепко державших его в своем идейном плену.

⁴⁶⁰ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 90.

⁴⁶¹ Там же.

7 октября открылся Временный совет республики. Его председателем был избран эсер Н. Д. Авксентьев. Товарищем председателя стали энес А. В. Пешехонов, кадет В. Д. Набоков и меньшевик В. Н. Крохмаль. Острее всего здесь стоял вопрос о войне и мире, превратившийся в самый жгучий политический вопрос. Позицию фракции ТНСП на форуме твердо и ясно выразил ветеран народничества Н. В. Чайковский: «Я с самого начала войны утверждал, что проведение социально-революционных преобразований во всем их объеме во время войны есть преступление, и это преступление мы совершаем»⁴⁶². На грубую реплику слева старый народник гордо заявил: «Пусть те, кто мне не верит, докажут своей жизнью то, что говорят».

18 октября фракция ТНСП вместе с кооператорами, группой «Единство», кадетами, радикал-демократами и другими фракциями внесла проект резолюции по вопросу об обороне. Ее вновь огласил Чайковский. В ней говорилось, что только напряжение сил всех групп, классов и национальностей может спасти страну, и только активная оборона откроет возможность проведения общественных преобразований, прежде всего обеспечения землей трудового крестьянства. Поэтому резолюция предлагала государственной власти направить все силы на водворение в стране и армии демократического порядка.

Выступая 23 октября в Предпарламенте, А. В. Пешехонов выразил огорчение тем, что прения по внешней политике приняли столь острый характер и не было достигнуто единство мнений. Между тем по вопросам внешней политики оно необходимо более чем где-либо – только в этом случае голос России в международных делах будет звучать достаточно сильно. Пешехонов высказался в поддержку внешне-политического курса Временного правительства, выразив предположение, что для единодушного вотума Совета республики почва в достаточной степени подготовлена, а споры в зале в значительной мере основаны на недоразумении. Он напомнил, что еще при образовании первого коалиционного кабинета между демократическими и цензовыми элементами был заключен договор по поводу программы внешней политики России, отражавший точку зрения большинства демократии, а именно: Россия не стремится ни к каким захватам и отстаивает свободу самоопределения для всех народов. «Не желая приобретать ничего за счет других, мы не можем в то же время... поступиться чем-нибудь, что принадлежит России»⁴⁶³, – заявил он. По его мнению, своевременно было бы предложить союзникам выяснить совместные

⁴⁶² Там же. С. 144.

⁴⁶³ День. 1917. 24 октября.

конкретные цели войны и указать миру, что державы согласия ведут войну оборонительную. Если враги признают и согласятся принять основные предложения России и ее союзников, то нет оснований отказываться от мирных переговоров. Кроме того, не следует обольщаться надеждами, будто достаточно одной готовности к мирным переговорам для того, чтобы достичь мира. Германия может отказаться от них, имея в виду военную слабость России и то, что часть ее территории захвачена.

«Ввиду этого, – заключил Пешехонов, – Россия должна напрячь все силы для обороны. Несмотря на нашу временную слабость, надо надеяться, что у нас хватит сил для защиты чести, достоинства и неприкосновенности России»⁴⁶⁴. Трудно отделаться от мысли, что он, как и другие «оборонцы», не ощутил нарастающего подземного гула в виде антивоенных настроений в стране и армии, вплоть до желания мира любой ценой. Споры в Предпарламенте походили на споры обитателей уже горящего дома о том, каким способом тушить пожар. Между тем военный министр А. И. Верховский там же, в Предпарламенте, 20 октября публично заявил, что армия больше не может воевать и надо думать о немедленном мире.

Другим фактором той обстановки была интенсивная подготовка вооруженного восстания большевиками, демонстративно покинувшими Предпарламент, «который ведет себя так, как будто не существует большевиков»⁴⁶⁵, – саркастически заметил меньшевистский «День». Находясь у порога восстания, демократия, практически весь цвет которой находился в Предпарламенте, явно недооценивала левый политический экстремизм, способность большевиков не только взять власть, но и железной рукой удержать ее, установить «революционный» порядок. Демократическая интеллигенция не принимала в расчет политической беспринципности большевиков, потому что не представляла себе даже в малой мере, какие плоды эта беспринципность может дать, потому что не знала еще подобных условий. Демократию более пугала не сама власть большевиков, – в жизнеспособность ее она не верила, – а маячившая за этим угроза краха всего послеоктябрьского правопорядка с возможной перспективой военной диктатуры или реставрации монархии. «Если бы мы верили, что большевики сумеют дать мир, хлеб, порядок, излечат заговорами бесконечно истощенный организм России – мы бы приветствовали их господство, – витийствовал «День». – Но захват власти большевиками – это... прелюдия к взрыву

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же.

народной контрреволюции, ибо народные массы... – не хирурги, которые снимут только зафиксированный большевистский нарост, они полоснут ножом по всему телу России»¹⁰⁴.

4.3. ПАРТИЙНАЯ ДРАМА: РАСКОЛ В ПСР

Если правые народники «собирали силы», объединяясь со своими давними потенциальными союзниками и ища поддержку в стане несоциалистической демократии, то ПСР переживала коллизии иного – центробежного – характера. В 1907 – 1917 гг. в ПСР произошла значительная идейная и организационная эволюция: террор перестал быть для них основным тактическим средством, успех правительственных аграрных реформ заставил эсеров отказаться от надежд на общину как инструмент социалистического устройства⁴⁶⁶. Широкий демократизм, простота лозунгов, полемические и публицистические таланты лидеров партии, ореол борьбы и мученичества за справедливость привлекали к эсерам широкие общественные группы – крестьян, рабочих, солдат, средние городские слои. Достичь такой массовости ПСР смогла благодаря своей организационной рыхлости и нестрогому приему в партийные ряды. В течение 1917 г. эсеры составляли большинство в Советах всех уровней и типов, в городских думах, земельных комитетах, профсоюзах и т.п. Однако полного идейного и тактического единства в рядах партии не было и раньше, а в критический для страны период внутрипартийные расхождения обострились, что подтачивало единство ПСР и в конечном счете привело к ее расколу, ставшему, по мнению многих эсеров и представителей других партий роковым и для самой ПСР, и для многих демократических начинаний периода становления республиканской России.

Уже в 1914–1915 гг. партия дала трещину в вопросе отношения к войне. На предвоенных конференциях европейских социалистов эсеры осуждали грядущую войну, но с ее началом волна патриотизма захлестнула большинство партии. В первые месяцы войны стремление к единению дало о себе знать практически по всему фронту русской общности. По мнению представителей социалистических партий, истинного единения России под влиянием патриотического порыва достичь было изначально невозможно, так как «государственная и общественная организация совершенно не приспособлена для выражения и реализации общей мысли, общего чувства, общей воли»⁴⁶⁷. Поэтому

¹⁰⁴ Там же.

⁴⁶⁶ Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории. М.: Центрполиграф, 2006. С. 170.

⁴⁶⁷ Цит. по: Протасова О. Л. Указ. соч. С. 84.

многие общественные и политические деятели левого сектора предсказывали скорое охлаждение населения к этой политике и идее национального единства, так как, принося себя в жертву, народ ничего не получает взамен: ни улучшения жизни, ни надежды на это в будущем⁴⁶⁸. Экономические, социальные и политические трудности страны обострились, переплелись, и стало очевидным, что основная часть огромных военных расходов легла на тот самый «трудовой народ», чьи интересы отстаивали неонародники, в частности, эсеры. По мере затягивания войны притупились воинственно-патриотические настроения, и на первый план вышли проблемы и нужды. Война оторвала от производительного труда миллионы самых сильных работников, лишая вместе с тем миллионы семей их кормильцев. В ПСР также объективная оценка происходящих событий взяла верх над первоначальным воодушевлением, и разногласия внутри партии обрисовывались все четче. Правые эсеры стояли за войну до «победного конца», центр (во главе с В. Черновым, самым именитым теоретиком эсеров) требовал заключения всеобщего мира без аннексий и контрибуций; левые эсеры (М. Спиридонова, Б. Камков, П. Прошьян, В. Алгасов, М. Натансон и др.) примкнули к «интернационалистской» «пролетарской» позиции⁴⁶⁹. Характеризуя идейную платформу правых, В. М. Чернов отмечал, что они стремились к «перемещению партийной деятельности из сферы нелегальной в сферу легальную»⁴⁷⁰, выступали за сохранение классового мира в стране; развивая эти установки в послефевральский период, они стремились к коалиции с либеральными партиями⁴⁷¹. Через много лет Чернов, осмысливая события того времени, писал: «Люди правого крыла сначала вовсе отрицали право на революцию во время войны, потом, когда от революции отчураться не удалось, объявили ее революцией ради более успешного ведения войны... коалиция с буржуазными партиями стала их палладиумом, плотиной против так называемого... “углубления революции”, попыток дать голой политической форме упразднения монархии – широкое социальное содержание»⁴⁷². По поводу левых Чернов высказывался так: их отличала тенденция к последовательному развитию «старого максимализма», логи-

⁴⁶⁸ Там же. С. 84–85.

⁴⁶⁹ Дьячков В. Л. История Отечества. Краткое изложение основных проблем: учебное пособие. Тамбов: Изд-кий дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 171.

⁴⁷⁰ Цит. по: Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 107.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Там же.

ческим завершением которого стал союз с большевиками⁴⁷³. Хотя Чернов занимал интернационалистскую позицию⁴⁷⁴, вопрос об отношении к войне привел к его расхождению и с левыми: по воспоминаниям С. П. Постникова, отношения между ними «сразу сделались холодными, так как он не шел так далеко в вопросах войны и в отношениях к Временному правительству, как они»⁴⁷⁵. Комментируя в 1930-е гг. суть разногласия между эсерами, Чернов констатировал: «С.-р. центризм отрицательно сближало с правым крылом признание невозможности просто и кратко выбросить войну за борт (как хотели левые эсеры), а отделяло от правого крыла признание, что именно дальнейшее революционизирование страны должно стать своеобразным оружием ее обороноспособности»⁴⁷⁶. Однако внешней политикой внутрипартийные трения не ограничивались. Большая и разномастная партия, заполучившая в начале 1917 г. множество новых сторонников, не могла оставаться даже «биполярной» – авторитетных лидеров, центров притяжения партийных масс было больше. Например, следует отметить факт, на который обращают внимание отечественные исследователи К. Н. Морозов и Б. И. Колоницкий: очень непростыми в 1917 г. были отношения руководства эсеров и самого известного деятеля Февральской революции А. Ф. Керенского. Для ветеранов ПСР абсолютным партийным авторитетом был В. М. Чернов, а для широких масс, в том числе для многих «мартовских» эсеров, вождем считался Керенский⁴⁷⁷. Это противопоставление лидеров, как и соперничество между ними, не могло не создать внутри партии известного напряжения, усугубляемого остротой исторического момента. Некоторое время этот внутрипартийный разлад удавалось скрыть от партийных масс, однако со временем делать это становилось все сложнее. Противоречия сопровождали организации революционной власти, темпов проведения государственных преобразований, внешнеполитического курса России. Если черновцев можно условно назвать «центристами» (или «левоцентристами»), то Керенский и его «группа поддержки», неформально возглавляемая «бабушкой русской революции» Е. К. Брешко-Брешковс-

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ URL: <http://bse.sci-lib.com/article022940.html>

⁴⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 1.

⁴⁷⁶ Цит. по: Коновалова О. В. Указ. соч. С. 108.

⁴⁷⁷ См.: Морозов К. Н. «Руководство партии с.-р. всегда рассматривало Керенского... как в известной мере попутчика // Российская история. 2013. № 4. С. 32.; Колоницкий Б. И. Образы А. Ф. Керенского в газете «Дело народа» (март – октябрь 1917 года) // Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. конф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 202 – 221. С. 203.

кой, составляли правый партийный фланг. Своеобразным оплотом «правых эсеров» была газета «Воля народа», которую ее оппоненты иногда называли «Волей Керенского»⁴⁷⁸.

Здесь хотелось бы сделать небольшую ремарку об отношении Брешковской к Керенскому, которого она чрезвычайно высоко ценила как политика и как человека, относясь к нему с какой-то особенной нежностью. Во-первых, она выделяла его как революционного работника редкого для России типа, вступившего в партию «не в юности..., а лишь после того, как набрались определенных знаний о мире и испытали свои способности и склонности в других, легальных сферах деятельности»⁴⁷⁹. По мнению старой эсерки, революционное движение дало этому разносторонне одаренному человеку возможность «воспользоваться силой ума и таланта и развить в себе привычку к независимой и ответственной работе»⁴⁸⁰. Знания и смелость Керенского прославили его во время судебных процессов после Ленского расстрела, и ответственный пост министра юстиции в революционном правительстве ему достался не зря. В «мрачную и трусливую эпоху Четвертой думы», когда почти не было слышно слов осуждения позорной политической ситуации», «речи Керенского разили и правителей, и их приспешников. Даже ближайшие соратники осуждали смелость его протестов»⁴⁸¹, – не без некоторого пафоса вспоминала Брешковская. В мартовские дни 1917 г. Керенский стал налаживать контакты с социалистами «всевозможных родов и оттенков», большинство из которых, по словам народницы, как и кадеты, «не разделяли его благородных взглядов», отказавшись воспользоваться предоставленной им возможностью, чтобы совместно провести неотложные реформы. Брешко-Брешковская саркастически замечала, что Керенского обвиняли и в диктаторских замашках, и – за политическую беспристрастность – в безволии, однако ответственности в той степени, что досталось нести Керенскому, никто из его критиков-демократов на себя принять не пожелал. К характеристике этических принципов самого именитого государственного деятеля февральско-октябрьского периода можно добавить такие слова, сказанные в его адрес той же «бабушкой» Брешковской: «Высокие стандарты самоуважения не позволяли ему оскорблять других. Если его действия не всегда были последовательными и четкими, то виной тому были общие недостатки всей русской интелли-

⁴⁷⁸ Там же. С. 204.

⁴⁷⁹ Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. М.: Центрполиграф, 2006. 336 с. С. 326.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же. С. 327–328.

генции. Она не понимала отношения масс к достигнутой победе. В значительной степени Керенский принимал собственную лояльность за коллективный разум и совесть. Будучи ярко выраженным идеалистом, он не мог понять предательства так называемых коммунистов, с одной стороны, и наивного доверия их сторонников, с другой»⁴⁸². Справедливо утверждение Б. И. Колоницкого, что такая постоянная поддержка со стороны старой эсерки, подчеркивавшей статус Керенского как «любимого внука», была важным политическим ресурсом, но некоторых видных деятелей партии постоянное использование авторитета легендарной народницы, критиковать которую эсеры не могли, вызывало естественное раздражение⁴⁸³. Предметом иронии эсеров с большим революционным стажем становились и самоаттестации Керенского как ветерана освободительного движения, многолетнего борца с царским режимом. Гоц А. Р. в 1937 г., давая показания советским следственным органам после последнего ареста, заявлял, что «руководство партии с.-р. всегда рассматривало Керенского как случайного члена партии, органически не связанного с ее основным руководящим ядром, ... не принимавшего участия в нелегальной работе партии в дореволюционный период»⁴⁸⁴. По признанию Керенского, ради целей революции он готов был жертвовать «партийной догмой». К тому же, по некоторым свидетельствам, «главный эсер 1917 года» никогда не читал программы ПСР⁴⁸⁵. Лутохин Д. А. пишет, что в кругах, хорошо знающих Керенского, «уже тогда относились несколько иронически к представительству им демократии. “Ну какой вы демократ и народник, Александр Федорович”, – подтрунивали над ним, всегда изящным и манерным. “Я честно играю свою роль”, – ответил он однажды»⁴⁸⁶. Тем временем именно с Керенским в 1917 г. у широких кругов населения ассоциировалась партия эсеров, именно его считали лидером и руководителем ПСР, и именно его авторитет способствовал привлечению в партийные ряды новых членов. Когда популярность Керенского после неудач Временного правительства летом 1917 г. пошла на убыль, по словам Гоца, «рабочий класс и крестьянская часть армии свое разочарование Керенским перенесли и на партию с.-р. в целом»⁴⁸⁷. Дальнейшее обострение отношений между Керенским и центральными органами партии, в первую очередь Черно-

⁴⁸² Там же. С. 330.

⁴⁸³ Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 206.

⁴⁸⁴ Цит. по: Там же. С. 205.

⁴⁸⁵ Лутохин Д. А. Указ. соч. С. 63.

⁴⁸⁶ Там же.

⁴⁸⁷ Там же.

вым, осенью 1917 г. сказалось и на критическом состоянии общепартийных дел⁴⁸⁸.

Позволим себе, чтобы не возвращаться к теме восприятия Керенского окружающими из партийных и околопартийных кругов, забежать несколько вперед, в первые годы эмиграции, когда возникла необходимость выстраивать работу социалистических партий во внероссийских условиях. Одни источники свидетельствуют, что у Керенского был столь большой авторитет на международном уровне, что это позволяло заручаться финансовой поддержкой со стороны местных властей для эмигрантских изданий, которым Александр Федорович покровительствовал. Другие отзывы низводят Керенского до роли беспомощного позера, у которого оставался «по старой памяти, за про-

⁴⁸⁸ В 1920 г. ввиду радикально изменившейся политической, в том числе и внутривнутрипартийной, обстановки, В. М. Чернов написал А. Ф. Керенскому письмо, в котором содержалось, образно говоря, предложение «раскурить трубку мира». Оно содержало, помимо прочего такие слова: «Дорогой Александр Федорович! Было время, когда у Вас было бесчисленное число друзей. Это было время, когда Вы были в зените славы и блеска. Потом наступило время склона – и Вас оставили почти в полном одиночестве. Вас объявили политическим мертвецом. И вот именно теперь мне хочется обратиться к Вам со словами дружеского, сердечного одобрения и участия... Теперь, когда все прошлые ошибки при свете дальнейших событий становятся ясными и бесспорными – теперь, когда Ваши же бывшие поклонники кричат на всех перекрестках о Вашей деятельности как о сплошном нагромождении ошибок – именно теперь меня возмущает вся несправедливость этих восклицаний. Да, Вы ошибались, как и все, быть может, больше, чем все – но и положение, которое Вы занимали, было труднее, чем у кого бы то ни было. И я хочу сказать: никогда не может стать политическим мертвецом человек, сохранивший способность трезво и критически относиться к собственным ошибкам и вырастать выше их, учась из опыта жизни. Мертв духовно и политически лишь тот, кто ничего не забывает и ничему не научается. ...У Вас есть крупные достоинства, которые я всегда ценил: и это прежде всего Ваш богатый революционный темперамент. В нашей партии, увы, так мало людей с темпераментом, этим величайшим из даров природы! И я не могу примириться с тем, чтобы наша партия надолго потеряла тот революционный капитал, который она имеет в Вашем лице. Мне глубокое убеждение таково: Вам необходимо вернуться на политическую арену. Ваше появление на ней встретят враждебными криками, свистом, гамом? Что за беда! Нам, революционерам, не может быть страшно плыть против течения. Если при этом Вам будет полезна чья-то дружеская рука – моя к Вашим услугам и от чистого сердца.» (Цит. по: «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920 – 1941 / публ., вступ. сл., подг. текста и коммент. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2014. С. 30).

шлые заслуги» кое-какой вес среди иностранной общественности, но не было почти никакого среди своих «братьев» эмигрантов. Исключение составляли «немногочисленные ортодоксальные старые с.-р.-ы, весьма углубленные в программные тонкости, непримиримые противники коммунизма, ценящие в Керенском центральную фигуру, способную, по их мнению, поднять поход против III Интернационала»⁴⁸⁹. Эти люди говорили о нелегальном возвращении в Россию для подпольной работы, приводя следующие доводы: «Да, цели у нас с большевиками почти одни и те же, но большевики торопятся, насилуют жизнь, делают ее невыносимой. На Западе к социализму придут иными путями: капитализм эволюционирует»⁴⁹⁰.

В конце сентября 1917 г. начал выходить еженедельный эсеровский журнал «Партийные известия», на страницах которого находили отражение роковые проблемы партии, тщетные попытки ряда ее лидеров «превратить центробежные силы в центростремительные»⁴⁹¹. В организационном единстве редакторам и авторам издания виделся долг по отношению и к партии, и к революции, с которой неразрывно связана партийная судьба. В первом номере, увидевшем свет 28 сентября, было заявлено о необходимости пересмотра партийного устава, принятого еще в 1906 г. Старый устав был выражением организационной структуры конспиративной партии «в таких условиях, где органическая связь партии с широкими массами являлась почти только в идее, не воплощавшейся никогда, даже в 1905 г., в реальность»⁴⁹². В предоктябрьские дни 1917 г. эсеры заявляли о том, что социалистическая партия рабочего класса может быть, при условии открытого существования, только массовой, поскольку «освобождение рабочего класса может быть только делом самих рабочих». Политическая обстановка таким образом изменила партийную установку. В понятие «рабочий класс» в данном случае, надо думать, вкладывался смысл «трудовой народ».

В проекте нового организационного устава, выработанного организационной секцией III съезда ПСР, было записано, что членом партии считается всякий, принимающий программу партии, подчиняющийся партийной дисциплине и тактике, принятый в одну из партийных организаций и регулярно платящий членские взносы. Основными принципами построения и деятельности всех партийных организаций признавались: выборное начало; объединение партии в делах на осно-

⁴⁸⁹ См.: Лутохин Д. А. Указ. соч. С. 64.

⁴⁹⁰ Там же. С. 64–65.

⁴⁹¹ ГА РФ. Ф. 9591. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

⁴⁹² Там же.

вах строгого подчинения партийной дисциплине при развитии самостоятельности отдельных элементов партии. Члены ЦК должны были избираться съездом абсолютным большинством присутствующих в данном собрании членов съезда в числе 20 человек и 5 кандидатов сроком на 1 год. Все партийные организации, начиная с уездных, районных, окружных, обязывались из своих поступлений вносить 10% в кассу ЦК⁴⁹³.

Центром тяжести, основой социалистической партии представлялись теперь местные организации. По замыслу авторов нового проекта устава, именно они должны вести повседневную партийную работу, удовлетворять запросы членов партии не только в узкопартийном смысле (пропаганда, агитация, вербовка новых членов, контроль за поведением эсеровских представителей в законодательных и управленческих органах и пр.). Задача ставилась шире – местные организации должны оказывать содействие созданию классовых экономических организаций – профсоюзов, кооперации, и при этом «обслуживать культурные потребности рабочего класса». Местные организации – своего рода «сеть корней, которыми партия внедряется в народную почву, с помощью которых она извлекает из нее питательные соки»⁴⁹⁴. Массовая социалистическая партия – это совокупность по возможности самостоятельно развивающихся, самостоятельных местных групп. Все остальные учреждения партии являются лишь объединяющими и регулируемыми их в одно целое на основе общей программы и признаваемой большинством тактики.

Исходя из особенностей России – ее огромных расстояний, «почти полного отсутствия гражданского воспитания и самостоятельности широких масс, которая дается лишь длительным пользованием благами политической свободы»⁴⁹⁵, разноплеменности населения, руководство ПСР считало нормальным для организации партии децентрализованную структуру, которая, однако, не доведет до крайности отрицания единства партийной программы и тактики и не отменит внутрипартийную дисциплину.

В конце сентября «Партийные известия» опубликовали воззвание секретариата ЦК к членам ПСР, в котором говорилось об остром денежном кризисе, постигшем организацию вследствие неаккуратного сбора средств партийными отделениями на местах. В документе говорилось, что во время выборов в Учредительное собрание Центральному комитету необходимо произвести очень крупные затраты на типо-

⁴⁹³ Там же. Л. 4.

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 2.

графии, бумагу и прочие расходные материалы. «Состояние кассы ЦК партии критическое, и только от энергии и партийной дисциплины зависит возможность центральной работы Партии, а вместе с тем и успех выборов в Учредительное собрание»⁴⁹⁶.

Представляет интерес и «цифровой» документ, подтверждающий нелегкое положение партии не только с идеологической, но и с финансовой точки зрения. Были опубликованы расчетные цифры – суммы на содержание ЦК ПСР. Среди них, помимо прочего, фигурируют статьи, отображенные в табл. 4.1. Партийные доходы, суммы которых приведены в том же источнике, содержатся в табл. 4.2.

Долги Центрального Комитета разным лицам и учреждениям – 405 000 р. 00 к.⁴⁹⁷

Несмотря на усилия лидеров ПСР сохранить хотя бы относительное единство, раскол в партии ширился: левые эсеры, в целом не отступая от программных основ, выступали как сторонники радикальной демократизации государственной власти на основе сочетания совет-

4.1. Счет расходов по содержанию ЦК (с 1 марта по 1 августа 1917 г.)

Статья расхода	Сумма
Жалование членов ЦК	13 290 р. 00 к.
Жалование служащих ЦК	60 р. 00 к.
Разъезды и командировки	964 р. 50 к.
Почтово-телеграфные расходы	715 р. 89 к.
Канцелярские расходы	289 р. 20 к.
Оборудование и содержание помещений	65 р. 00 к.
Содержание и починка автомобилей	1228 р. 00 к.
Хозяйственные расходы	103 р. 05 к.
Прочие расходы	168 р. 84 к.
Итого	16 884 р. 48 к.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 4.

⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. 9591. Оп. 1. Д. 40. Лл. 12–13.

**4.2. Доходы ПСР на 1 августа 1917 г.
(поступили с 1 марта 1917)**

Статья дохода	Сумма
Фонд в распоряжение ЦК	132 574 р. 17 к.
<i>Фонды специальных назначений:</i>	
Фонд типографии и печати	33 527 р. 56 к.
Бесплатное распространение литературы	111 р. 00 к.
В распоряжение Чернова	293 р. 98 к.
В распоряжение Учредительного собрания	222 р. 00 к.
В распоряжение Военной комиссии	1000 р. 00 к.
Разные мелкие фонды	27 р. 50 к.
Итого	35 182 р. 04 к.
<i>Единовременные сборы:</i>	
10-% отчисления с организаций Партии	1292 р. 10 к.
Сбор 1 июля	7091 р. 49 к.
Сбор 15 июля	25 282 р. 36 к.
Сбор 29 июля	50 р. 00 к.
Итого	32 423 р. 85 к.

ских и земских принципов самоуправления. Они требовали немедленной передачи земли крестьянам, введения народного контроля над производством и финансами, передачи всей власти Советам, немедленного созыва Учредительного собрания и, конечно, придерживались вышеупомянутой позиции по отношению к войне. Левые эсеры вели активную пропагандистскую работу в армии и на флоте (в первую очередь Балтийском), и их усилия не проходили даром, умножив число их сторонников. По мнению историка В. Сапона, это было обусловлено тем, что к первой половине 1917 г. значительная часть матросов-балтийцев в политическом отношении находилась на более радикаль-

ных позициях, чем эсеровские вожди, поэтому появление левого течения в ПСР давало им возможность сохранить партийную принадлежность и в то же время удовлетворить свое «бунтарство»⁴⁹⁸. При этом, как замечает вышеназванный исследователь, «левым в ПСР было далеко до “экстремизма” анархистов, максималистов и большевиков»⁴⁹⁹, и при всем несогласии с «генеральной линией» партии интернационалисты не стремились к решительному размежеванию с «умеренными» по примеру Ленина и других радикально настроенных социал-демократов⁵⁰⁰. Однако вскоре стало очевидным, что компромисс между фракциями в ПСР носит ситуационный характер⁵⁰¹. На III съезде ПСР, проходившем с 25 мая по 4 июня 1917 г., левые образовали оппозицию («платформу 42-х») ⁵⁰². В июле ЦК ПСР исключил Б. Камкова и ряд левых оппозиционеров из партии. Хотя на 7-м Совете ПСР в августе состоялось формальное примирение оппозиции с ЦК, в те же дни в первом номере журнала «Наш путь» М. Спиридонова заявила, что «партия социалистов-революционеров, под давлением заполнивших правое крыло партии обывательских, ничего общего с социализмом не имеющих элементов, отклоняется все дальше от своего единственно верного пути – тесной и неразрывной связи и единения с народом»⁵⁰³. Особенно сильные течения левых-интернационалистов имелись в эсеровских организациях и комитетах Гельсингфорса, Петрограда, Казани, Воронежа. К осени 1917 г. в ряде советов оформились их фракции. На Всероссийском Демократическом совещании в сентябре 1917 г., которое правые социалисты метко называли «разногласицей»⁵⁰⁴ из-за крайней пестроты представленных там оттенков и мнений, левые эсеры выступили против коалиции с кадетами, в то время как большинство этого совещательного форума согласилось признать коалиционное правительство с участием кадетов и торгово-промышленных кругов, исключая причастных к корниловскому мятежу⁵⁰⁵. Лидер народных социалистов (партии, с которой по некоторым ключевым позициям близко сходилась правый сектор ПСР) А. В. Пешехонов отмечал, что

⁴⁹⁸ Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. С. 98.

⁴⁹⁹ Там же. С. 99.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же. С. 100.

⁵⁰² Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 215.

⁵⁰³ Цит. по: Там же. С. 216.

⁵⁰⁴ ГА РФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

⁵⁰⁵ Протасова О. Л. Указ. соч. С. 129.

эта рассогласованность «могла показаться особенно неожиданной после Московского Государственного совещания, когда в рядах революционной демократии так наглядно сказалось стремление к единению»⁵⁰⁶. «Вместо единения оказалась рознь, идущая причем очень глубоко, – сетовал Пешехонов. – ...Идти вместе революционная демократия уже не сможет, – пути слишком расходятся. При этом не только меньшевики должны разойтись, окончательно порвать с большевиками, но и... с-ры с с-рами... Пора Чернову и Авксентьеву выбрать определенную дорогу ...»⁵⁰⁷. Тем временем представители левых эсеров вошли в состав Петроградского ВРК, в ряде мест вместе с большевиками участвовали в вооруженном захвате власти. На II Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября левые эсеры голосовали за предложенные большевиками декреты, приняли участие в переизбранном ВЦИК, хотя и отказались войти в состав СНК. ЦК ПСР за раскольническую деятельность исключил 169 эсеров, оставшихся на съезде, из партии⁵⁰⁸. В ноябре 1917 г. исключенные образовали самостоятельную Партию левых социалистов-революционеров (ПЛСР) – интернационалистов численностью до 100 тыс. человек⁵⁰⁹. I-й (учредительный) съезд новой партии, на котором был принят проект партийной программы, избран ЦК и была образована лево-эсеровская фракция Учредительного собрания⁵¹⁰, состоялся 2 – 11 декабря (19 – 28 ноября) в Петрограде. Левые эсеры все активнее сотрудничали с большевиками, участвуя в установлении советской власти в провинции, содействуя в разработке и реализации закона о социализации земли. В декабре 1917 года А. Л. Колегаев, И. З. Штейнберг, В. Е. Трутовский, В. А. Карелин вошли в СНК и возглавили ряд наркоматов.

Показательно «Воззвание Воронежской организации социалистов-революционеров интернационалистов» к рабочим и солдатам, составленное в октябре 1917 г. Оно гласит, что «наступают сумерки реакции», застающие «нас совсем неорганизованными, не закаленными в огне революционного социализма», и ответственность за это «падает на ваших вчерашних руководителей в центре и здесь социалистов-мещан, социалистов-торгашей, которые своей политикой примиренчества с буржуазией, своей борьбой против левого течения разорвали ваш фронт, внесли в вашу среду злобу, вражду и разложение и

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 70. Лл. 2–5.

⁵⁰⁸ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 216.

⁵⁰⁹ Дьячков В. Л. Указ. соч. С. 171.

⁵¹⁰ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 216.

дали возможность контрреволюции стать на пороге нашей жизни»⁵¹¹. Политика правящих кругов ПСР, говорится далее в документе, «бесконечно далеко отошла от социалистических принципов»⁵¹², а Советы «в ряде панических голосований отдали свою волю и народную свободу в руки диктаторов правительства и в руки реакции», «свернули с чистого пути революционного творчества на грязную дорогу буржуазного строительства». Завершается это пламенное воззвание обвинением, брошенным «истинными социалистами-революционерами интернационалистами своим противникам справа и с центра... в том, что они подорвали навсегда престиж партии и поставили страну на край голодной смерти и разорения»⁵¹³.

А вот Второй Тамбовский губернский съезд ПСР, собравшийся незадолго до октябрьских событий, обсудив вопрос о текущем политическом моменте, пришел к выводу, что: «1) анархо-большевистские выступления последнего времени разрушают завоевания революции и должны быть категорически осуждены как контрреволюционные; 2) движения эти, вызвав испуг промежуточных классов населения и расстройство в рядах революционной демократии, дало почву реакционным и буржуазным общественным течениям активно выступать и посягнуть на завоевания революции; 3) во имя спасения страны и революции съезд считает нужным оказать полную поддержку 3-му Временному коалиционному правительству, организовавшемуся на основах декларации 8 июля и заявляет, что отступление и невыполнение ее повело бы революцию и народ к гибели»⁵¹⁴. Съезд тамбовских эсеров призывал революционную власть в центре и на местах использовать все свои полномочия для подавления этих движений, как ультрарадикальных, так и реакционных.

Большинство эсеров, исключая левых, к взятию власти в октябре 1917 г. большевиками отнеслось резко отрицательно; это чувство, как и негативное отношение к самим большевикам, мало у кого подверглось изменениям в течение всей последующей жизни. «Октябрь сразу, полностью и навсегда сделал меня своим непримиримым врагом»⁵¹⁵, – заявлял М. В. Вишняк. Чернов В. М. пытался активно противостоять октябрьскому перевороту, выезжал в Могилев для участия в перегово-

⁵¹¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-214. Оп. 1. Д. 3. Л. 224.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ ГА РФ. Ф. 9591. Оп. 1. Д. 40. Л. 8.

⁵¹⁵ Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 404.

рах в Ставке о создании общесоциалистического правительства⁵¹⁶. Керенский А. Ф. назвал действия ВРК попыткой «поднять чернь против существующего порядка и сорвать Учредительное собрание»⁵¹⁷.

До выборов во Всероссийское Учредительное собрание левые эсеры не форсировали создания самостоятельной, отдельной партии, чтобы, по признанию И. З. Штейнберга, использовать «имя партии эсеров». В их руках оказалась столичная организация: на 8-й Петроградской общегородской партийной конференции 8 октября 1917 г. левые эсеры, будучи в большинстве, продиктовали свою волю при выдвижении кандидатов в Учредительное собрание, уступив лишь первую позицию в списке В. М. Чернову⁵¹⁸. В ряде избирательных округов левые эсеры заняли приоритетные места в общепартийных списках. Хотя центральный орган ПСР «Дело народа» выражал надежду, что исключенные из партии левые-интернационалисты, повинувшись долгу чести, снимут свои кандидатуры, этого не произошло.

ТНСП, как и эсеры, «враждебно» (такая характеристика давалась в советской историографии часто) отнеслась к захвату власти большевиками. Мельгунов С. П. сразу заявил: «Никакого согласия с партией большевиков, никакого участия в административной власти»⁵¹⁹. Выступая в ноябре 1917 г. с докладом по вопросу об организации государственной власти, Мельгунов назвал целесообразной такую власть, которая опиралась бы на реальную силу и была образована из представителей областей, фактически существующих в России, как частей федеративной республики. В новое правительство, по его мнению, обязательно должны войти оставшиеся члены Временного правительства, представителей социалистических партий, стоящих на «государственной» позиции, а также представители Викжеля⁵²⁰. Свою тактическую задачу энесы видели в создании единого антибольшевистского фронта из сил, находившихся справа и слева от партии и способных на бескомпромиссную борьбу с большевиками. Главной ошибкой демократических вождей революции весной – осенью 1917 г. они считали то, что те допускали компромиссы с большевиками, с людьми, отвергавшими саму возможность сотрудничества⁵²¹. Оправданием для такой тактики в их глазах была воля народа, выраженная в голосовании за

⁵¹⁶ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 497.

⁵¹⁷ Там же. С. 174.

⁵¹⁸ Там же. С. 216.

⁵¹⁹ Цит. по: Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов в России и эмиграции. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 50.

⁵²⁰ Известия Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. 17 ноября.

⁵²¹ Политическая история России в партиях и лицах. С. 91.

власть местных органов самоуправления, Учредительного собрания, и тем самым не принявшая советскую форму организации власти. О позиции большевиков по вопросу о мире энесы высказывались вполне определенно. Газета «Неделя народного слова» писала в апреле 1918 г.: «Патриотизм – любовь к отечеству, а ведь отечество – это не только господствующие классы, это – родной народ и его культура, материальная и духовная... Подлинный патриотизм не хочет обратить другой народ на службу интересам родного народа, но он родит чувство протеста, будит энергию возмущения, когда другой народ посягает на самостоятельность его экономического и духовного развития»¹²⁷. Энесы отмечали, что проповедуемый большевиками классовый интернационализм отрицает патриотизм, который предполагает существование над интересами групповыми, сословными и классовыми интересов страны и всего населения. Те же, кто исповедует «классовый» интернационализм, с гордостью заявляют о том, что вытравили в себе любовь к родине. Но «так как эти именно люди держат ныне у нас власть в своих руках, так как во главе ущемленного российского государства стоят люди, которым нет дела до государства, то все, любящие свою родину, все, для кого родина – не класс, а народ, не могут не желать всею душою, не добиваться всеми силами, чтобы теперешняя классовая власть уступила место народной, всем народом признанной, на весь народ опирающейся власти»¹²⁸.

После заключения «похабного» Брестского мира Центральный комитет ТНСП обращался с воззваниями к жителям России и отторгнутых от нее территорий, в которых говорилось о необходимости развивать возможно более энергичную работу по утверждению и внушению общерусского государственного сознания и чувства по укреплению тяги к России, к восстановлению государственности, хозяйственных и культурных связей с ней, «к воссозданию общей родины, в защиту русской культуры, русского языка... к борьбе с германизацией края, с местными узконациональными течениями»⁵²². Так государственные взгляды все же взяли верх над относительным интернационализмом энесов, проявлявшимся в оппозиционной публицистике предыдущих военных лет.

На раскол ПСР народные социалисты, ближайšie политические «соседи» эсеров справа, отреагировали весьма болезненно, видя в нем драматические последствия прежде всего для Учредительного собра-

¹²⁷ Неделя народного слова. 1918. 29 апреля.

¹²⁸ Там же.

⁵²² ГА РФ. Ф. Р-9591. Оп. 1. Д. 2а. Л. 113.

ния, в ходе выборов в которое эсеры получили свыше 19 360 тыс. (39,8%) голосов⁵²³. При этом избиратели голосовали еще за единую партию, до ее официального распада на две принципиально разные в политическом смысле организации. Лидер энесов А. В. Пешехонов, не питавший симпатии к В. М. Чернову, назвал последнего «двуликим лидером, который... идет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит»⁵²⁴, поставленным во главе эсеровского списка «только в виде флага», за которым идут реальные кандидаты, и идут в разные стороны. «Кац-Камков, – пишет Пешехонов, – это лидер так называемых “левых эсеров”, соратник Ленина и Троцкого в их авантюре, до сих пор остающийся в одной компании с ними. По психологии и тактике – это несомненный большевик, каковых... немало имеется в партии социалистов-революционеров... Г. И. Шрейдер – “правый эсер” ... ведущий... во главе городского самоуправления напряженную борьбу с большевиками-насильниками... Это давний и убежденный демократ, без всякого пятна в прошлом»⁵²⁵. Оказывалось, что в Учредительное собрание единым списком идут как уже исключенные из ПСР, так и те, которые должны спасти от них родину и революцию. Народные социалисты, не знавшие подобных противоречий внутри своей небольшой, но очень здравомыслящей и поистине демократической партии, указывали на политическую и моральную недопустимость объединения в одной организации людей, столь резко расходящихся между собой во взглядах и тактике. Энесы заявляли, что ПСР «не имеет права звать граждан к двурушничеству» и «должна устраниваться от участия в выборах. ЦК должен объявить эти списки недействительными»⁵²⁶.

Роковая роль мировой войны как катализатора многих долго вызревавших социально-политических явлений и процессов – неисчерпаемый источник и для научного анализа, и для эмоциональных оценок, и для предположений «если бы...», которых история, как известно, не приемлет. «Пред российской революцией 1917 г. стояли те же вопросы, что и... пред другими революциями... И сверх того еще один труднейший – вопрос о завершении войны в условиях революции, – размышлял через четверть века после описываемых событий М. Вишняк. – Для разрешения всех вопросов, вместе взятых во время войны, она (революция – *О. П.*) пришла слишком рано. Рок Февраля был в том, что он произошел не вовремя. Октябрь пожрал и войну, и рево-

⁵²³ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 307.

⁵²⁴ Народная мысль (Шадринск). 1917. 20 ноября.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же.

люцию»⁵²⁷. Ведущие теоретики эсеров, старавшиеся, в отличие от большевиков, отстаивать нравственные начала в политике (даже в ущерб целесообразности, что продемонстрировало их поведение хотя бы в период от февраля к октябрю 1917 г.), признавали, что «Февраль, может быть, и удался бы, если бы пошел путем Брест-Литовска. Но этот путь ему был заказан именно потому, что Февраль не был Октябрем хотя бы морально-политически»⁵²⁸. Для приверженцев демократического социализма подписание «похабного мира» было предательством по отношению к союзникам, грубейшим нарушением норм международного права⁵²⁹ – т.е. актом, неприемлемым и с моральной, и с политической точки зрения. Забегая вперед, скажем, что по этому вопросу, занимая собственную позицию, с большевиками расходились и левые эсеры. На III съезде ПЛСР в конце июня 1918 г. была дана директива ЦК всемерно способствовать расторжению Брестского мира⁵³⁰. Позже список разногласий партий-«союзниц» по Октябрю пополнился отрицательным отношением ПЛСР к аграрным мероприятиям власти, прежде всего, к продразверстке и комбедам. Партия, выражавшая интересы крестьянства, не могла не счесть ленинскую политику в деревне изуверской.

Как своих союзников левых эсеров большевики терпели недолго. После убийства 6 июля 1918 г. эсерами-интернационалистами Я. Блюмкиным и Н. Андреевым⁵³¹ германского посла В. Мирбаха партия была запрещена, ее лидеры арестованы, все левые эсеры исключены из Советов. В результате раскола партии из нее вышли «народники-коммунисты» и «партия революционного коммунизма», вскоре сомкнувшиеся с РКП(б).

Спустя много лет в статье «Оправдание народничества» М. Вишняк написал, что народническая концепция общественного развития представляет собой немарксистский и небольшевистский вариант социализма, не возводивший в ранг гегемона ни одну из социальных групп. Однако, по оценке Вишняка, по ряду причин этот перспективный план не обрел завершенности и из-за этого не смог противостоять концепции более жесткой и конкретной (хотя и гораздо менее человечной и справедливой). Одной из таких причин правый эсер называл

⁵²⁷ Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 386.

⁵²⁸ Там же. С. 393.

⁵²⁹ Протасова О. Л. Указ. соч. С. 143.

⁵³⁰ URL: <http://www.ngpedia.ru/id243276p3.html>

⁵³¹ URL: <http://rosgeroika.ru/library/2013/july/ubijstvo-germanskogo-posla-mirbaha>

влияние марксизма, ускорившего раскол в народнической среде и вызвавшего желание части эсеров пойти на союз с большевиками как раз тогда, когда Ленину нужно было продемонстрировать не только «рабочий», но и «крестьянский» характер своей партии. «Среди этих диссидентов, – пишет Вишняк, – не только от партии с.р., но и от народничества вообще, были авантюристы и карьеристы, но были и по-своему честные люди. В отходе последних от народничества можно видеть лишь подтверждение общего тезиса: идеология сама по себе ничего не предпринимает, ни от чего не спасает, ничего и ни от чего не гарантирует»⁵³².

После взятия власти большевики стали преследовать организации правого и либерального толка. Уже к началу 1918 г. действовало несколько антибольшевистских организаций: «Комитет спасения Родины и революции», «Комитет общественного спасения», «Центральный Совет стачечных комитетов» и др. Активную роль в этих организациях играли кадеты. Политика большевиков вызвала неприятие у основной части эсеровской партии. Однако до мая 1918 г. вооруженные выступления против большевиков не носили широкомасштабного характера. Лето 1918 года стало временем военного столкновения большевиков и эсеров, отличавшегося крайним ожесточением. Только в 20 губерниях страны было зарегистрировано 245 антибольшевистских крестьянских выступлений, за которыми в идейно-политическом плане стояли эсеры⁵³³.

Летом 1918 года вынуждены были прекратить свою работу правонароднические центры. Были аннулированы все партийные издания, свернута работа ЦК ТНСП. Было закрыто даже формально беспартийное «Русское богатство». По этому поводу один из сотрудников журнала в конце 1918 г. писал в Полтаву В. Г. Короленко: «Разрешение на выход журнала отобрано в августе, бумагу отобрали в октябре, помещение конторы реквизировано»⁵³⁴. В дневнике самого Короленко под 13 марта 1919 г. имеется такая запись: «Мы пережили много кризисов при царской власти, но кое-как жили. Теперь не только закрыли журнал, но реквизировали бумагу для «коммунистической газеты» и квартиру, которую принялись отапливать книгами из склада. Такого кризиса еще не бывало»⁵³⁵.

⁵³² Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. 1952. Кн. 30. С. 225 – 242.

⁵³³ URL: http://his95.narod.ru/lec16_21.htm

⁵³⁴ Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917 – 1921. М., 1990. С. 69; ОР РГБ. Ф. 135. Р. 2. К. 21. Д. 38.

⁵³⁵ Негретов П. И. Указ. соч. С.69.

Народные социалисты стали вновь, как и до Февральской революции, существовать в виде отдельных групп, а то и одиночек. Местные организации трудовиков и энесов довольно долго еще действовали на Украине, в Сибири и на Дальнем Востоке, но уже на свой страх и риск.

С учетом сложившейся обстановки правые народники хотели создать такую организацию, члены которой не связывали бы себя официальной партийной принадлежностью, но в то же время осведомляли ЦК о положении дел. Была выдвинута инициатива создания «внепартийной организации, в которую могли бы входить люди разных партий, объединенные общностью взглядов на основную задачу данного момента и признающие необходимость совместной работы для разрешения этой задачи»⁵³⁶.

Согласно резолюции, принятой на IX съезде ПСР 18 – 20 июня 1919 г., в самый разгар Гражданской войны, «большевизм своей политикой создает в самой гуще населения стихийную тягу к реакции», и эту тягу «используют то демагогические авантюристы вроде Григорьева, Махно, то сознательные сторонники возврата к старому режиму вроде Колчака и Деникина»⁵³⁷. Эсеры указывали, что ни одна из этих тиранических крайностей – ни большевизм, ни реставрация, взаимно питая друг друга, не могут одержать окончательной победы, ставя себе равно невыполнимые утопические задачи, ибо «в своих успехах они несут сами зерно сопротивления им со стороны жизни, неминуемо берущей свое»⁵³⁸. По мнению участников съезда, из этого заколдованного круга Россию может вывести только «третья сила», равно чуждая как большевизму, так и реставрации. Этой силой способна стать только «трудовая демократия России, осознавшая себя именно как демократия»⁵³⁹. В связи с этим, гласит резолюция, съезд ПСР «поручает ЦК приложить все усилия к тому, чтобы связать ПСР и все подлинно социалистические организации и партии России, и в первую очередь РСДРП, совместная работа которой с ПСР во всей русской революции на основе последовательного демократизма и принципов научного социализма дает основание думать, что создались, наконец, условия, при которых реально ставить вопрос о создании в России единой социалистической партии»⁵⁴⁰.

⁵³⁶ Мякотин В. А. Из недалекого прошлого // На чужой стороне. Берлин, 1923. № 2. С. 180.

⁵³⁷ ГАВО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ Там же.

В докладе Президиума Городского комитета Екатеринбургской организации ПСР (1919 г.) содержится исчерпывающая характеристика тенденций, свойственных всей партии в то сложное для политического самоопределения время. В организации проявились три течения, которые применяясь к привычной терминологии, можно условно назвать правым, центром и левым. «Центр» количественно и идейно был самым сильным и авторитетным, и сознательно применял эту силу для ослабления «крыльев». Правое крыло с приходом Добрармии сделало вид, что деникинщина – явление контрреволюционное, но спровоцировали ее большевики (которые, в свою очередь – тоже реакция, хоть и слева); поэтому деникинская реакция из этих двух зол – меньшее, так как борьба с ней легче, нежели с большевизмом. Поэтому правое крыло настаивало на поддержке добровольчеству, тем более что оно идет под лозунгами демократии и Учредительного собрания. Центр трактовал деникинский режим как «злейшую реакцию», чья «классовая помещичья сущность почти даже не прикрыта фиговым листком, демократизм ее есть злостный обман народа»⁵⁴¹. Отсюда вывод: необходимость борьбы с реакцией всеми доступными способами. Большевизм, с точки зрения «центра», – тоже явление отрицательное, так как он подавляет свободу и личность, широко практикуя террор и насилие. По мнению данного сегмента эсерства, большевизм – «больной человек», «живой труп», недостойный даже мимолетного сочувствия у трудовой демократии. Вывод – для борьбы с реакцией и большевизмом следует мобилизовать «третью силу», долженствующую выступить могильщиком «обеих реакций». Левое же крыло признавало необходимость занять однозначную позицию, и склонялось при этом к большевистской стороне, требуя активно поддерживать Красную армию и даже призывая население вступить в ее ряды⁵⁴².

К 1923 году партия перестала существовать; многие ее члены были репрессированы⁵⁴³ – их кратковременное пребывание на свободе чередовалось с тюрьмами и ссылками, и лишь единицы пережили 1937 г.

Таким образом, в судьбе ПСР, как и во многих событиях и процессах того времени, мировая война стала роковым фактором, спровоцировав разделение крупнейшей партии, имевшей не так уж много принципиальных внутренних идеологических разногласий (за исключением внешнеполитического аспекта) на две фактически враждующие силы, после Октябрьского переворота оказавшиеся в противоположных лагерях. Этот раскол можно представить как мини-символ

⁵⁴¹ ГА РФ. Ф. 9591. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁵⁴² Там же. Л. 2.

⁵⁴³ Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия. С. 216.

общественной трагедии периода Гражданской войны, когда члены одной семьи «из идейных соображений» могли стать врагами. На результатах невезения ПСР, имевшей большие шансы стать политическим фаворитом в демократической России, сказалось и отсутствие сильного партийного лидера с достаточно мощной харизмой, жесткостью и волей, который мог бы стать объединяющим ядром для партии с огромным потенциалом, интеллектуалами, теоретиками, смелыми и достойными людьми, но аморфной структурой и недостатком политической решимости, целенаправленности и расторопности в критический момент истории.

Глава 5

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

5.1. ПОПЫТКА НАРОДОВЛАСТИЯ

Русские демократические социалисты, особенно эсеры, набравшие в первый период революции небывалую популярность, делали политическую ставку на созыв Учредительного собрания, которое, как надеялись все прогрессивные политические силы начала XX в., должно было «обновить Россию, навсегда и в интересах народа решить вопрос о форме и сущности государственной власти, разрубить гордиев узел извечной российской проблемы – крестьянской; наконец, разобрататься с нескончаемой войной. Наверное, субъективно, будучи прагматичными политиками и достаточно зная свой народ, основная масса российских социалистов и либералов вряд ли переоценивала возможности решения всех запутанных и застарелых проблем путем простого голосования. Но в чем мало кто сомневался, так это в необходимости для политиков-демократов научить народ использовать свою силу и разум для самостоятельного решения своей судьбы»⁵⁴⁴. Тем более, что население России в массе своей в 1917 г. воспринимало Учредительное собрание «как творца, верховного вершителя судеб страны, революции, народа, каждого отдельного человека»⁵⁴⁵. По словам одного из лидеров кадетской партии В. Д. Набокова, «этот мираж – Учредительное собрание – во многих умах тогда возбуждал совершенно неосуществимые надежды». А М. Горький заявил, что «лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания».

Идея Учредительного собрания в России представляла собой совокупность теоретических воззрений, связанных с учреждением высшей представительной власти, их отражение и целеполагание в общественном собрании. Она формировалась в XIX в. в условиях, повли-

⁵⁴⁴ Протасова О. Л. Провал народовластия: Всероссийское Учредительное собрание в оценке представителей отечественного «демократического социализма» первой четверти XX века // Современные научные исследования и разработки: международный электронный научно-практический журнал. 2016. № 3(3). С. 83 – 90.

⁵⁴⁵ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 5.

явших на ее содержание и истолкование. В стране не было предпосылок для реализации принципа «народ – источник власти». Идея Учредительного собрания вызревала на примере и опыте стран, где гражданское общество вытесняло отношения подданничества, государство эволюционировало в правовое. Поэтому сама идея постепенно мифологизировалась, «очищаясь» от сопутствующих революциям реалий в виде террора, гражданских войн, узурпации власти олигархами и т.п. При этом она зачастую ложно трактовалась не как следствие, а как исходный пункт развития западной цивилизации, став в итоге симбиозом европейской политической культуры и российской исторической традиции.

Практически все российские политические силы, партии выступали за созыв Учредительного собрания. Но «организация первых выборов на всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве в огромной воюющей стране была очень сложна технически и требовала времени в ситуации, когда в общественно-политическом движении день мог быть равен годам. Откладывание сроков выборов, созыва Учредительного собрания и рассмотрения главных вопросов революции подстегивало массовую социальную агрессию, служило дестабилизации обстановки и крайнему осложнению поисков выхода из общенационального кризиса»⁵⁴⁶.

Поскольку возрастной фактор для политики и политиков имеет важнейшее значение, в 1917 г. при подготовке избирательного закона в Учредительное собрание избирательный ценз был предметом жарких межпартийных споров. Кадеты, учитывая европейский опыт, настаивали на «полном совершеннолетии» – 21 годе, меньшевики и эсеры на 20, большевики – на 18 годах, небезосновательно рассчитывая на юношеский максимализм как на электоральный ресурс⁵⁴⁷. Поборники предоставления избирательных прав 21-летним опасались, что голосование в более молодом возрасте передаст его судьбу в деревне в руки крестьянских девушек. Мотивация большевиков основывалась на наличии 18-летних людей в армии, где они рисковали жизнью, защищая государство, не предоставляющее им важнейших гражданских прав. Вопрос прорабатывался в комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. В результате возраст 21 года был признан слишком высоким, 18 и 19 –

⁵⁴⁶ См.: Протасова О. Л. Указ. соч. С. 85.

⁵⁴⁷ Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В. Л. Дьячков [и др.]. – Тамбов: Изд-кий дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 72.

слишком низким, а оптимальным – 20 лет, как раз тот возраст, что был установлен в последнее время избирательными законами в органы местного самоуправления. Утвержденное Временным правительством 20.07.1917 г. Положение о выборах в Учредительное собрание гласило: «Правом участия в выборах в Учредительное собрание пользуются российские граждане обоего пола, коим ко дню выборов исполнится 20 лет». Военнослужащие допускались к выборам, если они достигнут возраста, установленного для последнего досрочного призыва, т.е. родившиеся не позднее 12.11.1899⁵⁴⁸.

Результаты выборов в Учредительное собрание отразили картину политических предпочтений не очень просвещенного, но уже и не столь «дремучего», как раньше, российского общества. Они показали, что социалистические идеи в первой четверти XX в. в России были куда более популярны, чем либеральные, консервативные и пр. Но внутри социалистического лагеря шли трудные и болезненные центробежные процессы. Как отмечает А. Ю. Суслов, «в 1917 г. основные разногласия были не между социализмом и либерализмом, а внутри самого социализма – между его революционным и эволюционным течениями. Социалистические лозунги проникли в общественное сознание в России глубже, чем в других странах»⁵⁴⁹.

После разгона Учредительного собрания осмыслением его краткого, но поучительного опыта занялись все политические силы, которые считали подобную форму народовластия оптимальной для первого этапа построения демократического общества в России. Вот как оценили качество и результаты Всероссийского Учредительного собрания отечественные демократические социалисты – противники диктатуры в любых ее формах, а, следовательно, жесткие критики большевиков и большевизма, народные социалисты (самая правая из социалистических партий в России), умеренные эсеры, меньшевики.

Энесы, как и другие умеренные социалисты, с выборами в Учредительное собрание связывали серьезные надежды и готовились принять в них самое деятельное участие. Второй съезд Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) еще в сентябре 1917 г. наметил тактику и предвыборную программу, в которой, в частности, говорилось: «Не человек существует для государства, а государство должно суще-

⁵⁴⁸ Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 73.

⁵⁴⁹ Суслов А. Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. С. 4.

ствовать для человека, для удовлетворения его нужд»⁵⁵⁰. В целом по стране в предвыборной кампании партия собрала лишь 0,8% голосов. Депутатами были избраны старейший народник Н. В. Чайковский (от Вятской губернии) и А. С. Суханов (Тобольская губерния). В Таврическом дворце к ним присоединились два эстонских трудовика; вместе они составили фракцию из четырех депутатов⁵⁵¹.

Трудно сказать, как бы повело себя Учредительное собрание, будь оно из одних энесов, но их лидеры резко порицали депутатов-небольшевиков за отсутствие воли к сопротивлению при разгоне все-русского народного представительства. Они сочли первый российский всенародный форум неполноценным, ущербным. Выборы происходили «в исключительной, совершенно невозможной обстановке, в предчувствии и под шум большевистского переворота»⁵⁵², без предвыборной агитации в должных масштабах. Политические деятели, выдвинутые кандидатами от центров, за редкими исключениями не имели возможности выезжать в избирательные округа. «Массе избирателей, не усвоившей еще толком политической арифметики, было предложено выразить свою мысль в алгебраической формуле»⁵⁵³ – за время кампании невежественным избирателям никто не разъяснял, за что они голосуют; они выбирали просто «номера», не задумываясь, кто и что стоит за каждым номером. Высокая же активность населения в период пробуждения гражданского самосознания объяснялась не только глубокой заинтересованностью в Учредительном собрании, но и «истерической реакцией неполитизированного обывателя, заинтригованного необычным зрелищем, увлеченного стадным энтузиазмом толпы, боязнью наказания за неявку на выборы и пр.»⁵⁵⁴. К слову, правое издание «Фонарь» рассуждало в начале октября 1917 г.: «Не темным мужикам и бабам, в долгие темные ночи на полотах своих грезящих о том, как хорошо бы похозяйничать в барских хоромах... выбирать в Учредительное собрание, а лишь тем, кого счастливый случай приобщил к источникам знаний и всякой культуры». Морис Палеолог, до июля 1917 г. французский посол в России, не довольствуясь официальными сообщениями министерства иностранных дел, ежедневно

⁵⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 260.

⁵⁵¹ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. С. 289.

⁵⁵² Пешехонов А. В. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1 – 3. С. 319.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. С. 182.

старался бывать на улицах Петрограда, в местах публичных собраний⁵⁵⁵. На него произвели впечатление слова одной из его русских собеседниц с оценкой массового восприятия революции: «В революции русский народ интересуется не политическими или социальными идеями; они для него непонятны; его привлекают зрелища, красные знамена, иконы, церковные песнопения, расстрелы, убийства, торжественные похороны...»⁵⁵⁶.

С точки зрения народных социалистов, самым главным изъяном Учредительного собрания стало полное отсутствие в форуме воли к власти и чувства ответственности перед народом. Целые фракции, например, кадеты, не явились к открытию ассамблеи; отсутствовал и ряд других видных членов Учредительного собрания, начиная с А. Ф. Керенского (имевшего, по его собственным словам, огромное желание присутствовать на открытии Учредительного собрания, но поддавшись уговорам соратников по партии отказаться от этого шага из соображений безопасности). Пешехонов писал об этом с неподдельным возмущением: «Если они взялись действовать именем народа, то о своей личной жизни, о собственном самосохранении они могли бы и не думать. Если от граждан можно требовать мужества, – то именно в такие моменты и на таких постах»⁵⁵⁷.

По мнению Пешехонова, демократии в России нет и никогда не было. «...Наша государственность разрушена...– писал он. – Февральским переворотом власть была низвергнута, но организованных сил в стране, которые были бы в состоянии сразу же подхватить и утвердить ее на новых началах, в стране не оказалось»⁵⁵⁸. Самую решительную из попыток установления настоящей власти предприняли большевики, но «едва ли она удастся: слишком уж своеобразны начала, на которых они пытаются ее установить, и им приходится самим разрушать то, на чем они обосновались. Если они все-таки удержатся, то не столько благодаря своей решительности, сколько благодаря усталости и нерешительности других»⁵⁵⁹. Это было написано в первой половине 1918 г. Забегая вперед, отметим, что впоследствии, максимум лет через пять, Пешехонов признал, что большевики все-таки сумели поднять государственность в России. Правда, это не означало, что народник приветствовал их методы и принципы воссоздания государственности.

⁵⁵⁵ URL: http://www.peoples.ru/state/ambassador/moris_paleolog/

⁵⁵⁶ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 182.

⁵⁵⁷ Пешехонов А. В. Указ. соч. С. 318.

⁵⁵⁸ Там же. С. 325.

⁵⁵⁹ Там же. С. 326.

Революция вообще порушила немало народнических иллюзий, побуждала к осмыслению практических уроков. Народ по своей темноте и отсутствию стремления к культуре, не только политической, но и общей, по своей ограниченности подпал под обаяние демагогии – а кроме нее, по мнению энесов образца 1918 г., в большевизме ничего нет⁵⁶⁰, – позволив демагогам взять в свои руки бразды правления.

Успех большевиков, впрочем, не сводился к одним популистским лозунгам, увлекавшим непросвещенный люд: деятели этой партии, прежде всего Ленин и Троцкий, «вносили в политическую борьбу элемент личной страсти»⁵⁶¹, чего никак нельзя сказать о либералах и социалистах-демократах, в том числе депутатах Учредительного собрания. С особенной горечью сетовал народник на поведение эсеров, чей раскол на правых и левых не мог не способствовать провалу Учредительного собрания.

На открытие Учредительного собрания прибыли 36 левых эсеров, разместившихся вместе с большевиками в гостинице «Астория»⁵⁶². Председателем Всероссийского Учредительного собрания был избран эсер-«центрист», интернационалист-циммервальдец В. М. Чернов⁵⁶³, получивший при баллотировке (ему была противопоставлена кандидатура левой эсерки М. Спиридоновой) 244 белых шара против 151 черного⁵⁶⁴; его секретарем – правый эсер, оборонец М. В. Вишняк. Раскол в рядах ПСР по отношению к войне не миновал и их: два выдающихся деятеля неонароднической партии «разошлись» на долгие годы – до самой II мировой войны. Кандидатура Чернова на роль председателя Учредительного собрания вызывала вопросы у многих, в том числе у его же собственных соратников по партии, утратившей организационное единство. Так, А. Ф. Керенский, узнав о предполагаемом выдвижении Чернова «был поражен», так как «все, кто знали этого одаренного и лояльного партийного руководителя, должны были понимать, что он не годится на роль оратора от имени всей России»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁰ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха. С. 144–145.

⁵⁶¹ Там же. С. 145.

⁵⁶² Вишняк М. В. Созыв и разгон Учредительного собрания [Электронный ресурс]. URL: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly?directory=29>

⁵⁶³ URL: <http://ros-istor.ru/node/318>

⁵⁶⁴ Вишняк М. В. Созыв и разгон Учредительного собрания [Электронный ресурс]. URL: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly?directory=29>

⁵⁶⁵ Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории. М.: Центр-полиграф, 2006. С. 452.

По мнению Керенского, необходимо было найти другого кандидата, «пусть менее известного и менее талантливого, но обладающего большей силой воли и полностью отдающего себе отчет в том, что трагедия, которую мы переживаем, есть предательство чаяний и идеалов свободы, во имя которой боролись и отдавали свои жизни многие поколения русских людей»⁵⁶⁶. Меншевик Н. Н. Суханов утверждал, что «крупнейший литературный талант, единственный и универсальный теоретик эсеров, но на широкой арене революции, несмотря на свой авторитет среди эсеровских работников, Чернов оказался несостоятельным в качестве политического вождя»⁵⁶⁷. Речь Чернова в качестве председателя всероссийского форума, была «типичное не то»: «Она была выдержана в социалистических и интернационалистических тонах и как бы пыталась быть созвучной и левому крылу собрания.. Точно оратор стремился в чем-то заверить или переубедить противников, вместо того, чтобы возможно резче отмежеваться от них и противопоставить им себя, как символ всероссийского народовластия. Это было не то, что могло хоть сколько-нибудь импонировать, задать тон, удовлетворить требованиям и ожиданиям исторического момента...»⁵⁶⁸. Соратники по партии эсеров дружно согласились, что «совсем не такой следовало быть этой речи». Для подтверждения характеристики личности Чернова-политика приведем впечатление о нем симпатизировавшего народникам публициста Д. А. Лутохина, прямого отношения к активной политике не имевшего: «Идейная... осторожность у него – от склада ума. В своих речах, докладах, которые всегда достаточно злободневны, он дает довольно широкое освещение темы, но как только переходит к выводам и практическим предложениям, так начинает расплываться в общих фразах и сходит на нет. Для лидера – порок недопустимый»⁵⁶⁹.

Пешехонов А. В. также весьма неодобрительно оценивал поведение В. М. Чернова в качестве председателя Учредительного собрания. Особой симпатии между двумя народническими лидерами не было и раньше, а в 1917 г. взаимные трения обострились, в немалой степени в связи с тем, что весной Пешехонов претендовал на пост министра земледелия, наотрез отказавшись быть заместителем при Чернове. Жене

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 498.

⁵⁶⁸ Вишняк М. В. Созыв и разгон Учредительного собрания [Электронный ресурс]. URL: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly?directory=29>

⁵⁶⁹ Лутохин Д. А. Зарубежные пастыри. М.: Минувшее, 1991. С. 72.

Пешехонова «не раз приходилось слышать, сколько неприятных диссонансов вносит «селянский министр» в трудную работу социалистов во Временном правительстве»⁵⁷⁰. После 1917 г. встречи Пешехонова с Черновым носили случайный характер, и, по словам Антонины Федоровны Пешехоновой, «за границей до 27 года А.В. относился к Чернову как к совершенно чуждому, чуждому ему человеку»⁵⁷¹. Между тем в Чехии, в эмиграции, они жили по соседству.

По словам Керенского, в Учредительном собрании «лучшую и самую смелую речь произнес Церетели, лидер меньшевиков»⁵⁷², но это была речь «не революционера..., а представителя лояльной оппозиции» – меньшевики фактически уже в начале ноября 1917 г. отказались от идеи революционной борьбы против правительства. Однако Церетели заставил себя слушать всех, в том числе даже Ленина, который «явно бравировал своим пренебрежением к тому, что происходит в зале заседаний»⁵⁷³. Он подчеркнул необходимость соглашения между большевиками и Собранием, в частности, для успешного решения вопроса о мире с Германией и осуществлении аграрных преобразований⁵⁷⁴. В речи звучало, что «революция в России одна, она началась в февральские дни», но теперь ее судьба под угрозой, поскольку «совершается... разделение России на два непримиримых лагеря», а «линия гражданской войны прошла через сердце демократии»⁵⁷⁵.

Что касается речи председателя Собрания В. М. Чернова, то ее лучше всего характеризуют слова М. Вишняка, секретаря Учредительного собрания и соратника Чернова по ПСР: «Она была выдержана в социалистических и интернационалистических тонах и как бы пыталась быть созвучной и левому крылу собрания. Точно оратор стремился в чем-то заверить или переубедить противников, вместо того, чтобы возможно резче отмежеваться от них и противопоставить им себя, как символ всероссийского народовластия. Это было не то, что могло хоть сколько-нибудь импонировать, задать тон, удовлетворить требованиям и ожиданиям исторического момента... Он утверждал, что «страна показала небывалое в истории желание социализма»; что... «уже самым

⁵⁷⁰ НИОР РГБ. Ф. 225. К. 1. Д. 65. Л. 42.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 455.

⁵⁷³ Церетели И. Г. Кризис власти / предисл. К. Гусева. М.: Луч, 1992.

С. 4–5.

⁵⁷⁴ Там же.

⁵⁷⁵ URL: <http://ros-istor.ru/node/318>

фактом открытия первого заседания Учредительного собрания провозглашается конец гражданской войны между народами, населяющими Россию»⁵⁷⁶. Соратники по партии эсеров дружно согласились, что «со всем не такой следовало быть этой речи»⁵⁷⁷.

Однако вся эта критика не означала, что социалисты – соратники по борьбе за демократию в России обвиняли Чернова в крахе Учредительного собрания. По словам Керенского, Чернов «был смелым человеком и... его не запугали ружья, нацеленные на него пьяными, ошалевшими от ненависти солдатами и матросами Ленина»⁵⁷⁸, но у него, как и у других стойких демократических деятелей, произошел некий паралич воли, объясняемый массовым страхом перед гражданской войной и тем, что вплоть до 6 января 1918 г. большевиков считали «не более чем представителями крайне левого крыла социал-демократов»⁵⁷⁹. Глубоко укоренившееся в сознании демократов убеждение в том, что «врагов слева» не бывает, что «свободу не могут затоптать люди, объявившие себя представителями пролетариата» направляло ожидание опасности для демократических начинаний России в противоположную от большевиков сторону – в сторону «буржуазии», «контрреволюционеров, сплотившихся вокруг атамана Каледина в Донской области»⁵⁸⁰.

«Стенографический отчет единственного заседания Всероссийского Учредительного собрания отмечает кратко и сдержанно: “Шум слева. Голоса: “Долой”. “Самозванец”. Продолжительный шум и свист слева”. На самом деле было много ужаснее, гнуснее и томительнее, – рассказывал М. Вишняк. – С выкриками и свистом слились вой и улюлюканье, топание, хлопанье попитрами и по попитрам. Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бес-

⁵⁷⁶ Вишняк М. В. Указ. соч. URL: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly?directory=29>

⁵⁷⁷ Цит. по: Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории. М.: Центрполиграф, 2006. С. 455–456.

⁵⁷⁸ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 456.

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Там же.

новатых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращенные в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, здесь и пытали: горе побежденным!»⁵⁸¹.

Выше говорилось о критике, которая раздавалась в адрес ряда избранных депутатов, не явившихся на форум «из соображений безопасности». Были и исключения. Так, А. Р. Гоц, являвшийся, согласно дружному мнению самых разных членов ПСР, бывший «замечательным, исключительно хорошим человеком в самом глубоком и лучшем смысле этого слова»⁵⁸², не побоялся прийти на открытие Собрания, несмотря на большевистский приказ об аресте за участие в юнкерском восстании⁵⁸³. Гоц пользовался не только политическим авторитетом, но подлинной любовью как среди эсеров (исключая, впрочем, левых, которые на заседании Учредительного собрания вместе с большевиками иступленно кричали «Долой Гоца!» и т.п.). По свидетельству умеренных социалистов, он был едва ли не наиболее ответственным представителем и выразителем мнений ПСР того времени, чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, как уже было сказано, личные, человеческие качества Гоца, его незлобность, бескорыстие, обаяние делали его популярным среди товарищей. Во-вторых, в 1917 г. «Гоц по своим взглядам был одинаково далек от обоих «крайних» флангов», и «в качестве “центральной” фигуры ему легче было находить “средние” решения путем иногда чисто словесного примирения противоречий»⁵⁸⁴. Немалую роль играли и крепкие дружеские связи Гоца с меньшевистской верхушкой – И. Г. Церетели, Ф. И. Даном, М. И. Либбером, Войтинским, установившиеся под влиянием схожих взглядов на войну и совместной работы в одной газете, еще в сибирской ссылке. Таким образом, в 1917 г. А. Р. Гоц был связующим звеном между умеренными марксистами и народниками-демократами.

Керенский А. Ф. с горечью констатировал: «Открытие Учредительного собрания завершилось трагическим фарсом. Ничего из происходившего там не позволяет назвать его последним достойным памяти сражением в защиту свободы»⁵⁸⁵.

⁵⁸¹ Вишняк М. В. Созыв и разгон Учредительного собрания [Электронный ресурс]. URL: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly?directory=29>

⁵⁸² Вишняк М. В. Встречи с А. Р. Гоцем // За свободу. 1947. № 18. С. 136 – 143.

⁵⁸³ Там же. С. 141.

⁵⁸⁴ Там же. С. 140.

⁵⁸⁵ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 453 – 455.

5.2. АНАЛИЗ ОШИБОК И ПЕРСПЕКТИВ

Вишняк М. В. впоследствии посвятил немало публицистических страниц анализу этого первого опыта российского народовластия. Так, вместе с В. М. Черновым он подписал составленное И. Н. Коварским «Письмо в деревню», в котором содержался призыв к длительной борьбе за Учредительное собрание, подготовил стенографический отчет заседания, наладил выпуск газеты «Учредительное собрание», редактировал сборник «Народовластие», речь о котором пойдет ниже, и написал ряд статей, где отстаивал Учредительное собрание как наилучшую форму народовластия⁵⁸⁶. В разгоне Учредительного собрания Вишняк увидел две положительные стороны: этот акт, во-первых, закрепил расстановку общественных сил и тем самым прояснил общую политическую обстановку, а во-вторых – «отчасти послужил сплочению эсеровских рядов, так как отпали разногласия относительно того, был ли Октябрь просто авантюрой или началом гражданской войны»⁵⁸⁷. «...Все эсеры, кроме т.н. левых, – стали одинаково расценивать большевизм как контрреволюцию, которая отвергла то, что лежало в основе Февральской революции, и на место народной воли поставила свою партийную, объективно враждебную стране и народу»⁵⁸⁸, – заключал Вишняк. Партия еще продолжала пользоваться термином «революционная демократия», но логическое и политическое ударение все явственнее падало на слово «демократия», на необходимость «крайнего напряжения сил всего народа, подъема национального самосознания и концентрации народных сил вокруг задачи спасения родины и революции»⁵⁸⁹. Так значилось в «Тезисах», одобренных Бюро фракции членов Учредительного собрания совместно с ЦК партии социалистов-революционеров⁵⁹⁰. Роковые для русской демократии события 5–6 января 1918 г. позволили антибольшевистским силам, наконец, прозреть и ясно увидеть подлинную политическую ситуацию, уточнить свои политические приоритеты, которые теперь переключались с борьбы против «контрреволюции» на борьбу против «пожирателей революции» – большевиков. В январе–феврале 1918 г. ЦК вместе с бюро фракции Учредительного собрания наметил издание пропаган-

⁵⁸⁶ Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 70.

⁵⁸⁷ Вишняк М. В. Судьба Учредительного собрания // Народовластие: сб. 1.– М., 1918. С. 21.

⁵⁸⁸ Там же. С. 22.

⁵⁸⁹ Там же. С. 26.

⁵⁹⁰ Там же.

дистских материалов, включая книгу об Учредительном собрании⁵⁹¹. Одним из проявлений идейной борьбы среди социалистов стало «Народовластие» – цикл одноименных сборников статей о русской революции 1917–1918. Все три выпуска «Народовластия» вышли в 1918 г. в Москве. В отличие от других тематически близких оппозиционных сборников (в 1918 г. вышли сборники публицистических статей «Народ и армия», «Год русской революции», «Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота», «Октябрьский переворот» и др.), это было официальное издание ПСР. В его подзаголовке значилось: «Сборник статей членов Учредительного собрания фракции социалистов-революционеров».

В «Народовластии» наряду с политической публицистикой помещены информационные материалы в помощь местным партийным комитетам. Но главное – в нем проявился широкий спектр социологических, политических, экономических взглядов эсеров, от идеологов «оборончества» (Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, М. В. Вишняк, В. В. Руднев, В. М. Зензинов, Е. А. Сталинский) до покинувших вскоре партию и ставших лояльными советской власти (А. Б. Ельшевич, Н. Д. Кондратьев, Н. П. Огановский, Н. В. Святицкий, Б. Н. Черненко).

Перед апологетами идеи встал вопрос: «старое» или «новое» Учредительное собрание? Разочарование, связанное с его бессилием, поставило под сомнение правомочность избранного состава. Мнения публицистов на этот счет разошлись. Святицкий Н. В., статистически опровергая суждения, будто Учредительное собрание не может быть полновластным как по причине недостатков состава, так и по незавершенности самих выборов, высказывался в пользу «старого»⁵⁹². Вишняк М., напротив, высказывался за новые выборы и пересмотр избирательного закона, который должен был перераспределить избирательные округа, уже в силу федерализации России и исчезновения фронтов и флотов⁵⁹³.

Вопрос о характере будущей власти в «Народовластии» не ставился, передаваясь, по эсеровской традиции, усмотрению Учредительного собрания. Авксентьеву Н. Д. он вообще представлялся второстепенным: лучше власть коалиционная, чем однородная. Но повторения

⁵⁹¹ Вишняк М. В. Созыв и разгон Учредительного собрания [Электронный ресурс]. URL: <http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/1969-convening-and-dispersal-of-the-constituent-assembly?directory=29>

⁵⁹² Святицкий Н. В. «Старое» или «новое» Учредительное собрание? // Народовластие: сб. 3. М., 1918. С. 27.

⁵⁹³ Вишняк М. В. Судьба Учредительного собрания // Народовластие: сб. 1. М., 1918. С. 8.

прежней коалиции быть не должно, так как в ней не было единого правительства, а была группа людей из разных партий⁵⁹⁴, не имевшая ни твердой опоры, ни широкой поддержки.

Мы видим, что весьма трезвомыслящие политики и идеологи в первые месяцы 1918 г. еще не считали дело Учредительного собрания бесповоротно проигранным. Возможно, поэтому они пытались, с расчетом на будущее, скрупулезно проанализировать изъяны прошедшей предвыборной кампании, состава и поведения ассамблеи.

В своих дальнейших работах, анализируя прошлые свои политические ошибки, демократические социалисты (в особенности эсеры и меньшевики) едва ли не главной причиной своего поражения называли слабость, незрелость, несформированность тех общественных сил, на которые могла опереться социалистическая демократия в России⁵⁹⁵.

Вскоре после роспуска Учредительного собрания В. М. Чернов написал очень интересную статью под названием «Охлос и демос», в котором изложил свои наблюдения за изменением настроений общества под влиянием происходивших событий и тех, кто «режиссировал» их. Уже отмечалось, какие жестокие разочарования в «народе» приходилось испытывать тем, кто обожал его заочно и вдруг, столкнувшись с ним непосредственно, да еще и в критических обстоятельствах, испытывал шок от того, что «демос» оказывался «плебсом». Чернов сравнивает «публику», находившуюся на хорах Таврического дворца и толпившуюся в его коридорах, дверях и проходах («охлос», «люди», «шумная, пестрая, беспорядочная “улица”»), и таких же рабочих, солдат и матросов в рядах демонстрантов в честь Учредительного собрания и несколькими днями позже – провожающих на Преображенское кладбище гробы убитых товарищей («демос»), проявивших в минуты смертельной опасности и скорби огромную выдержку и самодисциплину. Итак, люди примерно одного достатка, простого происхождения, но колоссальная разница в психологии, поведении: «с одной стороны – демос, народ, как стройное единство, проникнутое единым сознанием, единой волей и высоко развитой дисциплиной. С другой – охлос – толпа, улица, чернь, разнуздавшая свои инстинкты, давшая волю своим страстям, бушующим грубо и дико, как элементарная, слепая стихия»⁵⁹⁶. Народ-демос, как любили говорить народники, это «совокупность трудящихся классов». Народ-«охлос» намного пестрее, это люмпен-пролетариат без определенных занятий, без «правильных» средств

⁵⁹⁴ Авксентьев Н. Д. Национальная власть // Народовластие: сб. 1. М., 1918. С. 13.

⁵⁹⁵ См.: Суслов А. Ю. Указ. соч. С. 13.

⁵⁹⁶ Цит. по: Гусев К. В. Указ. соч. С. 114 – 116.

к существованию, бродяги, босяки – беспокойная, озлобленная, пестрая масса. В этой среде «создалась уже привычка к неопределенному, к непрочности существования, отвычка от правильной работы, от трудовой дисциплины. Наряду с люмпен-пролетариями, духовно сродни им, заводятся люмпен-торговцы, люмпен-ремесленники, люмпен-спекулянты»⁵⁹⁷. В трагические минуты разрушения общественной системы именно ему обычно вольготно и морально хорошо. Подобные элементы в свое время были надежным социальным подспорьем для черносотенной агитации, погромов и прочих антиобщественных акций. Переход из лагеря в лагерь, шарахание из крайности в крайность – их естественное состояние (всем известно, что крайности сходятся). «Плебейская» патетика никуда не исчезает – «бей», «громи», «круши», «долой» – не столь важно кого, важно настроение и азарт разрушительного действия. «Охлос и интеллигенция» – два противоположных полюса» – говорит Чернов. – Если народ, демос тянется к интеллигенции и ценит ее, то чернь, охлос ей завидует, ей недоброжелательствует, и одновременно... презирает ее «чистоплюйство». Черты духовной утонченности, неразлучные с интеллигенцией, внутренне противны охлосу: он их психологически не переваривает. Примитивизм и глубокая стихийность – вот его интимнейшая сердцевина»⁵⁹⁸. «Тремя китами» охлократического образа правления эсеровский идеолог назвал «неработающих рабочих, сухопутных матросов и невоюющих солдат»⁵⁹⁹. Чернова и его единомышленников ужасает «красное хулиганство», мародерство, воровство и грабежи, многократно усилившиеся после взятия Зимнего, атмосфера грубого произвола, отсутствия всякой дисциплины, царство распушенности и разнузданности – дикая картина полной аномии, живописать которую натуралистичнее, чем это было на самом деле в первые советские годы, пожалуй, невозможно. Что интересно: мировая война вызвала большие бедствия, людские и хозяйственные потери, но население России с готовностью следовало призывам Временного правительства к самоограничению, терпению, хотя без эксцессов, конечно, обойтись не могло. С триумфом «безотцовщины», как многие в народе именовали большевистскую власть и «низы», активно приветствовавшие ее, всякое подобие общественного порядка исчезло, и жизнь стала попросту страшной...

Сохранились в немалом количестве документы, иллюстрирующие отношение провинциальных партийных организаций к основным событиям описываемой эпохи. Так, Поволжский Областной комитет

⁵⁹⁷ Цит. по: Там же. С. 120.

⁵⁹⁸ Цит. по: Там же. С. 121.

⁵⁹⁹ См.: Там же. С. 125.

ПСР 30 июня 1918 г. выпустил воззвание, сопровождаемое призывами: «Долой палачей, долой Гражданскую войну, да здравствует Учредительное собрание!» В документе говорилось, что глава большевиков «самодержавный Ленин за это время (8 месяцев – *О. П.*) пролил больше крови, чем его предшественник Николай II; оба они поистине достойны позорной клички “кровавый”». Поволжские правые эсеры возмущались, что оба «тирана» готовы удерживать власть «ценою любого предательства, преступления против народа, оба беспощадны к внутреннему врагу – русскому народу»⁶⁰⁰, который, вопреки обещаниям, не получил ни мира, ни хлеба, ни воли. «Никогда еще не было в стране такого голода, безработицы, бестоварья и дороговизны, никогда раньше Россия не была так поругана и разбита врагами, как в правление «шутов в кровавых колпаках» – Ленина, Троцкого, Зиновьева, Крыленко, Володарского и других»⁶⁰¹. Эсеры горько сетовали на легковере российских рабочих, поверивших в то, что большевики – и есть защитники их классовых интересов, и стерпевших от них разгон Учредительного собрания, «за созыв которого боролся ряд поколений сознательного пролетариата»⁶⁰², расстрелы и беззаконие, закрытие рабочих газет. Крестьяне, «которых полгода назад Ленин учил: грабь награбленное»⁶⁰³, были обмануты еще хуже: земля, забранная у помещиков, так и не была справедливо распределена властью. «В дополнение ко всем деревенским неурядицам рыскают по деревне красноармейцы, которые должны вооруженной рукой отбирать у крестьян хлеб без всякого порядка, без предварительного расчета. И льется по деревням кровь русского народа, и грабят вконец крестьянина, ибо заодно с хлебом тащат красноармейцы и утварь, и самовары, и деньги. Так обманули большевики всех»⁶⁰⁴. Воззвание заключалось словами о том, что социалистам-революционерам одинаково ненавистна всякая власть, живущая насилием, смертными казнями, грабежами, подкупам, «будь то Союз русского народа во главе с Николаем II или коммунистическая партия с Лениным и Троцким наверху»⁶⁰⁵. Власть должен получить единственный ее законный обладатель – народ, и получить через всенародно избранное Учредительное собрание, которое закрепит за трудящимися завоеванные революцией землю и волю. Эсеры требовали восстановления органов местного самоуправления, распущенных

⁶⁰⁰ ГАВО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 3. Л. 276.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Там же. Л. 277.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 278.

новой властью, свободы слова и печати, а также уничтожения «позорного Брестского мира, разорвавшего Российскую республику и отдавшего Россию в руки немцев, мира, создавшего войну всех против всех и вместе с ней голод и безработицу»⁶⁰⁶.

В 1920 году Чернов написал открытое письмо руководителю Советской России Ленину, в котором отразилось отношение его самого и эсеровской партии к большевикам и их политике. Там, в частности, были такие слова: «Милостивый государь Владимир Ильич! Для Вас давно не тайна, что громадное большинство Ваших сотрудников и помощников пользуется незавидной репутацией среди населения; ...их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны провозглашать... Великого дела нельзя делать грязными руками.... В грязных руках твердая власть становится деспотизмом, закон – удавной петлицей, строгая справедливость – бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу – каторжной работой, правда – ложью...»⁶⁰⁷. Чернов указывал Ленину на его ценные качества: скромность в быту, нестяжательство, однако упрекал в предательстве народного доверия, политических подлогах, человеческой черствости, «которой позавидовал бы любой выродок из уголовного мира»⁶⁰⁸, следовательно, аморализме. В доказательство этой характеристики Чернов приводил «два черных и грязных дела – расстрел 5 января 1918 г. мирной уличной манифестации петроградских рабочих и разгон Учредительного собрания»⁶⁰⁹, а также открытие фронта немецким войскам. В ситуации с Учредительным собранием Чернов сравнивал Ленина с вором, который, чтобы не быть пойманным, бежит и кричит «Держи вора»: большевики громче всех кричали о затягивании созыва форума, о пороках избирательной кампании, а затем явились акторами срыва его работы.

Итак, первый опыт народовластия в России провалился. Идея Учредительного собрания еще довольно долго витала и в годы Гражданской войны, в программах белогвардейских правительств, и впоследствии, когда многие общественные и политические деятели – антибольшевики оказались в эмиграции. Но вряд ли они сами к этому относились всерьез. Понимая, хотя и не желая в это верить, что большевики прочно закрепились у власти, бывшие эсеры, кадеты, октябристы

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920 – 1941 / публ., вступ. сл., подг. текста и коммент. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2014. 412 с. С. 11 – 13.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Там же.

и прочие испытывали ностальгию по прошлой активной интеллектуальной и гражданской жизни, когда лозунг Учредительного собрания нес им веру в свободную, демократическую и великую Россию.

Далеко не каждому из депутатов Всероссийского Учредительного собрания довелось дожить до старости и умереть естественной смертью. В Гражданской войне погиб примерно каждый десятый учредитель. Свыше ста человек ушло в эмиграцию – почти все кадеты и многие эсеры и меньшевики. У тех, кто остался, по своей воле или в силу жизненных обстоятельств, в Советской России, не приняв большевистского режима, кратковременное пребывание на свободе чередовалось с тюрьмами и ссылками. Другие, проявившие хотя бы видимую лояльность советской власти, заняли более или менее видные посты в новой политической элите, однако лишь единицы их пережили 1937 г. По неполным данным, в сталинских тюрьмах и лагерях погибли не менее 60 эсеров, 16 прочих социалистов, шесть либералов. Большой удельный вес физически уничтоженных был и среди большевистской фракции Учредительного собрания: по меньшей мере 62 депутата-большевика погибли насильственной смертью, главным образом от рук представителей сталинских спецслужб⁶¹⁰.

Теперь не вызывает сомнения, что гибель Учредительного собрания – не только и не столько результат воздействия грубой силы большевиков, но прежде всего – результат человеческого состава этого форума, фракционной непримиримости его депутатов, следствие отсутствия внутреннего единства демократов, их политического опыта и воли к власти. В отсутствии гражданского мужества их вряд ли правомерно упрекать: за политические просчеты их наказала как история, так и они себя сами, в течение последовавших десятилетий непрерывно проводя интеллектуальную работу над своими ошибками. На закате жизни российские социалисты-демократы, прожившие к тому времени более трех десятков лет в эмиграции, признали утратившими актуальность противоречия, некогда разделявшие их партии и раздиравшие внутрипартийную целостность, но к тому времени возможность применить мудрость, опыт, идейную согласованность и толерантность в практической деятельности на родине для них, увы, была утрачена навсегда.

⁶¹⁰ <http://ros-istor.ru/node/318>

Глава 6

РУССКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1920-х годов: ДИСКУССИИ О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ВОЗВРАЩЕНИИ В РОССИЮ

6.1 «ДОСАДНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ»: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ РОССИИ

Приход большевиков к власти был воспринят современниками как явление, «помазанное народным безумием», событие парадоксальное, случайное и преходящее – словом, досадное недоразумение. Суханов Н. Н. упоминает, что 26 октября Н. Д. Авксентьев, В. Д. Набоков и А. В. Пешехонов от президиума Предпарламента посетили британского посла Джорджа Бьюкенена с извинениями на случившуюся «неприятность»⁶¹¹. Октябрьский переворот даже с точки зрения последовательного, классического марксизма никак не тянул на «звание» социалистической революции: в России не созрели ни экономические предпосылки, ни людские ресурсы для установления диктатуры пролетариата. Поэтому переворот дружно оценивался оппонентами большевиков лишь как незаконный захват власти. В длительность своего пребывания у государственного руля первое время не верили и сами большевистские руководители, подчеркивавшие характер своих мероприятий как временный – до утверждения Учредительным собранием. Ни до прихода к власти, ни сразу после Октябрьского переворота они не задумывались над тем, какой будет система управления в стране «победившего социализма», будет ли Советская Россия многопартийным или однопартийным государством. Однако логика взятого ими курса на тотальный революционный переворот, уничтожение рынка и «формальной» демократии, помноженные на идеологическую нетерпимость и огромное властолюбие, очень скоро толкнули большевиков к осознанию необходимости строительства государства однопартийного типа.

Нетерпимым для нового режима был не только сам факт существования рядом с ним других политических образований, но и, то ко-

⁶¹¹ См.: Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3, кн. 7. М., 1992. С. 347.

ренное различие, которое существовало между большевиками и демократическими социалистами по таким базовым вопросам, как «революция», «демократия», «диктатура пролетариата» и пр. В отличие от большевиков, современная им российская и западноевропейская социал-демократическая мысль представляла себе переход к социализму как результат эволюции капитализма при сохранении рынка и демократии⁶¹², причем демократические достижения предшествующей формации не дезавуировались.

Изменились возможности политических партий, причем довольно быстро и в худшую сторону, хотя не сразу все смогли это осознать. Вспоминая прежние упреки в адрес народных социалистов за их неприменное желание вести исключительно открытую деятельность, А. В. Пешехонов сразу после Октябрьского переворота писал: «Сейчас... нетрудно предвидеть, что за место на открытой арене некоторым социалистическим партиям – в частности, может быть, и с.-р., – придется... вести борьбу. Сейчас от большевиков приходится отбиваться, а потом – кто знает, какие еще силы возьмут перевес в русской жизни. Признаюсь, меня лично пугает склонность и готовность некоторых деятелей партии с.р. вновь уйти в подполье. Психологически это, конечно, понятно, но политически – это чрезвычайно опасно, это значило бы поступиться одним из важнейших завоеваний революции. Как ни тяжелы сейчас условия и как бы ни ухудшились они в дальнейшем, социалистические партии должны изо всех сил отстаивать свое право на открытое существование»⁶¹³. Вскоре, однако, стало понятно, что даже сама постановка вопроса о выборе формы деятельности меньшевистских партий лишь умозрительна.

Павлов Д. отмечает, что на первых порах ряд обстоятельств заставлял большевиков прибегать в борьбе с «инакомыслящими» социалистами к некоторой осторожности и деликатности. Так, например, приходилось считаться с общностью происхождения и основ идеологии (в первую очередь это касалось меньшевиков), длительными личными либо родственными связями, многолетним опытом совместной подпольной деятельности, а также меньшевистским прошлым целого ряда видных новых руководителей, ставших большевиками относительно недавно (Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, С. М. Киров, Г. В. Чичерин и др.). Нельзя было сбрасывать со счетов и популярность социалистов, особенно эсеров, в демократических слоях, их заслуги и международный авторитет. Благодаря этому все основные со-

⁶¹² Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 3–4.

⁶¹³ Русское богатство. 1917. № 11–12. С. 330.

циалистические партии (левые и правые эсеры, меньшевики, эсеры-максималисты) просуществовали до конца гражданской войны⁶¹⁴. Их окончательное истребление произошло в середине 1920-х гг., хотя как течение общественной мысли небольшевистский социализм исчез в СССР лишь во времена «большого террора» второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. одновременно с физическим уничтожением ее лидеров и идеологов⁶¹⁵. В социалистической оппозиции правящей партии виделась гораздо большая опасность, чем в возрождении «белой альтернативы», так как основания бояться синтеза опыта революционных партий и недовольства различных общественных слоев в 1921–22 гг.⁶¹⁶ были еще довольно серьезны.

Несмотря на условную «терпимость» еще недостаточно окрепшей власти к социалистам-небольшевикам, последним фактически с первых послеоктябрьских месяцев была отведена роль внутренних эмигрантов. Они находились под подозрением, подвергались обыскам и арестам. При этом у них сразу появилась возможность сравнить и характер правосудия, и условия содержания заключенных в большевистских и царских тюрьмах. Емельянов Ю. рассказывает о С. П. Мельгунове: «Вспоминая о тех днях и делаясь впечатлениями с бывшими политическими заключенными, он с грустью писал о царской тюрьме, о которой политическим заключенным теперь остается вспоминать почти с радостным чувством»⁶¹⁷. Сам Мельгунов с осени 1918 г. буквально кочевал из тюрьмы на свободу и обратно, причем спасало его исключительно вмешательство «ручавшихся за него» влиятельных лиц: Дауге, Бонч-Бруевича, Подбельского, Короленко, Кропоткина, Фигнер и других. Мельгунов арестовывался хотя бы «за политику», а вот А. В. Пешехонов в августе 1918 г. попал в «чеку» «по недоразумению», будучи арестован на своей московской даче, неподалеку от которой накануне произошел взрыв. Уже в эмиграции Пешехонов поделился впечатлениями о пребывании в советской тюрьме. По его словам, в общей камере на нарах помещалось около 60 человек; в некоторые дни число несчастных достигало 150. Главным занятием заключенных была ловля насекомых, водившихся в антисанитарных условиях «без числа». Каждый старался выяснить или догадаться, за что же он попал: большинство пребывало в безвестности относительно характера своего «преступления». Публика была самая разношерстная, и, по мнению Пешехонова, с таким же успехом можно было бы наобум на-

⁶¹⁴ Павлов Д. Б. Указ. соч. С. 4–5.

⁶¹⁵ Там же. С. 6.

⁶¹⁶ Сулов А. Ю. Указ. соч. С. 25.

⁶¹⁷ Емельянов Ю. Н. Указ. соч. С. 52.

брать сотню-другую на улице – процент действительных контрреволюционеров и спекулянтов оказался бы примерно тем же. Среди узников «чеки» заметно выделялись из общей массы большевики, державшие себя очень развязно и нахально. Почти все они обвинялись в преступлениях по должности – совершали мелкие мошенничества на своих постах, и представители этой категории были уверены, что им-то ничего не грозит в силу их привилегированной партийной принадлежности. Бытовые условия советской тюрьмы были отвратительны⁶¹⁸. Пешехонов был освобожден из тюрьмы после трехнедельной отсидки по ходатайству Демьяна Бедного.

Таких примеров можно привести много. Арестовывались в качестве «заложников» родственники опасных для большевизма политических фигур: так, была арестована жена В. М. Чернова О. Е. Колбасина с тремя дочерьми, младшей из которых было 10 лет⁶¹⁹. Чернов, находившийся в то время на нелегальном положении, написал открытое письмо Ленину, и тот поспешил освободить арестанток, дабы «прекратить этот отвратительный скандал, который могут использовать за границей в раздувании антибольшевистской пропаганды»⁶²⁰.

С учетом сложившейся обстановки правые народники хотели создать такую организацию, члены которой не связывали бы себя официальной партийной принадлежностью, но в то же время осведомляли ЦК о положении дел. Была выдвинута инициатива создания «внепартийной организации, в которую могли бы входить люди разных партий, объединенные общностью взглядов на основную задачу данного момента и признающие необходимость совместной работы для разрешения этой задачи»⁶²¹. Так в апреле 1918 г. возник Союз Возрождения России, возглавленный В. А. Мякотиным. Организация, в которую вошли эсеры, энесы, кадеты, ставила своей задачей воссоздание русской государственности, воссоединение с Россией насильственно отторгнутых от нее областей и защиту от внешних врагов. При обсуждении в мае 1918 г. в центральной организации Союза Возрождения России вопроса о власти энесы вместе с эсерами высказались против кадетской идеи введения единоличной диктатуры в постбольшевистской России, за создание коллегиального управления страной типа директо-

⁶¹⁸ На чужой стороне. Берлин, 1923. № 2. С. 210–211.

⁶¹⁹ Воля России. 1920. 13 сентября.

⁶²⁰ «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920 – 1941 / публ., вступ. сл., подг. текста и коммент. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2014. С. 288.

⁶²¹ Мякотин В. А. Из недалекого прошлого // На чужой стороне. Берлин, 1923. № 2. С. 180.

рии на многопартийной основе. При директории предполагалось создать «деловое министерство», на таком разделении верховной и исполнительной власти настаивали, в частности, участники совещания, занимавшие прежде посты во Временном правительстве⁶²².

Действовать предполагалось в тесном согласии с союзниками России, путем объединения «государственно мыслящих и демократически настроенных элементов русского общества», в перспективе видя складывание широкого народного движения. Однако белое движение, с которым приходилось тесно соприкасаться (если не участвовать) правым социалистам, приносило разочарований больше, чем надежд. Например, А. В. Пешехонов, находясь в 1918 – 20 гг. на территории, подвластной А. И. Деникину, был представителем Союза Возрождения в деникинской армии⁶²³ и, по его собственным словам, имел возможность хорошо присмотреться к добровольческому режиму. Народнику довелось наблюдать и развал деникинского фронта, и он отмечал при этом «почти полное отсутствие энергии и творчества, разгильдяйство, хищения и т.д.». 20 января 1919 г. на совещании четырех организаций по вопросу о характере власти Пешехонов заявил, что не столь актуально заниматься вопросом о местной власти, сколь важно обсудить, как объединить Дон, Кубань, Крым и Юго-Запад России. Межпартийные разногласия, которыми были заняты принадлежавшие к разным организациям и течениям социалисты и несоциалисты, Пешехонова тоже не занимали. «Я в отчаянии, – писал об этом совещании в своих воспоминаниях М.С. Маргулиес. – Да ведь пока вы будете объединять Дон с Кубанью да Крым с Кавказом, нас съедят большевики»⁶²⁴. Главной причиной властной немощи на юге России, по мнению многих, в том числе сочувствовавших, были крайняя пестрота антибольшевистских сил, взаимное недоверие и непонимание, «совершенная невозможность спаять что-либо из этой разнокалиберщины»⁶²⁵. Возможность открытия иных, настоящих группировок сил представлялась все более эфемерной. Подобные процессы происходили и в других центрах белых правительств.

«Совесть русской интеллигенции» В. Г. Короленко писал Пешехонову из Полтавы: «Наш народ до такой степени лишен политических приемов, что может действовать только по указке правительств-

⁶²² Цит. по: Лосева А. В. Указ. дис. С. 165, 167.

⁶²³ См.: Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 250.

⁶²⁴ Маргулиес М. С. Год интервенции. Летопись революции. 1923. № 11. Кн. 1. С. 168.

⁶²⁵ ОР РНБ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 862. Л. 3.

ва»⁶²⁶. В последнем письме от 12 августа 1921 г., незадолго до своей смерти, Владимир Галактионович сетовал, что большевики, нейтрализовав своими преследованиями наиболее активную и просвещенную часть населения России – интеллигенцию, тормозя хозяйственную инициативу самой трудолюбивой части русского народа – крестьянства, – за три года своего правления успели убить энергию русского народа. Те же из ранее общественно активных людей, кто хотел остаться на родине и даже искренне намеревался отстраниться от политики, все равно находились «под колпаком», вызывая у власти и начальства подозрение, недоверие, терпя придирки и подвергаясь преследованиям. Однако ряд деятелей (среди них наиболее известен А. В. Пешехонов) готовы были мириться с этим, превратившись в обывателей, лишь бы не покидать родины и продолжать служить ей.

Ведь если первые годы советской власти у подавляющего числа оставшихся на родине демократических социалистов вызывали активный либо пассивный протест, то переход к новой экономической политике пробудил некую надежду на возможное «вразумление» большевиков реальностью и вдохновил многих из них возобновить или начать деятельность в качестве специалистов в области хозяйства и управления. В нэпе им виделась надежда на то, что дело демократии в России не умерло. К тому же для них, людей образованных и деятельных, роль созерцателей была непривычна и перестала их удовлетворять, тем более что для планомерной, конструктивной работы в области государственного строительства, развития экономики, социальной сферы у большевиков катастрофически не хватало собственных кадров. В 1917 – 19 годах Н. В. Валентинов, внимательно следя за лидером большевиков и его государственной деятельностью, не находил в ней ничего созидательного, считал бессмысленным «почти все, что тогда делалось»⁶²⁷. Валентинов говорит, что сознавал невозможность для себя ужиться с новым строем и потому избегал всякого сотрудничества с этой властью (чтобы не служить ей, жил тем, что продавал книги из своей богатой библиотеки)⁶²⁸. Отношение его к Ленину и историческим перспективам страны стало постепенно меняться с 1921 г., с началом новой экономической политики: марксист «с радостью видел, как постепенно снимаются со страны душающие ее обручи военного коммунизма»⁶²⁹. На взгляд Валентинова, Ленин был уже не тот,

⁶²⁶ НИОР РГБ. Ф. 225. К. 3. Д. 49. Л. 9.

⁶²⁷ Валентинов Н. В. Новая экономическая политика и кризис власти после смерти Ленина. М.: ТЕРРА, 1991. С. 71.

⁶²⁸ Там же. С. 28–29.

⁶²⁹ Там же.

что бросал массам лозунг «Грaбь нагрaбленное!», звал «на всех парaх нестиcь к социaлизму» и «поголовно всем по очереди управлять госудaрством»⁶³⁰. Видя, что нэп встречает ожесточенное сопротивление в партии и вождь большевиков мужественно и энергично, даже грозя отставкой, это сопротивление преодолевает, Валентинов, почувствовав к Ленину отголоски былой симпатии, «стал искренне жалеть его»⁶³¹. «В 1921 году Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший в четыре года грандиозный опыт социально-экономического строительства, проверивший в нем социалистические схемы, освободившийся от множества иллюзий и, с высоты правителя-диктатора России, познавший и увидевший то, чего прежде не знал, чего совсем не понимал...»⁶³², – отмечал Валентинов. Ленин однажды в свойственной ему резкой форме заявил, что простейшее средство привлечь специалистов на сторону коммунистической власти и заставить их хорошо работать – «купить их за деньги», как это «всегда делали капиталисты»⁶³³. Один из специалистов, профессор Воронежского сельскохозяйственного института М. П. Дукельский, написал Ленину по этому поводу возмущенное письмо, где, в частности, говорилось, что для использования специалистов нужно научиться уважать их как людей, но не покупать как «нужный до поры до времени живой и мертвый инвентарь»⁶³⁴. Специалист работает не ради животного благополучия; он «не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества, ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его не оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди окружающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 года»⁶³⁵. Как ни странно, Ленин эту критику воспринял, можно сказать, вполне благодушно, вызывал Дукельского в Москву для конструктивного разговора и даже поблагодарил за указание на политическую и психологическую ошибку большевиков в подходе к вопросу о специалистах⁶³⁶. Однако власть, несмотря на видимость смягчения, оставалась очень и очень избирательной по отношению к своим явным и скрытым оппонентам из числа социалистов.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ Там же.

⁶³² Там же.

⁶³³ Там же. С. 58.

⁶³⁴ URL: <http://www.famhist.ru/famhist/lisenko/00155b67.htm#0000641b.htm>

⁶³⁵ Там же.

⁶³⁶ Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 59.

С началом нэпа в Москве и Петрограде началась подготовка списков на высылку из Советской России «неблагонадежных», «нежелательных элементов». В августе 1922 года из России административным решением была выслана большая группа писателей, ученых, деятелей культуры. Был нанесен удар и кооперативному движению, хотя накануне было объявлено о всемерном содействии ему и брошены лозунг: «социализм – это строй цивилизованных кооператоров»⁶³⁷. Высылались даже те, чье молчание могло послужить упреком новой власти. В число высылаемых были включены руководители и члены правления товарищества «Задруга», в чьих типографиях было выпущено много пропагандистской и общественно-публицистической литературы. Эту акцию предваряло данное Лениным в феврале 1922 г. указание о массовой проверке (с участием ВЧК) контрреволюционных издательств, периодических изданий, их сотрудников и авторов⁶³⁸. Среди высланных сотрудников «Задруги» были А. Ф. Изюмов, А. А. Кизевтер, С. П. Мельгунов, П. Е. Степанова-Мельгунова, В. А. Мякотин, В. С. Озерецковский, М. А. Осоргин, Т. И. Полнер, А. В. Пешехонов, В. А. Розенберг, А. А. Титов и другие – всего 18 человек. Их высокий профессионализм позволил в дальнейшем, в эмиграции, сразу активно и успешно заняться публицистической и издательской деятельностью. В отношении некоторых (Пешехонов, Мельгунов, Мякотин и др.) решение о высылке принималось «по совокупности состава преступления» – издательская деятельность в этом списке была, по сравнению с обвинениями в контрреволюции, «меньшим из зол». По свидетельству В. А. Мякотина, каждому кандидату на высылку давалась для заполнения анкета из семи вопросов, касающихся политических взглядов, отношения к советской власти и «пролетарской республике», интеллигенции, сменовеховцам, процессу эсеров, забастовке профессоров и т.д. По мнению составителей анкеты, ответы на нее должны явиться достаточным основанием для решения вопроса о высылке и наоборот⁶³⁹. Высланные «политики»полнили списки выдающихся философов, ученых, в том числе с мировыми именами, в которых советская власть также усмотрела опасность для себя. Сорокин П. А. заметил, что «рядовой уровень политической эмиграции всегда более высок, чем уровень оставшейся нации»⁶⁴⁰, и особенно справедливо это замечание по отношению в отношении русской эмиграции первой волны.

⁶³⁷ Емельянов Ю. Н. Указ. соч. С. 64.

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ Беседа с Мякотиним // Руль. Берлин. 1922. 1 октября.

⁶⁴⁰ Сорокин П. А. Современное состояние России // Новый мир. 1992.

А в паспортах у эмигрировавших по принуждению стояла отметка «expulse» – «выбрасывается», «выталкивается», «вышвыривается»⁶⁴¹.

6.2. В СТАРОМ СВЕТЕ

Итак, в начале 1920-х гг. в эмиграции оказалось множество представителей российской политико-культурной элиты, чья деятельность на родине с приходом к власти большевиков стала невозможна. По словам З. Гиппиус, русская диаспора после 1917 г. «по сути представляла собой Россию в миниатюре»⁶⁴². 28 сентября 2015 года президент России В. Путин в интервью американскому журналисту Ч. Роузу назвал русских «самой большой разделенной нацией в мире»⁶⁴³. Президент применил эти слова к настоящему времени, когда в результате распада СССР за границей в одночасье оказались 25 млн русских людей, однако по масштабам того времени трагедия истинных носителей русской культуры, вынужденных приспособиться к особенностям жизни на чужбине, была, пожалуй, ничуть не меньше. Поэтому «разделенной нацией» русские стали именно после большевистского перелома.

Общественная жизнь европейских столиц, ставших основным пристанищем новоявленных изгнанников, с их появлением сильно оживилась. Привыкшие в России к активной (легальной или нелегальной) деятельности, русские эмигранты не сразу смогли перевести свой гражданский пыл в научное, философское, публицистическое русло – это им еще предстояло сделать в будущем. Политические страсти продолжали пылать в эмигрантской среде, выражаясь в спорах, дискуссиях, публицистических баталиях, и главным пунктом этой интеллектуальной и эмоциональной борьбы стал, естественно, самый большой вопрос – о том, что происходит на родине и как к этому следует относиться.

Крупнейшими пристанищами Великой русской эмиграции стали Берлин, Прага, Париж. В этих городах образовались самые значительные колонии, жителями которых стали многочисленные известные российские деятели и культуры, оказавшиеся вдруг лишними на родине, и политики, постепенно переключившие свою активность, за неимением достойной государственной и партийной арены (жизнь в иностранной социокультурной среде они могли сравнить с «пребыванием

⁶⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 64. Л. 23.

⁶⁴² Культурология. Теория и история культуры: учебное пособие / под ред. В. Н. Добрыниной. М.: Общество «Знание» России, ЦИНО, 1996. С. 238.

⁶⁴³ URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24520051.html>

у окна»), в русло науки и публицистики. Трудности аккультурации усугублялись неопределенным правовым положением русских беженцев, лишившихся российского гражданства и далеко не сразу получивших возможность натурализоваться в других странах⁶⁴⁴. В результате возник своеобразный мир интеллектуальной России, воспроизводивший на страницах толстых ежемесячных журналов и ежедневных газет свои мысли, чувства, настроения, касавшиеся не только текущего момента, но и перспектив эмиграции, восприятия ею новой России, возможностей связи с ней.

Солидная часть русской эмиграции по своим взглядам относилась к представителям демократического социализма. В большинстве своем они откровенно ненавидели советскую власть. Первые годы их пребывания за границей прошли под знаком «переоформления» организационных принципов партий, установления новых и восстановления утраченных связей, поиска политических союзников среди европейской демократии. В самом начале 1920-х гг. создавались эмигрантские периодические издания, ставшие богатейшим историческим и литературным источником, открывающим всю палитру мыслей, чувств, убеждений, настроений русских изгнанников. Различные политические группировки издавали за границей в общей сложности более 3 тысяч наименований газет и журналов⁶⁴⁵.

Хотя русская диаспора возникла в результате политических изменений в России, русское зарубежье не сосредоточивало внимания исключительно на политических проблемах и предрассудках в отношении новой власти, утвердившейся на родине. Единственное убеждение, разделявшееся большинством эмигрантов и наиболее острое в первые их годы изгнания – общее неприятие большевистского режима, активно использовавшего террор против населения собственной страны. «Историки давали и дают объяснения и даже оправдание террору эпохи французской революции; политики находят объяснение и проклятой современности. Я не хочу давать объяснение явлению, которое, может быть, и должно быть только заклеено со стороны общественной морали и в его прошлом и в его настоящем»⁶⁴⁶, – писал С. П. Мельгунов.

⁶⁴⁴ Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев, отв. секр. А. В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 17.

⁶⁴⁵ Публицистика русского зарубежья: сб. ст. М.: Союзполиграфпром, 1999. С. 7.

⁶⁴⁶ http://modernlib.ru/books/melgunov_s/krasniy_terror_v_rossii_1918_1923/

Первые публикации, посвященные состоянию дел в Советской России, содержат довольно однотипные в эмоциональном смысле характеристики: в России катастрофа. «Население России убывает сейчас в большем количестве и быстрее, чем в какой-либо иной стране даже во время мировой войны... Если царству большевизма уготована естественная смерть, она придет, увы, по костям русского народа, а не его правителей. Большевизм, к сожалению, попробует сначала изжить до конца всю Россию, ее богатство, культуру и народ, – прежде чем кончится сам»⁶⁴⁷, – с горечью писал М.В. Вишняк. «Убога и безнадежна сейчас русская действительность. Но кто станет роптать на революцию и свободу и захочет променять новые оковы рабства на старые? Историю нельзя повернуть назад. А февральские дни все же были просветом в истории русского народа»⁶⁴⁸, – говорилось в газетной статье по поводу годовщины Февральской революции.

А вот выдержка из рукописи статьи выдающегося социолога П. А. Сорокина, сделанной в 1920 г., «Верю, Господи, помоги моему неверию»: «Не знаю... Хочу верить, что история русского народа не кончена... Понесенные потери слишком велики, чтобы можно было отмахнуться от них с легким сердцем... Первую и основную графу «расходов» составляют потери биологические. Война и революция нанесли огромный *количественный* урон русскому народу. Но... гораздо страшнее *качественный* урон населения... История любого народа творится людьми. Одно направление она принимает, когда делающие ее люди биологически и социально-политически совершенны; другое – когда они в этих отношениях дефектны... Биологически ослабленное, оно и морально деградировано. Быть может, несколько лучше положение в селах, но и там та же картина... Самоуверенный дилетантизм – худший вид невежества»⁶⁴⁹. Сорокину П. А. не внушало оптимизма умственное развитие молодого поколения эпохи военного коммунизма. По его собственным словам, в школах, клубах, на курсах, лекциях он видел только количественный прогресс, видимость ликвидации народной темноты. По мнению социолога, «лучшие представители российского народа – самые здоровые, сильные умом, совестью, волей»⁶⁵⁰ – были утрачены, погибли в мировой и гражданской войнах, от голода и болезней.

⁶⁴⁷ Вишняк М. В. Черный год. Публицистические очерки. Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1922. С. 16–17.

⁶⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-6738. Оп. 1. Д. 28. Л. 176.

⁶⁴⁹ ГА РФ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1, 4.

⁶⁵⁰ Там же.

Жизнь населения России «под условным расстрелом» сравнивалась с сумеречным состоянием между жизнью и смертью; смерть подстерегает не только активных борцов с властью и пассивных критиков власти, она вошла в домашний обиход каждого человека, став неустраняемым элементом бытового уклада. Многие новоявленные эмигранты не разделяли надежд Л. Мартова, высказанных им в интервью немецкому изданию «Freiheit» на внутреннюю эволюцию большевистского режима⁶⁵¹, его благородное перерождение и, в отличие от мартовцев, желали насильственного свержения большевиков. В 1921 году М. Вишняк призывал международную общественность оказывать не одновременную помощь голодающей России, а задуматься об устранении причин голода, т.е. той власти, которая привела к такому бедственному положению страну. «Большевизм в России прожилась дотла, растратил не только свое достояние, но и чужое; скомпрометировал не только себя, но и социализм, революцию, рабочий класс, демократию, самую Россию... Мы призываем помогать людям, – но не советским учреждениям. Народу, – но не коммунистическому строю. При полной готовности к любой работе на почве гуманитарной и краснокрестной, мы не можем и не хотим отказаться от своего духовного и морального лица»⁶⁵², – писал правозэсеровский публицист. По его словам, вся система советского режима покоится на сакраментальной идее государственной необходимости (или целевого управления), характерной для классического полицейского государства и западноевропейского общества до буржуазных революций, где «морально-политическая обязательность труда сменилась его фактической принудительностью»⁶⁵³. Вишняк как юрист возмущался тем, что советская конституция разделяет весь народ на разряды лишенных прав, имеющих некоторые права и наделенных привилегиями соразмерно «общественной полезности», которую расценивает не общество, а Центральный комитет компартии.

Представители правого крыла эсеровской эмиграции в своей публицистике выражали мысль о том, что вся история человеческой культуры вращается вокруг взаимоотношений индивида и общества, прав человека и прав государства. «От Платона и Аристотеля до Фихте и Гегеля философия и обществоведение отдавали первенство и преимущество социальному и государственному целому над правами индивида»⁶⁵⁴. Исключение составлял либерализм, акцентировавший свое

⁶⁵¹ Вишняк М. В. Указ. соч. С. 33.

⁶⁵² Там же. С. 257–258.

⁶⁵³ Там же. С. 264.

⁶⁵⁴ Вишняк М. В. Государство по Ленину и под Сталиным // За свободу. Нью-Йорк. 1947. № 18. С. 25 – 33.

внимание на личностном факторе и отдававший в вопросе о социальном прогрессе преимущество индивидуальному над общим. Большевики же в этом пункте демонстрировали, как и почти во всем, свойственную им политическую изворотливость. Для них как марксистов, пока они не пришли к власти, было характерно сдержанное и скептическое, а чаще всего и резко отрицательное отношение к государству»⁶⁵⁵. Для Ленина государство не переставало оставаться «паразитом», который, тем не менее, временно мог быть полезен в деле подавления противников пролетариата. «Но, – отмечает М. Вишняк, – когда власть стала «своей», государство превратилось в «советское» и «социалистическое», отношение к власти и государству, естественно, изменилось: из врагов они превратились в пособников и друзей. Соответственно стала перестраиваться и... доктрина. Государство не только было реабилитировано, но оно было возвеличено и превознесено»⁶⁵⁶. Неумеренные и склонные к политическим страстям большевики в этом вопросе, как и во многом прочем, бросились в крайность – «пришли... к наделению его (государства – *О. П.*) при этом максимальными и ничем не ограниченными полномочиями», и получилось в соответствии с тезисом Муссолини: «Все в государстве, ничто вопреки государству, ничто вне государства»⁶⁵⁷. В сталинском СССР, по мнению эмигрантов-демократов, шла защита государственного суверенитета в его самой примитивной и brutальной форме. Фикцией социализма и обманчиво демократичной конституцией прикрывалось «самое беспощадное вымогательство и эксплуатацию физических и моральных сил подсоветского населения» (автор, очевидно, так называл советских граждан, «придавленных», угнетаемых советской властью, поэтому находящихся под ней – *О. П.*). «Сколько шкур уже содрали и сколько собираются содрать во имя “строительства социализма в одной стране”... Между тем, главная опасность, нависшая над Россией, – конечно, в самодурстве и провокации советской власти внутри и вовне»⁶⁵⁸; в тоталитарном режиме, по убеждению демократического социализма, даже «на марксистской подкладке», первичной, вопреки марксизму, и всеопределяющей оказывается не экономика, а политика, проникающая во все без исключения сферы жизни.

Как отмечает А. Ю. Суслов, «ЦК ПСР, избранный на последнем IV съезде партии (ноябрь – декабрь 1917 г.), практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. Из 20 членов

⁶⁵⁵ Там же. С. 25.

⁶⁵⁶ Там же. С. 29.

⁶⁵⁷ Там же. С. 30.

⁶⁵⁸ Там же. С. 32.

ЦК только трое – В. М. Чернов, В. М. Зензинов и Н. С. Русанов – сумели эмигрировать, из пяти кандидатов в члены ЦК – только один (В. В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции из Советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В. М. Зензинов, Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, Е. Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально. Начало эсеровской послеоктябрьской эмиграции положил отъезд Н. С. Русанова и В. В. Сухомлина в марте–апреле 1918 г. в Стокгольм, где они с Д. О. Гавронским образовали Заграничную делегацию ПСР (ЗД ПСР)⁶⁵⁹. Представители разных течений были во всех эсеровских эмигрантских центрах – Берлине, Париже, Праге. «Соотношение между ними было неодинаковым. В Париже преобладали правые эсеры во главе с Н. Д. Авксентьевым и А. Ф. Керенским. В Праге большинство было за левыми и центристами. Хотя правые эсеры в численном отношении были в меньшинстве, однако, именно их влияние во многом определяло позицию эсеровской эмиграции. Чернов же стремился сохранить за собой положение лидера партии, хотя и потерпевшей поражение, и играть излюбленную роль центра и в смысле собственной политической позиции, и в порядке консолидации партии, разных эсеровских группировок. В этой роли он пытался проводить левоцентристскую политику в духе решений IV Съезда ПСР и послесъездовских Советов партии. Правые же эсеры, исходившие из признания особой важности возвращения к заветам мартовской революции и утверждения со временем в России цивилизованного демократического общества, инициировали проведение совещания членов Учредительного собрания, находившихся за границей и представлявших разные политические силы, в том числе кадетов»⁶⁶⁰. 12 декабря 1920 года в печати появилось обращение к членам Всероссийского Учредительного собрания, подписанное правыми эсерами Н. Д. Авксентьевым, А. Ф. Керенским и О. С. Минором, в котором прозвучал призыв повернуть «от красной и белой реакции к заветам мартовской революции». Перед единомышленниками ставилась задача разработать формы и средства «защиты чести, достоинства Государства Российского перед лицом народов мира, впредь до восстановления в России законной, свободно самим народом признанной государственной власти».

⁶⁵⁹ Сулов А. Ю. В поисках партийного единства: второй съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров (Париж, 1928 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 145 – 151. С. 145.

⁶⁶⁰ http://studbooks.net/679256/istoriya/neonarodniki_mensheviki_emigratsii

Оплотом эсеров центристского толка за границей на первых порах стал журнал «Революционная Россия» (1920 – 1931). В первом номере место издания не указывалась, но выходил журнал первоначально в эстонском городе Юрьев (ныне – Тарту). Именно туда по эстонскому паспорту вместе с группой репатриантов выехал из России В. М. Чернов. Не только наличие крупного партийного публициста, но и близость к России, многочисленная русская колония, солидная издательская база эсеровской группы делали Эстонию удобным местом для печатного предприятия. Журнал считался органом ЦК ПСР за рубежом, а после 10-го Совета партии получил этот статус официально. Основными рубриками журнала были: «Передовая», «По вопросам программы и тактики», «Международное социалистическое движение», «Из России», «Партийная жизнь»⁶⁶¹. Осмысление событий 1917 г. и путей возрождения России приобрело для эсеров и их лидера поистине онтологическое значение. Все теоретические споры, политические конфликты и организационные пертурбации, которыми была так богата история ПСР в 1920-е гг., завязывались и происходили именно на этом «поле»⁶⁶².

В журнале активно сотрудничали В. Зензинов, О. Минор, Г. Шрейдер, Н. Русанов, Е. Сталинский и др. Основное содержание «Революционной России» составляли их политические статьи, в том числе с осмыслением печального опыта недавнего прошлого. Однако перед журналом стояла важная задача на будущее, решение которой возложил на себя В. М. Чернов: выработка политической линии партии. Лидер эсеров считал сложившиеся к тому времени в Советской России и вокруг нее условия благоприятными для эсеров. Он был убежден, что большевистский режим уже опостылел народу. Поэтому народные восстания, происходившие на родине, вселяли в него надежду свержения ненавистной клики даже без помощи Антанты и белого движения⁶⁶³. Вообще, журнал уделял особое место освещению антисоветских восстаний в России (разумеется, до тех пор, пока они были возможны). Развитие национальных движений на бывших окраинах Российской империи заставляло эсеров задуматься над их собственным отношением к этим процессам. Новые государства, вышедшие из пресловутой «тюрьмы народов», признали Советскую власть и сами были ею признаны. При этом они не испытывали симпатии к характеру большевистского режима, однако понимали, что своей независимо-

⁶⁶¹ Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия. С. 111.

⁶⁶² URL: http://studbooks.net/679256/istoriya/neonarodniki_mensheviki_emi

⁶⁶³ Федоров М. В. Журнал «Революционная Россия в 1920 – 1928 гг. // Зарубежная Россия. 1917 – 1939: сб. ст. СПб.: Европейский дом, 2000. 445 с.

стью обязаны именно ему, и, если власть большевиков будет свергнута, неизвестно, как поведут себя новые правители. Эсеры, стоявшие, за исключением правого фланга, на интернационалистских позициях, в своей публицистике старались уверить всех в своей лояльности к вышедшим из-под «имперского ига» молодым демократическим государствам.

Чернов постоянно подчеркивал, что реставрацию он ненавидит больше, чем ленинцев. Керенский А. Ф., занимая в партии эсеров более правую, чем у Чернова, позицию, в данном вопросе был с ним согласен, что подтверждают его публикации в «Революционной России». Так, в статье «Третья сила» бывший министр-председатель Временного правительства призывал демократию «правильно оценить и возглавить народный порыв»⁶⁶⁴. В поисках «третьего революционного пути» авторы материалов журнала старались, из объективных соображений, публиковать обличительные корреспонденции о зверствах как белых, так и красных в гражданской войне. В отделе партийной жизни освещались вопросы партийного строительства и часто публиковались сообщения о деятельности эсеровских организаций в Праге и Берлине. Немало внимания уделялось политике большевиков: жесткой критике подвергались их хозяйственные преобразования; переход к новой экономической политике был расценен как «отказ от основных принципов своей программы»⁶⁶⁵. С развертыванием в СССР индустриализации журнал доказывал, что форсированное развитие тяжелой промышленности проводится за счет крестьянства и в ущерб ему. Массу откликов вызвал московский процесс над ПСР; внутрипартийная борьба большевиков, раскол в рядах этой партии некоторое время служил источником надежд эмиграции на падение ненавистного режима. Но внутренние трения и распри не обошли стороной и самих эсеров в эмиграции. Партия и прежде не была единой, а длительное пребывание за границей, в отрыве от практической деятельности и массового движения, личные амбиции партийных авторитетов привели к обострению отношений между представителями различных групп. Все это нашло отражение на страницах «Революционной России»: раздел «Отклики» изобиловал саркастическими оценками высказываний и поступков членов ПСР с позицией более правой, чем у большинства авторов журнала.

Еще одним из наиболее значимых и продолжительных изданий стал журнал «Современные записки», издававшийся представителями

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Там же. С. 24.

правого крыла партии эсеров и внесший весомый вклад в развитие культуры русской эмиграции. В Русском зарубежье распространилась острота: «А судьи – кто? Да пять эсеров», что доказывало влияние журнала и моральный авторитет его основателей. Многие небезосновательно считали «Современные записки» лучшим из эмигрантских изданий Первой волны⁶⁶⁶. Журнал выходил в Париже с 1920 по 1940 г. включительно; всего вышло 70 книжек. Отзывы, полученные изданием в 1932 г. в честь пятидесятого выпуска, свидетельствовали о его необычайной популярности. В состав редакции входили люди, хорошо знакомые политической активной части русской эмиграции: Н. Д. Авксентьев (его участие, правда, было скорее номинальным, но громкое имя привлекало внимание читателей), М. В. Вишняк, В. В. Руднев, И. И. Бунаков-Фондаминский. До 1925 года среди редакторов был А. И. Гуковский (в январе 1925 г. он покончил с собой), затем ряды редакции пополнил Ф. А. Степун – как характеризовали его коллеги и поклонники творчества, «блестящий», всегда интересный и занимательный, вносивший элемент игры, театра, импровизации, вдохновения и выдумки во все, что он говорил и писал⁶⁶⁷. Авторы и вдохновители издания продолжали славную традицию русской журналистики – публикацию внутренних обзоров, без которых, по мнению редакторов, «журнал перестает быть журналом – становится альманахом или сборником статей»⁶⁶⁸. Бессменным автором внутренних обзоров, озаглавленных общим названием «На Родине», был М. В. Вишняк, один из главных специалистов эсеровской партии в области права, секретарь Учредительного собрания и последовательный защитник идеи подобного форума как «лучшей формы народоправства»⁶⁶⁹. Почти до середины 1930-х гг. Вишняк оставался самым деятельным из редакторов журнала, затем лидерство постепенно перешло к В. В. Рудневу. Тираж журнала в лучшие времена составлял около 2000 экземпляров⁶⁷⁰. В журнале печатались многие именитые литературные деятели русской эмиграции, а также философы, историки, педагоги, экономисты, общественные, церковные и военные деяте-

⁶⁶⁶ URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24520051.html>

⁶⁶⁷ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. Блумингтон: Индианский ун-т, 1957. С. 110.

⁶⁶⁸ Публицистика русского зарубежья: сб. ст. М.: Союзполиграфпром, 1999. С. 23.

⁶⁶⁹ Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 70.

⁶⁷⁰ URL: <http://kuban24.tv/item/putin-russkie-samaya-bolshaya-razdelennaya-natsiya-v-mire-132259>

ли, в частности: В. Маклаков, П. Милуков, А. Керенский, Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, Г. Федотов, Н. Лосский и др.⁶⁷¹

Первая книжка «Современных записок» открывалась двухстраничным заявлением «От редакции», в котором говорилось, что журнал посвящен «прежде всего интересам культуры», что ему «суждено выходить в особо тяжких для русской общественности условиях». Редакторы выразили уверенность, что «границы суждения авторов должны быть особенно широки... когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся, грозных мировых событий»⁶⁷². Вместе с тем редакция подчеркивала, что, будучи органом непартийным, «Современные записки» намерены «проводить ту демократическую программу, которая, как итог освободительного движения XIX и начала XX вв., была провозглашена народами России в мартовские дни 1917 г.»⁶⁷³ (т.е. Февральской революцией – *О. П.*). В качестве основных элементов этой программы перечислялись: «единство России на основе федерации входящих в ее состав народов; Учредительное собрание; республиканский образ правления; гарантии политических и гражданских свобод; всеобщее избирательное право в органы народного представительства и местного самоуправления; передача земли трудящимся на ней; всесторонняя охрана труда и его прав в промышленности»⁶⁷⁴. Это уже был просто социализм, универсальный, а не социализм фракции или иной политической группировки. Этим не в последнюю очередь объяснялась широкая популярность издания, причем отнюдь не только у русских социалистов, но и либералов. Не пренебрегали чтением журнала и люди, довольно равнодушные к политике: их привлекал «набор» именитых сотрудников и, конечно, высокое качество публикуемых материалов. Получилось так, что на страницах этого издания дебютировал (в эмиграции, разумеется) деятель, давший старт ожесточенным дискуссиям о возвращении в Россию и условиях примирения с большевистской властью – точнее, фактом ее существования.

Этим деятелем был А. В. Пешехонов. В 1923 году он опубликовал в «Современных записках» аналитическую работу, посвященную проблеме социальной трансформации России в условиях смены политической системы. Он выявил основные направления социальной мобильности (конечно, без употребления данного термина, введенного в научный оборот П. А. Сорокиным несколько позже). Однако суть работы

⁶⁷¹ Там же.

⁶⁷² Вишняк М. В. Указ. соч. С. 97.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Там же. С. 97–98.

была именно такова – групповая мобильность при глубинных изменениях общества с восточным типом социальной стратификации.

К исследованию вопроса, как, впрочем, ко всему, за что он брался, Пешехонов подошел исключительно основательно. Как и следовало ожидать, констатировал он, при осуществлении революции политической и социальной, наибольшей пертурбации подверглись верхние слои общественной пирамиды, самая вершина которой была снесена и «распылена», частью погибнув, частью оказавшись за пределами страны. «Если этим последним, – рассуждал Пешехонов, – суждено возвратиться на родину, то в большинстве своем они, вероятно, разместятся уже в средних слоях, а некоторые... даже скатятся на «дно»⁶⁷⁵. Сильно пострадало и кадровое офицерство, которое ранее относилось к верхним слоям социальной пирамиды. Многие погибли в мировой и гражданской войнах. Большая часть белого офицерства эмигрировала из страны; те, кто остался и не принял советскую власть, стали основной мишенью красного террора. Некоторые, впрочем, перешли в красную армию, значительно укрепив ее ряды, и в качестве военспецов заняли место в ее командном составе. Пешехонов особо отмечал, что красноармейский комсостав пополнился также совершенно новыми элементами снизу, стал представлять собой самостоятельный социальный слой, поднявшийся по социальной лестнице достаточно высоко, и в значительной степени «избавился от опеки политруков». ...«Можно даже опасаться, – считал Пешехонов, – что при аморфности и рыхлости всех других социальных слоев... и при склонности населения подчиняться грубой силе, именно этот слой захватит в свои руки власть...»⁶⁷⁶. Добавим от себя, что Пешехонов был не одинок в своих опасениях: того же через несколько лет стал бояться и пришедший на вершину власти Сталин, когда, став единоличным правителем, стремился «обезопасить» страну (и себя) от военной диктатуры путем целенаправленного истребления кадрового офицерства.

Торгово-промышленная буржуазия, ставшая объектом лозунга «грабь награбленное!», наряду с офицерством «должна была отвечать за всякую «контрреволюцию», действительную или мнимую, за всякую неудачу большевиков в гражданской войне и мирном строительстве»⁶⁷⁷. Немногочисленные уцелевшие и оставшиеся в России представители этого класса «поспешили переменить позицию... всячески скрывая свое прежнее социальное положение»: некоторые «преврати-

⁶⁷⁵ Пешехонов А. В. К вопросу о социальной трансформации России // Современные записки. № 16. Париж, 1923. С. 210 – 247.

⁶⁷⁶ Там же. С. 212–213.

⁶⁷⁷ Там же. С. 215.

лись» в рабочих и крестьян, некоторые поступили на советскую службу. Место прежней буржуазии в новой социальной системе в первые годы нэпа заняла, по словам Пешехонова, «совершенно новая публика, успевшая за время войны и революции «освоиться со спекуляцией и войти во вкус ее»⁶⁷⁸, по своему происхождению разная – от чиновника до пролетария.

Служилая же интеллигенция пережила целый ряд сдвигов и потрясений. Являясь носителем революционной власти, этот слой сначала было поднялся, но тут же «осел». Речь в данном случае о временах, когда, по замыслу Ленина, планировалось учить всех поголовно «управлять государством»: директор фабрики оказывался в полном подчинении у фабричного комитета, главный врач – у сиделок, в госучреждениях начальник – у курьеров и сторожей. Среди уехавших из страны, не пожелав смириться со столь унижительным положением, было много инженеров, адвокатов, писателей; врачи, педагоги, агрономы, статистики эмигрировали в значительно меньшем количестве⁶⁷⁹. Однако вскоре советская власть, почувствовав острую нужду в квалифицированных специалистах (ведь среди большевиков таковых было крайне мало!), начала принимать энергичные меры, чтобы вернуть людей к прежним профессиям. Сначала по рецепту Троцкого принялись «тащить саботажников за ушко да на солнышко», производя «мобилизацию специалистов», но это не дало желаемых результатов. Отмена обязательной службы и, главное, переход к нэпу дал гораздо лучшие результаты: интеллигенция, занявшая на социальной лестнице достойное место, «соответствующее ее знаниям и призванию», с воодушевлением принялась за работу даже при большевиках. (Этот факт подтверждают и другие источники. Так, неоднократно упоминавшийся выше экономист и публицист Н. Валентинов (Н. В. Вольский), принадлежавший именно к последней упомянутой Пешехоновым категории, свидетельствовал, что в начале 1920-х гг. у целого ряда представителей российской социалистической интеллигенции небольшевистского толка возникла потребность работать для нового государства, чтобы «содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни»⁶⁸⁰. Непривычная для них, людей знающих и деятельных, роль созерцателей перестала их удовлетворять. При всем неприятии Лениным социалистов-небольшевиков, которых он «отбрасывал и преследовал как политических деятелей», он ценил их в качестве

⁶⁷⁸ Там же. С. 217.

⁶⁷⁹ Там же. С. 220.

⁶⁸⁰ Валентинов Н. (Вольский Н. В.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Терра, 1993. С. 56.

«спецов», и в этом случае они «подлежали тому особому благожелательному уходу, которое к специалистам вообще проявлял Ленин три последних года своей жизни»⁶⁸¹).

Рабочий класс, во имя которого якобы затевался переворот всех государственных устоев, в самом начале революционных событий словно бы оказался на самом верху, но, как отмечал Пешехонов, за несколько лет советской власти его положение заметно «понижилось». При этом численность пролетариата уменьшилась: он растерял значительную часть своего состава, которая переместилась в другие социальные группы: армию, служилый и торговый слой⁶⁸². Между тем Пешехонов констатировал появление в хозяйственно-административном аппарате руководителей из наиболее талантливых и образованных рабочих, научившихся за короткий срок управлять национализированными предприятиями. Часть рабочих, куда менее «успешных», ушла в среду крестьянства.

О крестьянстве Пешехонов всегда говорил и писал с особым трепетом: являясь последовательным социалистом-народником по убеждениям, он во все времена особенно интересовался именно этой, наиболее многочисленной и, если можно так выразиться, социально обделенной частью «трудового народа» России. На момент создания публикации, о которой в нашей статье идет речь, Пешехонов не подозревал, какая невероятно трагическая судьба ждет советское крестьянство в недалеком будущем, и в своих прогнозах был умеренно оптимистичен. Он утверждал, что «без опоры на крестьянство теперь государственной власти уже не построить... и крестьянство в эту власть... вцепилось и из своих рук едва ли выпустит»⁶⁸³. Революция разрушила сословную организацию крестьянства; в сельском самоуправлении теперь имеют возможность участвовать все «трудящиеся», в том числе служивая сельская интеллигенция, которая «имеет возможность зажить одною общей жизнью с земледельческой массой, ближе войти в ее интересы... и явиться ее выразительницей»⁶⁸⁴. В последнем предположении явственно звучат ностальгические ноты: о таком «слиянии с народом» много лет мечтала земская интеллигенция, «третий элемент», к которому принадлежал на заре своей общественной и политической деятельности Пешехонов. Эта мечта, как показала реальность, оказалась несбыточной, а прогноз относительно крестьянства – наименее удачный из всех прогнозов народника.

⁶⁸¹ Там же. С. 57.

⁶⁸² Пешехонов А. В. К вопросу о социальной трансформации России. С. 228.

⁶⁸³ Там же. С. 235.

⁶⁸⁴ Там же. С. 241.

Сравнивая новую социальную модель с дореволюционной, Пешехонов отмечал, что в советской иерархии «верхний край не так возвышается над нижним», по этой «лестнице» проще подниматься, чем было в царские времена, а при ловкости и удаче можно прямо прыгнуть с нижней ступени на самый верх; так же легко, впрочем, можно проделать и обратный путь⁶⁸⁵. Прежняя социальная пирамида, очень высокая и заостренная, не могла быть восстановлена, так как складывалась веками и держалась на темных и косных массах. То, что народ в целом выбрался из состояния «людской пыли» (выражение Пешехонова еще времен I Русской революции) и уже не вернется в него, народник считал большим благом. Довольно оптимистичен Пешехонов был и в отношении демократических перспектив России, в отличие от большинства своим бывших соратников по социалистическим партиям не считая дело демократии окончательно проигранным⁶⁸⁶.

В эсеровском «лагере» также живо реагировали на перемены в советском обиходе. С введением большевиками нэпа «Чернов, не будучи сторонником экстремистской политической линии, считал возможным воспользоваться некоторой либерализацией жизни в советской России. Он поставил перед оставшимися в России членами партии задачи завоевания “при малейшей возможности фабрично-заводских комитетов, делегатских собраний, профсоюзов, беспартийных конференций и вообще всех низовых рабочих органов”, считал возможным организованное возвращение в Советы, как только обстоятельства позволят это сделать. Он заявил, что встал на точку зрения “длительного изживания коммунизма”, а журнал “Революционная Россия”, на страницах которого, начиная с первого номера, стала печататься разрабатывая им новая программа, назвал основным оружием партии»⁶⁸⁷. При этом осмысление событий 1917 года и путей возрождения России приобрело для эсеров и их лидера поистине онтологическое значение. Все теоретические споры, политические конфликты и организационные пертурбации, которыми была очень богата история ПСР в 1920-е гг., завязывались и происходили именно на этом «поле».

Смерть Ленина в январе 1924 г. вызвала множество откликов в эмигрантской прессе. Газета «Дни» разместила такой материал: «...Вождь красного октября ушел из жизни... в такой момент, когда в предсмертных судорогах бьется и его создание – диктатура пролетариата, Крестьянская Россия беспощадно раздавила родичей Ленина – помещиков. Теперь она собирает силы для того, чтобы так же беспо-

⁶⁸⁵ Там же. С. 222.

⁶⁸⁶ Там же. С. 243.

⁶⁸⁷ URL: http://studbooks.net/679256/istoriya/neonarodniki_mensheviki_emig

щадно уничтожить Коммуну, не имеющую никаких корней в строе великой страны»⁶⁸⁸. Газета отмечала, что последние два года жизни Ленин, человек, принесший столько ужаса и великих страданий»⁶⁸⁹, беспрестанно признавался в «чудовищных ошибках» и говорил о необходимости исправить их, но судьба не дала ему шанса на такую реабилитацию перед трудовым народом. Кадетский «Руль» писал: «Смерть Ленина, который после 2-летнего пребывания в состоянии живого трупа могла пройти совершенно незаметно, превращается в событие огромной исторической важности... Эта бесславная смерть духовно давно умершего вождя... страшно приближает неминуемую расплату»⁶⁹⁰. Настрой газеты «Накануне» был иным: «Он совершил в пределах земных все земное. Но его огромное духовное наследие будет в течение десятилетий оплодотворять и вдохновлять мысль и волю трудящихся масс всего мира. В этом – бессмертие». Пражская газета «Чешское слово» характеризовала Ленина как личность, стоявшую над уровнем своих современников, как гениального вождя и организатора, человека со сверхъестественной энергией, с яростью, только ему свойственной, ломавшего все, что мешало ему осуществлять свои политические замыслы. «Ленин был типично русской личностью. Он смело шел в бой, но так же смело сознавал свои ошибки»⁶⁹¹, – писали чешские публицисты. Все газеты отмечали, что для советских коммунистов смерть Ленина явилась неожиданностью после заверений Кремля о том, что здоровье вождя идет на поправку. Демократическая эмиграция ожидала власти триумvirата Сталин – Каменев – Рыков. Мало кто ободрялся насчет чудесного демократического перерождения большевиков, однако никто не мог предсказать жутких детективных событий, которые вскоре произошли в советской действительности.

Однако вернемся к русскому зарубежью. Правые народники как компонент демократического социализма, несмотря на относительную (по сравнению с другими социалистами) малочисленность, в эмиграции не затерялись. Напротив, они показали себя как активные коммунистаторы, стремившиеся к сохранению смысла антибольшевистской деятельности за рубежом и поискам путей ее развития и применения на практике. Правда, форма их взаимодействия в течение первых же лет изгнания видоизменилась. Непосредственно после захвата власти большевиками деятели ТНСП участвовали в работе «Союза защиты Учредительного собрания» в обеих столицах и провинции. Летом

⁶⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5978. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

⁶⁸⁹ Там же.

⁶⁹⁰ Там же.

⁶⁹¹ Там же.

1918 года под влиянием репрессий, арестов и отъезда ряда лидеров ТНСП распалась на ряд региональных организаций и групп, также просуществовавших недолго, ведь в результате ликвидации большевиками политической оппозиции в России исчезли все партии, кроме правящей. Деятели небольшевистских партий вынуждены были эмигрировать из России; та же участь постигла и народных социалистов. Эта партия, как и другие, пыталась за пределами родины воссоздать свою организационную структуру и продолжить борьбу за свержение большевистской диктатуры в СССР⁶⁹². 26 мая 1920 года в Париже состоялось совещание членов ТНСП, оказавшихся к тому времени в эмиграции. Заметим, что виднейшие теоретики и активисты партии А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов были высланы позже – в 1922 г. На совещании был образован Заграничный комитет в составе Л. М. Брамсона, А. А. Титова, Н. В. Чайковского (этот старейший народник был избран председателем), М. А. Ландау-Алданова и др. Комитет пытался выявить и объединить всех оказавшихся за рубежом народных социалистов⁶⁹³. Правда, оставаясь верными представлениям о демократических началах устройства партии, энесы не создавали (как и на родине) жестко централизованной организации. Партийные группы существовали как автономные единицы⁶⁹⁴. Общая численность их была незначительна. В 1920-е годы ТНСП насчитывала около 30 человек⁶⁹⁵. Поэтому, когда в том же десятилетии российские эсеры и меньшевики объявили себя партиями демократического социализма, являющимися частью европейского и мирового демократического социализма⁶⁹⁶, голос энесовской организации практически не был слышен, т.е. яркие представители народно-социалистической партии продолжали активную публицистическую, научную и даже (насколько это возможно в чужой стране) общественно-политическую деятельность, но уже скорее каждый сам по себе, чем от имени и в рамках своей партийной организации. Зато значительно укрепились человеческие связи между деятелями разных демократических партий, так как, утратив возможность конкурировать на государственно-политическом поприще, эти люди стали гораздо терпимее и взвешеннее в отношении «соседей» по взглядам на демократию и социализм. В сентябре 1922 года

⁶⁹² Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия в эмиграции (1920 – 1940 гг.) // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2013. С. 202.

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ ГА РФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 121. Л. 11.

⁶⁹⁵ Сыпченко А. В. Указ. соч. С. 208.

⁶⁹⁶ Морозов К. Н. Указ. соч. С. 45.

представители ТНСП участвовали в работе Совещания левых и правых социалистов, на котором было создано «Российское демократическое объединение» по главе с П. Н. Милюковым⁶⁹⁷. Мельгунов С. П., известный историк, активнейший энесовский деятель периода эмиграции, непримиримый антибольшевик, многократно призывал к консолидации всех эмигрантских сил – и социалистических, и несоциалистических, отмечая, что «в настоящее время граница внутри эмигрантских сил проходит не по партийным направлениям, а по отношению к «активизму», и миссия эмиграции – свободным словом будить русских эмигрантов и призывать их к сплочению»⁶⁹⁸. Мельгунова как авторитетного публициста и опытного издателя приглашали к сотрудничеству в крупнейших эмигрантских изданиях, на что он отвечал: «Я тоскую без газеты. Но активное участие в газете могу принять только в той, которая будет занимать непримиримое отношение к большевикам, без всяких компромиссов. Такова моя «лубочная»... ненависть к большевикам. Для меня симпатична только такая демократическая газета, в которой не будет демократических предрассудков, которая не будет лягать без смысла политических противников в эмиграции»⁶⁹⁹. Историк-антибольшевик хотел подчеркнуть, что демократия в эмиграции, пестуя свои «местечковые» разногласия, занимается не тем, чем нужно, ослабляет сама себя и тем самым сводит на нет противостояние диктаторской власти большевиков. «Меня очень тянут в политику. Я нащупываю почву, – сообщал он Аргунову. – По-моему, единственный смысл издавать сейчас нелегальный боевой орган для России и около него накручивать боевую организацию. Но... нет ни денег, ни единомышленников. Я имею в виду «генералитет». Без него трудно действовать. Рядовых «братьев» найти можно в достаточном количестве. За это ручаюсь после моих многочисленных бесед за последнее время. Говорю «братьев», ибо мыслю себе своего рода карбонарийскую организацию»⁷⁰⁰.

Проекты объединения социалистических сил с привлечением либералов, которые со временем стали едва ли не мягче многих социалистов по отношению к большевикам, рассматривались с достаточной периодичностью, но ни к чему определенному не привели. В июне 1923 года В. А. Мякотин написал А. А. Аргунову: «С объединением у нас, к сожалению, дело, видимо, не выйдет. Препятствием для него... является организационный вопрос. Мы понимали бы и считали бы по-

⁶⁹⁷ Сыпченко А. В. Указ. соч. С. 205.

⁶⁹⁸ Цит. по: Там же. С. 212.

⁶⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 3.

лезным блок партийных и партийно-подобных групп на федеративном начале. Но для нас непонятно и неприемлемо включение в этот блок на равных правах и беспартийных бытовых групп, студенческих и т.д.»⁷⁰¹. По словам Мякотина, из этого получится не блок партий, а нечто вроде новой партии, в которой утонут все входящие в не оригинальные партийные группировки, утратят идейную и организационную самобытность. Народные социалисты отказывались объединяться с группой Е. Д. Кусковой (Мякотин сетовал, что Аргунов наладил с этой группой тесные отношения), так как считали неприемлемым растворяться в массе неорганизованных, аморфных кружков с непонятной ориентацией.

В середине 1920-х годов произошел раскол в самой народно-социалистической среде. Несогласия, подтачивавшие партию изнутри, проявлялись по разным вопросам: организации, идейного лидерства и др., но главная «трещина» возникла после заявления ведущего идеолога партии А. В. Пешехонова о необходимости возвращения в Россию, невзирая на наличествующий там режим, так как пребывание вдали от родины ведет к утрате органической связи с ней. Еще в 1921 году к возвращению в Россию стали призывать сменовеховцы. Но, во-первых, они не имели серьезного политического веса в эмигрантской среде, во-вторых, в их призывах звучали неприемлемые ноты апологии большевизма. У Пешехонова же был большой моральный авторитет не только среди социалистов-небольшевиков, но и среди представителей других демократических партий, в частности, кадетов (о чем свидетельствуют многочисленные теплые и уважительные отзывы П. Н. Милюкова, И. В. Гессена и др.). Его честность, прямота, бескомпромиссное противостояние деспотизму в любых его формах были хорошо известны всем российским неконформистам. Вот как писал о нем А. Ф. Керенский: «Алексей Васильевич – человек, которого привыкла любить и ценить вся культурная Россия, его привыкла слушать – и если не всегда с ним соглашаться, то всегда считаться – демократическая интеллигенция. Для целой традиции народнического социализма он был вождем и знаменем чести. Знали: Пешехонов может ошибаться, но никогда приспособляться, ни к власти, ни к толпе»⁷⁰².

Пешехонов, любя Россию, готов был проявлять лояльность к власти, не противореча при этом своей чести и убеждениям, поэтому, служа в советском учреждении, старался дистанцироваться от всего политического как можно дальше. Акт высылки нанес тяжкий удар

⁷⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁷⁰² Дни. Париж. 1923. 13 мая.

Пешехонову, тем более обидный, что высылка произошла в тот момент, когда Россия, казалось, начала оживать⁷⁰³. Плоть от плоти российской глубинки, настоящий выходец из народа, Пешехонов не представлял себя эмигрантом, и впоследствии на чужбине мучился духовно и физически, так и не сумев по-настоящему социализироваться в европейской среде, несмотря на присутствие старых товарищей из русской диаспоры.

В брошюре «Почему я не эмигрировал?» народник подытоживал свои наблюдения за жизнью и направлением развития Советской России. Пешехонов, в целом критикуя начинания большевиков (особенно их методы), признавал за ними одно основное достижение – восстановление российской государственности⁷⁰⁴, чего не удалось сделать демократической власти Советов и Временного правительства в послефевральский период. Говоря о жестокости большевистского режима, Пешехонов сравнивал его с царским, а «красный» террор сопоставлял с «белым», советские чрезвычайки сравнивал с денкинской контрразведкой (он наблюдал вблизи деятельность армии Юга России) и выражал предположение, что у новой власти просто было больше времени и возможностей развернуть свою деятельность⁷⁰⁵. Эти сравнения вызвали резкие возражения в эмигрантской среде. Особенно возмущен был соратник Пешехонова по партии народных социалистов историк С. П. Мельгунов, который доказывал, что беспристрастность Пешехонова в данном случае вредна, так как ослабляет моральный протест, становящийся бесплодным в аспекте исторического беспристрастия, а перецеголять большевиков по части зверств и террора не под силу никому⁷⁰⁶. Брешко-Брешковская Е. К. в 1922 г. написала: «...А сейчас, принося в жертву человеческие жизни, одурманенная страна пытается вернуть себе политические свободы, мирно предоставленные Временным правительством»⁷⁰⁷.

Для эмиграции – отлученных от активной деятельности образованных людей, политиков и публицистов, – появление нового предмета для полемики становилось важным событием. Состязательность в дискуссии, если можно так выразиться, подменяла им политическую и идейную борьбу, которой они лишились, покинув Россию. В большин-

⁷⁰³ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. С. 25 – 27.

⁷⁰⁴ Там же. С. 59.

⁷⁰⁵ Протасова О. Л. Указ. соч. С. 166.

⁷⁰⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России. М.: Айрис пресс, 2008. С. 12.

⁷⁰⁷ Брешко-Брешковская Е. Указ. соч. С. 331.

стве своем эмиграция категорически не соглашалась признать даже минимума позитивного в деятельности большевиков⁷⁰⁸.

Выступая на собраниях, диспутах и лекциях, устраиваемых российской политической эмиграцией, Пешехонов уже с 1923 г. начал призывать к возвращению в Россию, которой нужны культурные силы и политически развитые люди. Он впервые высказал опасение, что к моменту, когда большевистская власть падет и эмигранты смогут с триумфом вернуться в Россию (в первой половине 1920-х гг. эти надежды еще разделяло подавляющее большинство эмиграции), «почвенная» связь между ними и родиной утратится, и власть окажется в руках людей достойных, но плохо ориентирующихся в русской действительности⁷⁰⁹. Интересным представляется убеждение Пешехонова о том, что, если бы Ленин до революции жил не в эмиграции, а в России и находился в непосредственном общении с русским рабочим классом, он «не был бы маньяком коммунизма и социальной революции»⁷¹⁰. Впрочем, призывая к возвращению в Россию, Пешехонов неизменно подчеркивал, что вернуться или остаться – сугубо личное дело каждого. Сам же Пешехонов заявлял, что намерен вернуться при любых условиях, чтобы иметь возможность участвовать в процессе перерождения своей родины, чтобы не оказаться для нее чужим.

Один из ближайших друзей Пешехонова, его сподвижник по народно-социалистической партии, историк В. А. Мякотин формулировал свою идейную позицию, встретившую, кстати, коллективное одобрение в рядах эмиграции, так: вернуться в Россию при большевиках невозможно, потому что эта «кучка насильников» (большевики – *О. П.*) требует не просто нейтрального к себе отношения, но непременно сочувствия им. Поэтому «всякий, кто хочет вернуться в Россию, должен опоганить свою душу»⁷¹¹. Пожалуй, резче всех против старого народника выступали именно его соратники по партии. Мельгунов С. П. написал А. А. Аргунову по поводу отношения к позиции Пешехонова: «Я антипод. Пешехонов вышел из состава нашей центральной группы – об этом скоро будет опубликовано в газете»⁷¹². Пе-

⁷⁰⁸ Протасова О. Л. Большевики и русская государственность в оценке А. В. Пешехонова и М. В. Вишняка // Современные концепции научных исследований: XIII междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 9 – 12.

⁷⁰⁹ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов, эмиграция и «возвращенство» // Факты и версии: историко-культурный альманах. Кн. II. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. СПб.: ИМИСП, 2002. С. 29 – 38.

⁷¹⁰ Руль. Берлин. 1923. 10 мая.

⁷¹¹ Там же.

⁷¹² Там же.

пешехонов покинул ЦК ТНСП в конце 1925 г., окончательно разошедшись в вопросе отношения к СССР с партийными товарищами и оставшись в идейном (фактически и личном) одиночестве.

Шли годы, а власть в России не менялась. Непримируемая оппозиция, как и предрекал Пешехонов, все более отдалялась от родины. «Левый», социалистический, сектор русской эмиграции старался отделить позитивные процессы, происходящие в Советской России (с точки зрения демократов, в годы нэпа можно было выявить немало таких), от деструктивных. Наибольшая трудность идейных поисков левого сектора выражалась в вопросе: как отделить народ от власти, где провести грань между любовью к народу и неприятием его правителей? Именно в левом секторе на почве стремления на родину и возникло т.н. «возвращенство», исходившее из признания того факта, что белая идеология изжила себя и самоупразднилась⁷¹³. Это течение называли также «пешехоновщиной», реже – «кусковщиной» (известная общественница Е. Д. Кускова в числе очень немногих поддержала позицию Пешехонова).

Ценную в создавшихся условиях моральную поддержку Пешехонову оказал и знаменитый книговед, библиограф, популяризатор науки и писатель Н. А. Рубакин, чьи заслуги признаны как в России (в том числе советской), так и на международном уровне. Рубакин давно и тепло переписывался с Пешехоновым и, не будучи политиком, испытывал симпатию к умеренной неонароднической идеологии. Об этом можно судить по его письмам. В мае 1923 года, узнав о переезде Пешехонова в Европу, Н. А. Рубакин отправил Пешехонову письмо, где говорилось: «Вы были для меня из всей литературной братии самым близким человеком по духу, и я всегда смотрел на Вас как на своего рода идеал литературного борца, умеющего писать не только мозгом, а всем нутром, всем своим существом, и умеющего быть не только социально смелым, но и этически честным»⁷¹⁴. А в июле того же года, по выходе пешехоновской «Почему я не эмигрировал?» Рубакин, проживший к тому времени за границей уже несколько лет, пишет: «Наконец-то раздался русский голос, свежий, честный и мощный, – голос человека, возлюбившего Россию, русский народ больше, чем самого себя, свое драгоценнейшее «я», свои партийные программы! Если Вы, пробыв в прокислой эмигрантской среде, без году неделю, уже почувствовали ее кислоту, что же сказать о таких, как мы, грешных, проживающих здесь уже целые годы!! Уж если бороться, так лицом к лицу, и не

⁷¹³ Протасова О. Л. Указ. соч. С. 33.

⁷¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 358. Картон 111. Д. 38. Л. 2.

при помощи словесных переметов, а при помощи творчества жизни. Правильно, дорогой А. В., люди вербального типа – не Ваша атмосфера. А таких здесь большинство»⁷¹⁵. Рубакин признается, что жить по принципу «кто не против нас, тот с нами» тяжело: оказываешься чужим и для своих, и для чужих. Так в конце концов произошло и с Пешехоновым. Поясняя Пешехонову свою моральную позицию, беспартийный интеллигент Рубакин писал: «Антибольшевики, как и большевики, для меня одинаковые насильники, как и для Вас. Как культурник я готов работать (вести свою линию) и с теми, и с другими: культура нужна для народа, для России – против нее никому не ловко возражать». И тут же он прибавляет (это выглядит как наставление Пешехонову, вполне созвучное с мнением эмиграции): «Работать для русской культуры, живя за пределами России, безусловно возможно (и должно), и в этом смысле Вам, дорогой А.В., нечего бояться, что, живя здесь, Вы размагнитесь, потеряете чутье, превратитесь в прокислого элемента. Пешехоновы, выдвинутые деревенской стихией, в таких не превращаются»⁷¹⁶. Рубакин советовал Пешехонову абстрагироваться от курса конкретной политической партии (слишком узкая дорога) и, следуя своим народной закваске и интеллигентской совести, идти, так сказать, широким путем справедливости, ибо «на элементах вражды, ненависти, мести и т.п. никто и никак не сможет создать действительно новой России»⁷¹⁷. Позже, в разгар обструкции, устроенной Пешехонову эмиграцией, в своих письмах библиограф старался утешить народника тем, что его ждут – «ждет тот самый народ, трудящийся класс, хотя и зарубежный, но не менее нуждающийся в Вас и таких, как Вы, ... чем народ в СССР. Я имею в виду крестьян и рабочих американских... не менее 3 млн русских»⁷¹⁸. Рубакин внушал Пешехонову, что эти люди, до которых «еще не докатилась волна большевистского аморализма», могут стать русской «почвой», но крайне нуждаются в развитии, так как не знают, не понимают партийных программ, неразвиты политически и патриотически, поэтому им необходимо живое слово просвещения, каковым так виртуозно владел Пешехонов. Но для последнего настоящей «почвой» был только русский народ, живущий на русской земле, остальное его мало интересовало.

В такой атмосфере идейной борьбы и переоценки политических и тактических ценностей в 1925 г. в пражском журнале «Воля России» вышел новый цикл статей А. В. Пешехонова под общим названием

⁷¹⁵ Там же. Л. 4.

⁷¹⁶ Там же. Л. 4.

⁷¹⁷ Там же. Л. 5.

⁷¹⁸ Там же. Л. 7.

«Родина и эмиграция», где автор заявлял о своем разрыве с эмиграцией и его причинах. Он уверял, что эмигрантская пресса крайне тенденциозна по отношению к советской России, в то время как успехи молодого государства очевидны. Это окончательно усугубило разрыв между старым народником и его бывшими единомышленниками. Вишняк М. В. обвинил Пешехонова во «внутренней капитуляции» перед большевиками; это обвинение воодушевленно поддержала практически вся эмиграция. Писатель М. П. Арцыбашев озвучил свое мнение так: «Кто лишениям эмигрантского быта предпочитает лишение свободы, тот пусть возвращается в советскую Россию, но о себе знает, что он слаб и ничтожен духом... Чужой дух воцарился над моей страной... Я тоскую по ней, но тоскую я о России, а не об СССР»⁷¹⁹.

Миллюков П. Н. так объяснял «раскольнические» процессы, происходившие в левом секторе эмиграции. Тактика «белого движения» очевидно провалилась. Надежды «левых» эмигрантов были теперь связаны с внутренними процессами большевизма, который «пожирает себя сам» – от населения ожидали «высвобождения от подчинения насилию», преобладания творческих начал над разрушительными. «Но на этом пути, – писал Миллюков, – возникал новый соблазн: сближаясь мыслью с народом, как отделить народ от его власти? Где провести грань, отделяющую любовь к народу с ненавистью к правителям? Оставалось общее впечатление, что сближение с внутренней Россией превращается в «соглашательство» с властью... Гораздо хуже было то, что на той же почве стали появляться и внутри левого сектора новые ростки»⁷²⁰.

Итак, к середине 1920-х гг. идейное размежевание русской эмиграции по поводу возвращения в Россию оформилось окончательно. На позиции неприятия большевиков и необходимости вынужденно жить и работать вне родины стояла почти вся политически активная часть русской диаспоры, противоположной точки зрения – вернуться во что бы то ни стало – придерживался Пешехонов и еще несколько человек (Е. Кускова, М. Осоргин, Д. Лутохин) – часть ничтожно малая по сравнению со сплоченным ненавистью к Советам эмигрантским целым. Идейный разрыв повлек за собой и охлаждение человеческих взаимоотношений: почти все старые друзья Пешехонова отошли от него, оставив в моральном одиночестве, что добавляло старому народнику невзгод к тяготам существования вдали от родины.

⁷¹⁹ ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 66. Л. 24.

⁷²⁰ Миллюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 9–10.

Лутохин Д. А. рассказывает примечательный эпизод, характеризующий настрой Пешехонова середины 1920-х гг. «Уговорил я А. В. пойти в Праге в кино на эйзенштейновского «Потемкина»... А. В. смотрел молча. При выходе к нам подошел один из знакомых студентов из так называемого 4 Союза (милюковцев). «Ну, за кого вы, – спросил его А. В., – за матросов или за офицеров?» Тот нерешительно и конфузливо ответил: «Все-таки за офицеров», А. В. Пешехонов, загрустив, покачал головой... После таких встреч А. В. как-то еще больше уходил в себя, замыкался у себя в деревне, почти не посещая пражское общество»⁷²¹.

С начала 1926 года в дискуссию вступил «Парижский вестник», советский официоз во Франции. В газете периодически появлялись публикации, одобрявшие, хотя и не безоговорочно, позицию Пешехонова: его линия-де в целом правильная, но звать в Россию уже некого: все, кто хотел вернуться, уже вернулись. Идеологическая подоплека такой поддержки была налицо – «возвращенство» политически было выгодно советскому правительству. Объективно Пешехонов играл на руку советской власти, расшатывая политическую эмиграцию и ее веру в себя⁷²². Однако ни у кого из его оппонентов-эмигрантов не возникло и мысли о том, что он может быть советским агентом – цельность личности Пешехонова, всем известные его высокие нравственные качества делали подобные предположения абсурдными. Перемену в его отношении к большевикам в основном расценивали как честное заблуждение, некое помутнение рассудка, вызванное тоской по родине и вполне объяснимое свойствами его характера. Пешехонов был искренен и открыт в своих чувствах и намерениях, даже если они шли вразрез с мыслями и чувствами окружающих и грозили идейным и человеческим одиночеством. После опубликования Пешехоновым в той же «Воле России» цикла статей «Опыт национализации», где автор превозносил успехи Советской России в промышленности и строительстве новой жизни, эмиграция окончательно убедилась в том, что он полностью принял советскую власть, став, следовательно, «изменником делу демократии», которому не место в эмигрантской среде. В эмигрантской публицистике – а, как известно, русская эмиграция была богата литературными талантами – началась настоящая кампания остракизма в отношении Пешехонова и его сторонников, сопровождаемая едкими (нередко даже злобными) эпитетами, комментариями, стихами и эпиграммами. Вишняк М., Арцыбашев М., Степун Ф., Ке-

⁷²¹ Лутохин Д. А. Зарубежные пастыри. М.: Минувшее, 1991. С. 83.

⁷²² Протасова О. Л. Указ. соч. С. 38.

ренский А., Амфитеатров А., Петрищев А. – вот лишь малая часть тех, кто публично и в печати высказывался против «возвращения» и его главного идеолога. Пешехонов переносил все обвинения в «капитулянтстве» стоически и лишь горько шутил, что мог бы возгордиться тем, что «воссоздал единый фронт русской эмиграции»⁷²³, который двинулся против него.

Однако у Пешехонова оставались, хоть и не многочисленные и не столь искушенные в политической полемике, сторонники. К 1928 г. относится статья упомянутого выше публициста Д. А. Лутохина под названием «Белое знамя», рукопись которой хранится в ГА РФ. Это прямо-таки убийственная характеристика русской эмиграции, среди которой Лутохин жил не один год и в дома которой был вхож. Очень трудно сказать, где заканчивается искренность в осуждении антибольшевистских настроений эмиграции и начинается апология советской власти, вызванная желанием быть принятым ею, обезопасить себя.

Бичуя эмиграцию, Лутохин пишет, что «среди тысяч 500 русских эмигрантов, находящихся теперь в Европе... 90% сознательных или бессознательных монархистов (чего в действительности, разумеется, никак не могло быть, потому что даже в России после Февральской революции таковых осталось крайне мало – *О. П.*). «Большинство серые, озлобленные обыватели с верой в бога, царя и святую частную собственность... Утешают себя неугасимыми чаяниями, что... радио принесет им весть о падении Кремля – и они устремятся на родину... чтобы отомстить за годы лишений...»⁷²⁴. Следует отметить, что к концу 1920-х гг. основная масса русской эмиграции уже примирилась с жизнью в изгнании, направив свою творческую и полемическую активность в основном в публицистическое русло и, имея возможность по ряду источников следить за происходящим в СССР – разгромами «оппозиций», установлением единоличной диктатуры и реакцией на это международного сообщества, поняла, что ни на иностранную помощь – «интервенцию», ни на эфемерную внутреннюю оппозицию полагаться не стоит.

«Более умный и дальновидный П. Н. Милюков...», – пишет далее Лутохин, – не идет пока дальше «демократической республики» (поразительный прогресс для 70-летнего профессора, 11 лет назад сватавшего России Михаила Александровича), но в области социальной политики – ... без частного предпринимателя мыслить народное хозяйство он не склонен, и вслед за Милюковым твердят то же и социалисты-

⁷²³ Цит. по: Там же. С. 36.

⁷²⁴ ГА РФ. Ф. 636. Оп. 1. Д.21. Л. 3.

народники, и социалисты-марксисты»⁷²⁵. Группу «Крестьянская Россия», образованную «вчерашними революционными народниками А. А. Аргуновым и С. С. Масловым, влекомыми... все правей», Лутохин именует «народниками-фашистами», делающими ставку «на мещанство, которое не прочь попасть в крупную буржуазию, но до поры до времени прикрывается мелкобуржуазной идеологией, твердя, что Россия – страна крестьянская, а крестьянству нужна частная собственность и «народоправство» в европейских формах»⁷²⁶. Сам Лутохин, как мы видели ранее, разделял позицию Пешехонова по поводу возвращения в СССР, а, стремясь в Советское государство, не мог не играть на руку его пропаганде, поэтому о том, где заканчивается его искренность и начинаются утилитарные соображения компромисса с властью, сегодня судить трудно. В 1927 году при содействии Б. Пильняка и М. Горького, отношения с которым были особенно теплыми и дружескими, Лутохин вернулся в СССР, работал старшим научным сотрудником ЦНИИ бумажной промышленности, а также преподавал в Ленинградском государственном университете. Несмотря на всю теперь уже открытую приязнь к советской власти, бывший эмигрант в сталинском СССР был персоной чуждой и подозрительной, и 14 марта 1935 г. Лутохин был выслан с женой и внуком-школьником из Ленинграда в Уфу сроком на 5 лет. Он был вынужден обращаться в Помполит с просьбой о выдаче паспорта, так как на работу его не брали, и внука не принимали ни в школу, ни в техникум. Благодаря ходатайству Максима Горького, уже не первый раз вступавшего за своего давнего друга, 7 февраля 1936 г. высылка была отменена, и Лутохину разрешили вернуться с семьей в Ленинград. Лутохин Д. А. умер в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Пешехонов также не был голословным в своих призывах к возвращению и, начиная с 1925 г. (когда закончился срок его трехгодичной высылки), неоднократно обращался в советские полпредства стран, где он жил (Германии, затем Чехословакии) с просьбой восстановить его в советском гражданстве и дать возможность вернуться на родину. Два года ходатайства были тщетными; над бесполезностью этих попыток эмигрантские остроловы потешились вдоволь⁷²⁷. В 1927 году народнику наконец вернули гражданство и предоставили место экономического консультанта в торгпредстве СССР в Латвии, Литве и Эстонии. По воспоминаниям вдовы Пешехонова, написанным в 1949 – 55 гг., «в Риге А. В. встретили тепло, радушно. Быстро он за-

⁷²⁵ Там же. Л. 6.

⁷²⁶ Там же. Л. 7.

⁷²⁷ ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 66. Л. 123.

нял в Торгпредстве положение одного из самых солидных сотрудников, с которым считались и в Москве, а также Латвийское правительство»⁷²⁸. Однако прошения старого народника ему разрешить вернуться в Россию – поднимался вопрос о его работе в Госплане⁷²⁹ – рассматривались «наверху» без спешки. До неизлечимой болезни, настигшей Пешехонова в конце 1931 г., у них с женой была возможность проводить в РСФСР отпуск, и подлинным наслаждением для Алексея Васильевича во время пароходного путешествия от Москвы до Сталинграда было общение на палубе с простыми советскими людьми. «Как интересно ему было слушать родную речь и все то новое, что отложилось в умственном и душевном складе людей после революции», – сообщает А. Ф. Пешехонова. Можно себе представить, какие различные и противоречивые чувства испытывал Пешехонов – эталон честности и искренности – в последние годы своей жизни! Конечно, он не мог уже открыто показать своего разочарования тем, что видел на родине, даже если чувствовал его. Пешехонова, безусловно, безмерно истощила морально многолетняя борьба с эмиграцией, во время которой он был практически «один в поле воин». Сказывался и возраст, и усталость, и подступавшая болезнь. Однако следует отметить вот что. Пешехонов – гражданин СССР вновь стал советским служащим, но публицистическую деятельность прекратил навсегда: скорее всего, советская действительность вблизи оказалась все же иной, чем выглядела на расстоянии, а славословить неискренне было не в характере ученика Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко. Его «внутренний» социализм, несмотря на психологические переживания и внешние уступки Советам ради встречи с родиной, был и оставался по-настоящему демократическим. В этом не сомневался ни один из его оппонентов-демократов: они и Пешехонов лишь по-разному расставили приоритеты. Для основной части эмиграции оказалось возможным как-то прижиться на чужбине, оставаясь верными демократическим идеалам; для Пешехонова политический идеал оказался второстепенным по сравнению с грозившей ему невозможностью увидеть Россию.

После смерти в апреле 1933 г. Пешехонову были прощены все его идейные «заблуждения», все высказывания, противоречившие настроениям эмиграции. Многочисленные некрологи, появившиеся в эмигрантских изданиях и вышедшие из-под пера ожесточенных критиков Пешехонова-«возвращенца», дышали теплотой, уважением и любовью к старому социалисту и демократу, принесшему, по словам

⁷²⁸ НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 64. Л. 27.

⁷²⁹ Там же. Л. 28.

П. Н. Милюкова, «огромную жертву на алтарь родины»⁷³⁰. Шумиха по поводу возвращения в СССР стала стихать еще раньше, практически с отъездом Пешехонова на работу в Прибалтику и, за неимением нового источника-«катализатора», вскоре прекратилась. Со свертыванием в СССР нэпа и ликвидацией любой возможности получить хотя бы минимум объективных данных о происходящем там, эмиграция еще острее почувствовала свою – теперь уже окончательную – оторванность от родины. Впрочем, «отходя» от России все дальше во времени, большинство эмигрантов могло убедиться в мудрости поговорки «время лечит», привыкнув к мысли, что Россия недоступна, а полезная деятельность вполне возможна в свободной, хоть и не родной, социокультурной среде.

Расходящаяся во мнениях, настроениях и местах проживания русская эмиграция становилась все более разрозненной общественно-политически, и это, несомненно, усугублялось отдалением от родины, так что пессимистические предсказания Пешехонова кое в чем были вполне обоснованными. Слияния политических групп Русского Зарубежья никак не получилось. Немало стараний приложил к делу попыток объединения социалистической эмиграции историк С. П. Мельгунов, получивший особенную известность благодаря публикации за рубежом статей и книги о красном терроре. Едва ли не самый активный в организационно-политическом смысле среди энесов-эмигрантов, Мельгунов полагал необходимым создание единого антикоммунистического фронта всего политического спектра русской эмиграции.

Еще перед своим вынужденным отъездом из Советской России С. П. Мельгунов был уполномочен Советом издательского товарищества «Задруги» на открытие заграничного отдела, а вместе с тем – и на распоряжение принадлежавшими ему суммами. Это позволило Мельгунову организовать в Берлине издательство «Ватага» (как подразделение «Задруги»). Член Заграничного комитета ТНСП, Мельгунов в 1923 – 28 гг. издавал совместно с В. А. Мякотиным и Т. А. Полнером историко-литературный журнал «На чужой стороне». В 1925 году Мельгунов переезжает в Прагу, а в 1926 – в Париж, где в издательстве «Н. П. Карбасников» в 1926 – 1928 гг. выпускались его сборники «Голос минувшего на чужой стороне». С 1926 года историк несколько лет принимал участие в издании политического еженедельника «Борьба за Россию», в первую очередь предназначавшегося для распространения в Советской России. Политическая программа еженедельника не только отвергала какие бы то ни было контакты русской эмиграции с Со-

⁷³⁰ Цит. по: Там же. С. 37.

ветской Россией, но и призывала к борьбе с нею в полном соответствии с заявлением самого Мельгунова в печати, что вооруженная борьба – это единственное средство свержения власти большевиков. Против этой программы выступило большинство эмиграции: от П. Н. Милукова до А. Ф. Керенского⁷³¹. Поддержку Мельгунову в этом вопросе оказала только группировка П. Б. Струве. В ходе работы в «Борьбе за Россию» С. П. Мельгунов сотрудничал с офицерскими эмигрантскими организациями и сторонником активных действий против советской власти генералом А. П. Кутеповым, осуществлявшими связь через своих подпольных агентов с «подъёмной Россией». Работа «Борьбы за Россию» оказалась связанной со «Вторым Трестом», принявшим в качестве программы деятельности программу борьбы за Россию С. П. Мельгунова. Советская контрразведка при помощи провокаторов, осведомителей и слежки преуспела в ликвидации этой подпольной организации, и Мельгунову пришлось на некоторое время прекратить направленную против Советской России политическую деятельность. Неудача политических акций и недостаток финансирования привели к концу еженедельника «Борьба за Россию».

В начале 1930 года С. П. Мельгунов написал А. А. Аргунову, очевидно, в ответ на его предложение присоединиться к его организации: «Вступать мне в «Крестьянскую Россию» нет никакого смысла: 1) по моему, в эмиграции надо создавать союз, а не партию; 2) в будущем, например, «трудовая партия» могла бы иметь не меньший успех, чем «Крестьянская Россия»; 3) если бы уход из н.с. в «Крестьянскую Россию» дал бы миллион долларов, тогда променял бы партию»...⁷³² Последняя фраза, возможно, была шуточной и забавной на фоне эмигрантской стесненности в средствах, необходимых для партийных нужд.

Партийная деятельность энесов начала затухать на рубеже 1920 – 30-х гг.; формально же ТНСП просуществовала до 1940 г.

Из тех трудовиков и народных социалистов, кто остался на родине, мало кому удалось полностью адаптироваться к советской действительности. Некоторым (их были единицы) посчастливилось избежать репрессий и добиться жизненных успехов, но это были заслуги в чисто профессиональной сфере – политическая деятельность энесов на родине пресеклась с 1920 г. Среди выживших в СССР бывших членов ТНСП – врачи Н. В. Буянов, Г. В. Державин, Л. В. Карташов, П. Н. Соколов, академик-эпидемиолог Д. В. Заболотный, изобретатель И. В. Мерз-

⁷³¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мельгунов,_Сергей_Петрович

⁷³² ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

ляков. Рекордсменом долгожительства (96 лет) стал профессор-историк А. Н. Ильинский, умерший в Орле в 1976 г.⁷³³

Не прибавлялось с годами согласия и организационной монолитности и в эсеровской среде. Многочисленные расколы, приведшие в конце концов к распаду эсеровской эмиграции, усугубляемые репрессиями против членов ПСР на родине, сопровождали процесс утраты В. М. Черновым политического лидерства среди своих партийных товарищей, хотя его авторитет как ученого-аналитика и публициста отнюдь не падал и, пожалуй, даже рос. Так, в 1925 году в Праге вышла работа Чернова под названием «Конструктивный социализм», не дошедшая до советского читателя из-за наложенного на нее (как, впрочем, и на большинство «антисоветских» писаний эмигрантов) властью запрета. Это одна из наиболее значительных работ Чернова, относящихся к эмигрантскому периоду. По мнению ее автора, социализм проходит в своем развитии три стадии: социализм утопический, научный и конструктивный. По мнению автора, до «конструктивного социализма» Россия не доросла⁷³⁴.

Главными для лидера эсеров в его теоретических построениях в эмигрантский период были две идеи: демократии (народовластия и социальной справедливости) и эволюционного характера общественных трансформаций. Харизма интеллектуального лидерства В. М. Чернова обусловила его особую роль в формировании программных проектов собственной партии и теории демократического социализма в целом.

По мере стабилизации обстановки в советской России политическая активность эсеров уменьшалась не только внутри страны, но и в эмиграции. Однако в середине 1920-х гг., когда усилилась внутривнутрипартийная борьба в ВКП (б), обострились разногласия и в эсеровской эмиграции по поводу судьбы большевистского режима. В 1926 году раскололась Заграничная делегация ПСР, группа Чернова вышла из нее и создала Лигу Нового Востока, объединившую представителей социалистических партий украинцев, белорусов и армян. В марте 1928 года группа Чернова вышла из областного комитета заграничных организаций и образовала Заграничный комитет партии эсеров, продолжавший, по словам Чернова, «старую левоцентрированную ориентировку партии»⁷³⁵.

⁷³³ Политическая элита российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. С. 64–65.

⁷³⁴ Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН, 1999. С. 173.

⁷³⁵ URL: http://studbooks.net/679256/istoriya/neonarodniki_mensheviki_emig

Рассуждая о принципах строительства социализма в СССР, В. М. Чернов сокрушался: «Социализм гуманности, гуманитарный социализм – или социализм экономического автоматизма? Второй без первого – и есть социализм, из которого вынута самая душа его – свобода. Без свободы нет и не может быть вложенного в труд *купного* (так у автора – *О. П.*) начала; и без него и труд не является индивидуальным творчеством, и трудящийся перестает быть человеком во всем высоком значении этого слова, а превращается в живого робота. Большевицкий социализм и является именно таким социализмом роботов»⁷³⁶. Коммунизм Чернов именовал «русским самодержавием навыворот»⁷³⁷. Личный режим Сталина представлялся Чернову «логическим выводом из внутренней тенденции развития, присущей государственному капитализму»⁷³⁸.

Идеолог-демократ был убежден, что у настоящего социализма нет проблемы более сложной и глубокой и в то же время менее разработанной, чем проблема личности в социалистическом обществе. Отношение к этой проблеме, и раньше, в раннеревolutionную пору родившее всех российских демократов, и спустя десятилетие служило индикатором подлинного демократизма и гуманизма людей, живших теперь, казалось бы, в свободном и лично-ориентированном мире. Однако и в Европе, и в Америке, куда многие эмигранты-россияне перебрались в начале Второй мировой войны, этот вопрос не терял для них актуальности.

В период голода начала 1930-х гг. В. М. Чернов пытался подвигнуть эмигрантские силы, уже совсем «пестрые» и разрозненные, на оказание помощи голодающим в СССР. Сохранилась рукопись его статьи, озаглавленной «SOS». Чернов призывал «представителей социалистической эмиграции всех партий и национальностей бывшей Российской империи» отвлечься «от своих законных антипатий к современному диктаторскому режиму» и воззвать к цивилизованному мировому сообществу с горячим призывом спасти от смерти несчастных людей. «Не смущайтесь тем, что ваша помощь пойдет под контролем или даже через руки власти, немилосердно выкачивающей из страны все ее ресурсы и не брезгующей облагать, прямо или косвенно, поборами в свою пользу приходящую извне помощь деньгами или натурой. Мы взываем к эмиграции нашей из СССР, озлобленной и склонной к сознательному “экономическому пораженчеству”: отрекитесь от всякой тени злорадства, умеете отвлечься от самых законных

⁷³⁶ Чернов В. М. Истоки // За свободу. 1947. № 18. С. 13 – 24.

⁷³⁷ Там же. С. 21.

⁷³⁸ URL: http://studbooks.net/679256/istoriya/neonarodniki_mensheviki_emig

мыслей о том, кто виноват в грядущих бедствиях; сейчас не время за-
тяться то единое, о чем прежде всего надо думать и помнить: необходи-
мости накормить терзаемого мучениями голода, подкрепить больно-
го, спасти умирающего»⁷³⁹.

Рассуждая об объединении социалистических сил в XX в., Чернов видел необходимость в поиске общего достояния, которым мог бы обогатиться социализм в результате тяжелого, но богатого опыта кризисов, войн и революций. Эсер подразумевал под этим в первую очередь расширение базы социалистического движения: необходимо, отбросив ставшие не столь существенными разночтения, сосредоточиться на общей платформе, что может объединить всех социалистов, лишь бы они были демократами. Новый, современный социализм должен быть «не узко-пролетарским, а широким «лабуристским» (от английского labour – *О. П.*), а потому и глубоко человеческим, гуманистическим социализмом. Ибо трудовое начало не суживает в нем общечеловеческого начала. Труд – проявление живой созидательной энергии – неразлучен с существованием человека»⁷⁴⁰. Народники и всегда настаивали на комплексном, демократическом понимании «трудового элемента», «трудового народа», а в международном социализме межвоенной поры они видели потенциал для поддержки своих убеждений. Отто Бауэр, которому приписывается авторство термина «демократический социализм», предложил для обозначения солидарности социалистов всех толков словосочетание «интегральный социализм». Этот акцент должен был указывать на завершение эры социализма «пролетарского», преодолеть односторонность и социал-демократии, и коммунизма, привести к единству все эти «социализмы». Замысел австрийского социалиста Чернов сравнил с поиском квадратуры круга, считая, что на столь примиренческой основе объединение всех социалистов невозможно: «Приравняв демократический социализм к легализму и реформизму, он (Бауэр – *О. П.*) ставит знак равенства между революционным социализмом и русским большевизмом. Основным несчастьем международного социализма он считает развитие в диаметрально противоположном направлении двух революций: русской, давшей торжество большевистской диктатуры, и немецкой, ставшей на рельсы Веймарской буржуазно-демократической республики»⁷⁴¹. Чернов утверждал, что последовательная демократия – не бесхребетная вседозволенность всего и для всех. Она не только допускает, но и требует, чтобы использование демократических прав и вольностей было

⁷³⁹ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.

⁷⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 17. Л. 189.

⁷⁴¹ Там же. Л. 209.

отнято у тех, кто не признает связанных с ними обязанностей – уважать права и вольности других. Ведь марксизм «в громадном большинстве европейских стран вполне освоился с ролью постоянного защитника демократических учреждений»⁷⁴². Эти слова – не что иное, как упрек в адрес европейского социалистического движения за его индифферентную позицию в отношении большевиков, за потерю им оппозиционного пафоса, возмущение равнодушием демократов Европы к делу уничтожения остатков свободы и человеческого достоинства в СССР. «Целая партия, – писал Чернов, – умысел которой состоит в лишении других партий демократических прав, как только этот умысел раскрыт и доказан, может и должна быть обезврежена, разоружена и наказана»⁷⁴³.

Близким к идеалу Чернову представлялся «северный» вариант социализма, основные черты которого он характеризовал так (приведем документ практически полностью):

«1) Последовательно демократический социализм, отвергающий пути диктатуры и идущий к власти через власть над умами и сердцами всенародного большинства.

2) Социализм, стремящийся к объединению всех слоев трудящегося и эксплуатируемого буржуазным строем населения.

3) Конструктивный социализм, требующий, чтобы всякая критика была чревата указанием положительных мер в соответствующей области социальной, политической или культурной жизни.

4) Социалистический планизм.

5) Социалистический активизм.

6) Антидогматический социализм.

7) Экспериментальный социализм, доверяющий более всего практическому опыту коллективного массового строительства новых учреждений, воплощающих в себе новое трудовое правосознание и трудовую мораль.

8) Пацифистский социализм, ставящий на первый план заботу о «мире во всем мире», но не отступающий перед проведением всякого рода санкций против нарушения мира.

9) Гуманитарный социализм, ставящий во главу угла живую человеческую личность.

10) Интернациональный социализм»⁷⁴⁴.

Пожалуй, создавая эту модель социалистического «идеала», Чернов, как и большинство его соотечественников – эмигрантов первой

⁷⁴² Там же. Л. 216.

⁷⁴³ Там же.

⁷⁴⁴ Там же. Л. 243.

волны, оставшихся в живых к середине XX в., чувствовал себя больше частью демократического человечества, чем русским революционером. В его поздних работах чисто национального уже практически нет. Думается, что европейская, а затем и американская социокультурная среда способствовали развитию в русских, по сравнению с уроженцами Запада не очень склонными отрешаться от «своего» чего бы то ни было группового (классового, национального и т.п.), подлинного интернационализма и даже – в хорошем смысле – космополитизма. Заметим также, что некоторые мысли и выражения Чернова из приведенных выше звучат необыкновенно современно, словно сошли со страниц экранов сегодняшних СМИ. Также поражает неутомимость, энергия деятелей российского демократического социализма, когда, достигнув очень почтенного возраста, проведя чуть ли не большую часть жизни в инокультурном и иноязычном социуме, наладив (кто-то лучше, кто-то хуже) свой эмигрантский быт, они не перестали интересоваться вопросами, захватившими их еще в юности, остались в целом верными своим идеалам и продолжали переживать свои взлеты и падения в мемуарах. «Если бы молодость знала, если бы старость могла» – такой лейтмотив нетрудно уловить в тысячах мемуарных, публицистических, эпистолярных страниц.

С утверждением в СССР единоличной диктатуры Сталина уже сточилась внутренняя политика страны, что полностью отрезало ее от внешнего мира и окончательно лишило эмиграцию возможности осуществлять всякие контакты с Советской Россией. В СССР люди панически боялись упоминать о существовании за границей родственников, наличие которых могло повлечь страшные последствия для советского гражданина. Как писал в 1930 г. один из лидеров меньшевиков И. Г. Церетели своему соратнику по партии Б. И. Николаевскому, «что-то кошмарное творится в России – даже большевистская партия кажется чем-то высшим в сравнении со сталинской бандой, которая теперь «правит» Россией на развалинах не только всех других партий, но и ленинской, которая разгромлена до основания»⁷⁴⁵. Советские лидеры охотно руководствовались «рекомендациями», данными еще Н. Макиавелли в начале XVI в. и неприемлемыми для скрупулезных в этическом смысле русских демократических социалистов, чей властный опыт, впрочем, был очень недолгим: «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит

⁷⁴⁵ Из архива Б. И. Николаевского. Переписка с И. Г. Церетели 1923 – 1958 гг. Вып. 2; Письма 1931 – 1958 гг. Русский революционный архив / Рабочая группа: П. Ю. Савельев (рук.), Р. М. Гайнуллина, А. Ч. Ким, Н. В. Макаров, А. П. Ненароков, Л. Сорока. М.: Памятники исторической мысли, 2012.

его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание» и особенно «Мудрый правитель и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии»⁷⁴⁶. Думается, второе изречение вовсе не нуждается в комментариях: внутрипартийная борьба, начавшаяся в ВКП(б) в 1920-х и последующая репрессивная фантазматика – настоящая хрестоматия применения этих «уроков» на практике.

Иллюстрацией восприятия советского государства большинством деятелей демократического социализма в эмиграции (за исключением «возвращенцев») вполне могут послужить слова А. И. Герцена, регулярно цитируемые в публицистике Русского зарубежья: «Мы не можем привыкнуть к этой страшной, кровавой, безобразной, бесчеловечной, наглой на язык России... Ненависть, отвращение поселяет к себе Россия. От нее горишь тем разлагающим, отравленным стыдом, который чувствует любящий сын, встречая пьяную мать свою, кутящую в публичном доме»⁷⁴⁷.

6.3. В НОВОМ СВЕТЕ

Нападение Германии на СССР породило новое размежевание среди эмигрантов. Большинство заняло оборонческую, патриотическую позицию. Некоторые выразили безоговорочную поддержку СССР (П. Милюков, В. Сухомлин), но большинство отделяло советский народ от сталинского руководства и надеялось, что победа станет импульсом к демократизации государственного и общественного строя СССР (Н. Авксентьев, М. Вишняк, В. Зензинов, А. Керенский, В. Чернов). Последний еще с середины 1930-х гг., видя нарастание фашистской угрозы, стал выступать за создание с участием коммунистов антифашистского народного фронта. С приходом гитлеровских войск во Францию большая часть русской эмиграции, чтобы избежать преследований как советские агенты (а кто, будучи евреем, спасаясь от физического уничтожения), вынуждена была перебраться в Америку. Нужно отдать должное Америке: для русских эмигрантов первой волны она вовсе не оказалась «мачехой», приняв знаменитых борцов с большевизмом очень радушно и произведя на них самое благоприятное впечатление. Однако расставание с Европой, уже привычной, обжитой, ставшей почти родной, конечно, давалось нелегко. «Наша давняя любовь к Франции... к этому утраченному раю... – писал В. М. Чернов

⁷⁴⁶ Цит. по: Политология: учебное пособие / под ред. М. А. Василика. СПб.: Пионер; М.: Астрель, 2005. С. 44–45.

⁷⁴⁷ Цит. по: Вишняк М. В. Государство по Ленину и под Сталиным. С. 33.

вдове Н. С. Русанова М. И. Моллар. – А с другой стороны, наше желание обрести обстановку более нормальную, более спокойную в Новом Свете, свободном от большевизма всех сортов и других «измов», включая чистый и свободный гуманизм»⁷⁴⁸. Обустроившись в Нью-Йорке, Чернов снова пишет М. И. Моллар: «...Жизнь здесь замечательная, мы даже испытываем угрызения совести: здесь почти не чувствуется, что где-то идет война. В то время как наша бедная Европа и особенно наша бедная, но всегда стойкая и героическая Россия страдают так ужасно!»⁷⁴⁹. И еще: «Ничего, абсолютно ничего не вызывает даже тени мыслей о мировой драме, охватившей половину земного шара... Даже дискуссии, иногда весьма оживленные, между жителями страны о поддержке военных действий похожи я не знаю на что – как будто речь идет о южном полюсе или другой планете... Стыдно, что у нас есть такие вкусные вещи, весь этот ультрасовременный комфорт, в то время как...»⁷⁵⁰

Последним этапом существования эсеров как автономной политической силы была их деятельность при ежемесячном журнале «За свободу», издававшемся под редакцией В. М. Зензинова в Нью-Йорке в 1941 – 48 гг. (всего вышло 18 номеров). Журнал позиционировал себя как «издание Нью-Йоркской группы Партии социалистов-революционеров». В эту группу входили Н. Д. Авксентьев, В. М. Чернов, М. В. Вишняк, М. Л. Слоним, В. В. Сухомлин и др. В первом номере, датированном маем 1941 г., говорилось: «Мы – всего лишь маленький отряд когда-то большой армии, б. м., единственная сейчас горсточка партийных эсеров, партийная организация социалистов-революционеров»⁷⁵¹.

Победа СССР и укрепление его международного положения окончательно лишили политической перспективы постаревшую эмиграцию, сгладили внутренние различия в ее среде. В 1952 году Вишняк, Зензинов, Чернов, в числе 14 старых русских социалистов, оставшихся к тому времени в живых, подписали обращение с призывом к созданию «единой партии демократического социализма в России»⁷⁵², где, в частности, имелись такие слова: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что «социализм» без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все ста-

⁷⁴⁸ НИОР РГБ, Ф. 678. К. 3. Д. 41. Л. 31.

⁷⁴⁹ Там же. Л. 33.

⁷⁵⁰ Там же. Лл. 34–35.

⁷⁵¹ Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.). СПб., 2008. С. 285.

⁷⁵² Судьбы демократического социализма в России. С. 5.

рые споры и взаимоотношения между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое название социализма»⁷⁵³. В этом обращении меньшевики и «эсеры уже не трактовались как «друзья-враги», а признаны были «родственным течением», призванным в послебольшевистской России влиться в «единую социалистическую партию, широкую, терпимую, гуманитарную и свободолобивую»⁷⁵⁴. Обращение подчеркивало одновременно архаичность многого, что разделяло в течение полувека марксистов и народников, созданные ими партии. «История сняла вопросы о путях развития России; о возможности для нее миновать буржуазно-капиталистическую стадию в силу особых свойств русского крестьянства; о роли личности в истории и роли крестьянства как активного фактора в революции и приближении к социализму»⁷⁵⁵. Хотя это заявление содержало много мудрости и терпимости, которых так не хватало демократическим социалистам на заре и на пике их карьеры, в период практического приложения созидательных сил и творческого потенциала, оно явно запоздало. В 1970 году один из последних долгожителей-социалистов М. В. Вишняк сказал: «Наша и предшествовавшая нашему поколению российская интеллигенция оказалась в числе тех, кого французы называют «защитниками проигрышных дел» или среди «великих неудачников» XX в., невзирая на все частичные достижения и временные удачи, как и бескорыстную жертвенность»⁷⁵⁶. Постреволюционная эмиграция окончательно пресекалась физически в середине 1970-х гг.

Подводя итог размышлениям о причинах неудачи деятелей демократического социализма как лидеров общероссийского масштаба, следует согласиться с А. И. Аврусом и А. П. Новиковым, написавшими о В. М. Чернове: «ему не хватало твердости, жесткости, аморализма, которые оказались столь необходимыми в условиях революции и Гражданской войны в России». Эти слова можно с полным правом отнести и к другим видным деятелям отечественного демократического социализма – Керенскому, Мартову, Церетели, Пешехонову и про-

⁷⁵³ Цит. по: Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. конф. / предисл. К. Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37 – 56.

⁷⁵⁴ Вишняк М. В. Годы эмиграции [Электронный ресурс]. NY, 1970. URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires.htm>. С. 217.

⁷⁵⁵ Там же.

⁷⁵⁶ Там же. С. 263–264.

чим... Несмотря на некоторые моральные «оговорки», допущение в крайних случаях радикальных методов деятельности, неточность политических расчетов и вполне объяснимые человеческие слабости типа честолюбия, деятели демократического социализма сегодня предстают перед нами скорее как положительные «герои», чем злые гении России. Можно, следуя советским шаблонам, рассматривать их как политических недотеп, которым именно недостаток жесткости и принципиальности помешал, на радость большевикам, достичь своей цели (т.е. власти). В качестве примеров нередко поминают пресловутый всегдашний «центризм» Чернова в своей партии, «центризм» энесов между эсерами и кадетами, «мягкость» меньшевиков и т.п. Однако нельзя говорить, что недостаток жесточайшего радикализма – обязательно признак отсутствия твердости взглядов и принципиальности политической позиции. Нежелание отступить от своих базовых принципов и убеждений – разве не показатель твердости позиции? Именно черты, характеризующие человеческую сущность демократических лидеров, невозможность для них пренебречь морально-нравственной стороной дела, способность к политической эмпатии, позволявшая им налаживать межпартийное сотрудничество и пересматривать свои идейные представления в контексте исторических перемен показывают, что в нормальной, а не стрессовой общественно-политической обстановке, с неизбежным накоплением публично-политического, парламентского, легального опыта и поступательным ростом гражданской культуры в стране, у российских демократических социалистов были бы гораздо лучшие перспективы, чем доставшиеся им в реальности. К сожалению, демократический вариант социализма в целом не сумел пробить себе дороги в России, так как не сумел предложить реальной альтернативы большевизму. Причины провала демократической социалистической альтернативы можно найти и в традиционной авторитарной культуре России, и в катастрофических социальных условиях, вызванных Гражданской войной, и в действиях большевиков и белых режимов. По оценке А. В. Суслова, «в итоге именно большевики сумели соединить социалистическую доктрину, пришедшую с Запада и являющуюся проявлением “модернити”, с традиционными российскими ценностями»⁷⁵⁷. При всем определенном сходстве ценностных установок у разных партий демократического социализма в России,

⁷⁵⁷ Суслов А. В. Рецензия: Аврус А. И., Новиков А. П. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.istorex.ru/page/suslov_av_retsenziya_avrus_a_i_novikov_a_p_ot_hvalinska_do_nyu-yorka_zhizn_i_obschestvenno-politicheskaya_deyatelnost_v_m_chernov

межпартийная конкуренция и – увы! – политическая недалекость не позволили социалистам-демократам своевременно и оперативно выработать на основе своих программ единого плана модернизации России.

Социалистические партии в послеоктябрьской России стали первыми разоблачителями антидемократического характера большевизма. Эмигрантский период, на который пришлась значительная часть жизни ряда крупных деятелей демократического социализма, стал временем не только эмоционального, но и научно-философского анализа ими своего не слишком удачного политического опыта и, напротив, неожиданно успешного опыта большевизма. Хотя происхождение «господ социалистов» – демократов и «товарищей социалистов» – большевиков – из одной социокультурной (точнее, политико-культурной) среды налицо. И те, и другие для дискредитации противника пользовались схожей лексикой, обвиняя друг друга в «контрреволюции», «предательстве интересов рабочего класса» и т.п. По справедливому мнению А. Ю. Сулова, «генетически общее смысловое поле российской традиции XIX в. ограничивало потенциальные возможности антибольшевистского сопротивления»⁷⁵⁸. «„Проигравшие” и “победители”, – отмечает А. П. Ненароков, – в доказательство правомерности своих итогов использовали примерно одну систему доказательств. Приводили одни и те же факты. Называли одних и тех же действующих лиц»⁷⁵⁹. Тем не менее, и до, и особенно после 1917 г. субкультуры двух «социализмов» – большевистского и демократического – расходились все дальше. Отношение к демократии (в том числе внутри собственных партий) стало водоразделом, приведшим к ожесточенным столкновениям представителей этих разновидностей социалистической идеологии. Тактически победу тогда одержали большевики, однако нравственная победа, «стратегическая», подтвержденная историческим опытом, досталась демократам, которые, несмотря на свои объективные и субъективные слабости, в разных общественно-политических условиях и жизненных обстоятельствах неизменно старались сохранять верность главным своим идеям: любви к России, преданности социалистическому идеалу, невозможному без простой человеческой свободы.

Эмиграция, при всех ее тяготах и невзгодах, сохранила и продлила физическую и политическую жизнь своих представителей. Великая русская эмиграция не только сберегла свою национальную самоцен-

⁷⁵⁸ Сулов А. В. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. С. 13.

⁷⁵⁹ Цит. по: Там же. С. 24.

ность, но и сыграла роль контрэлиты по отношению к советской правящей элите, имея возможность легальной деятельности. Вклад отечественных представителей демократического социализма в развитие этого идеологического направления, в том числе в международном масштабе, как и их культурное наследие, бесспорно, является весьма оригинальным и ценным. Уроки, преподнесенные историей в «очной» форме русским деятелям демократического социализма, при условии их внимательного изучения и творческого осмысления могут быть очень полезны современным и даже будущим политикам, ратующим за необходимость строительства гражданского общества и правового государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, отечественный демократический социализм был в немалой степени «детищем» наличествовавшей в России политической культуры (вернее, из-за неоднородности последней – «плодом» лучшего, наиболее передового ее сегмента). В то же время его деятели очень усердно и, принимая во внимание общую инертность русского сознания, сами довольно успешно старались двигать эту культуру вперед и вширь, преодолевая косность, отсталость «масс», с которыми демократам приходилось работать в поисках общественной поддержки. Видные и рядовые представители российских партий демократического социализма заботились как о собственном интеллектуальном, идейном, духовном развитии (это показывают статистические данные, свидетельствующие о демократизации политической элиты), так и о развитии своих «последователей», на которых ими делалась политическая ставка. Учитывая относительно небольшой срок, который был им дан историей, результаты их работы, а не в меньшей степени и замыслы, которые, к сожалению, остались неосуществленными, заслуживают, на наш взгляд, высокой оценки. При этом следует помнить, что росту общественной активности сопутствовали процессы модернизации в стране, без которых представителям демократического авангарда России, вероятно, не удалось бы сделать и половины того, что было сделано.

Для политической культуры современного демократического общества, приближающегося к высокому званию «гражданского», характерны следующие признаки:

– *плюрализм*, трактуемый как многовариантность независимых и не сводимых друг к другу точек зрения (позиций, мнений, взглядов), связанных со всеми сферами общественной жизни. Плюралистическая демократия позволяет рассматривать политическую систему как арену столкновения конкурирующих групп (союзов, коалиций, соглашений). Это предполагает, с одной стороны, противоборство политических сил, преследующих часто противоположные цели и задачи, а с другой – политическое сотрудничество, предусматривающее решение об-

щих задач и проблем. На практике эти формы политических отношений переплетаются, уравновешивая друг друга и удерживая в равновесии всю политическую систему;

– *политическая толерантность*, означающая терпимость к иным политическим взглядам (чужому поведению, чувствам, мнениям, идеям, верованиям). Она обуславливает возможность легальной борьбы за власть, существование легальной оппозиции, согласие между политическими силами общества относительно соблюдения «правил игры» в политической сфере. Особенно важно соблюдение этого принципа в периоды крупных политических кампаний, политических кризисов;

– *искусство диалога и компромисса*. Результатом диалога является компромисс. Искусство идти на компромисс – одно из важнейших качеств политической культуры, а компромисс – незаменимый инструмент баланса интересов. Суть его – в способности четко представить приоритет целей, не бояться сегодняшних минусов, если завтра благодаря этому можно получить серьезные плюсы;

– *легитимность* – признание гражданами своей обязанности подчиняться правительству, вытекающее из уверенности в том, что правительство пришло к власти законным путем, что оно будет пользоваться властью в соответствии с установленными законами и традициями, в соответствии с интересами населения. Чем выше легитимность, тем меньше насилия и принуждения в обществе.

Процесс формирования политической культуры сложный и длительный. В нем большую роль играет политическая традиция, придающая политическим ценностям конкретно-историческое и национальное содержание. В России есть свои политические традиции, корни которых в самобытности российской истории и русского национального характера, «в верованиях народа». Многие из традиционного, с чем боролись «герои» нашего повествования и от чего, увы, не были застрахованы сами, легко узнаваемо и сейчас, в XXI в., в эпоху перехода общества в постиндустриальную стадию социально-экономического развития. Это, конечно, «ценности коммунитаризма, приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свобо-

ды»⁷⁶⁰; до сих пор довольно индифферентное отношение большинства населения к политическому участию; персонализированное восприятие власти; неверие в представительные органы власти, тяготение к исполнительным функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью; подданническое отношение к власти; правовой нигилизм; нетерпимость к иным мнениям, принципам, нежели собственные; не критическое восприятие зарубежного (главным образом, западного) опыта, копирование его малоподходящих к российской действительности образцов; неприятие консенсусных технологий, предрасположенность к конфликтной политической деятельности с применением силовых методов разрешения конфликтов. Для того чтобы приобщиться к сообществу демократической, гражданской культуры, отечественным политическим и общественным деятелям совершенно необходимо развить такие умения, как ведение полемики и дискуссии с использованием цивилизованных приемов, убеждение и переубеждение оппонентов при помощи рациональной аргументации, применение активных форм давления на власть «снизу», при посредстве эффективных и решительных методов влияния, где залогом успеха станут мобилизованность, солидарность, взаимопомощь населения, его социальные организации. В подлинно демократическом обществе, как отмечают современные обществоведы и гуманитарии, политическая активность «должна быть проникнута демократическим духом и идеологией, уважением к достоинству человека»⁷⁶¹.

Перспективы политической системы как регулятора социальной жизни общества представляются достаточно оптимистичными, хотя управление сложным современным обществом потребует большего государственного вмешательства и регулирования. Государство сможет эффективно выполнять свои функции только в том случае, если оно окажется способным объединить граждан и всех субъектов политической системы, политики вокруг общего интереса. В силах государства может оказаться решение проблемы конструирования основ-

⁷⁶⁰ Пикалов Г. А. Теория политической культуры: учебное пособие. СПб., 2004. С. 148–149.

⁷⁶¹ Митрошенков О. А. Отношение населения и госслужащих к существующему правопорядку // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 113.

ных духовных ценностей общества с учетом как неотъемлемых черт его ментальности, так и социокультурных, идейно-политических новаций, появляющихся по велению времени.

Ведущий теоретик европейского демократического социализма второй половины XX в. немец Вилли Айхлер одну из своих программных статей назвал «Демократия как лучшая и сложнейшая форма общества». В ней автор говорит, что демократия состоится в полном смысле лишь тогда, когда в обществе появится гражданин, способный разбираться в происходящем вокруг и брать на себя всю долю ответственности за происходящее в обществе.

Как создать такого зрелого гражданина? Конечно, воспитанием таких людей должно заниматься общество – через избранные демократическим способом государственные институты. Айхлер настаивает на неприменимом соединении политики и нравственности, что предъявляет высокие требования к человеку, вступающему в политику. Именно тот, кто стремится ввести в общественную и частную жизнь нравственные и духовные критерии, должен быть сам воспитан таким образом, чтобы эти критерии стали неотъемлемыми элементами его собственной жизни.

Что есть личность? В чем смысл ее существования? – задается вопросом Айхлер, и тут же находит ответ: быть непременно счастливым – это не высшая цель жизни, высшая цель – это «личность, которая стремится жить в соответствии с достоинством, чтобы можно было уважать самого себя, и которая хочет обладать достаточными средствами, чтобы иметь возможность устроить свою жизнь достойно и свободно»⁷⁶².

К таким же выводам, высказанным в разных формах, еще ранее пришли и представители российского демократического социализма. В этом смысле Россия отнюдь не являлась периферией «производства передовых идей» – политический опыт ее деятелей-демократов, несмотря на не всегда приемлемые для открытой и конструктивной деятельности общественно-политические условия, может послужить об-

⁷⁶² Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия: Избранные труды / предисл. Б. Орлова. М.: ИВФ Антал, 1996. С. 9.

разцом истинной любви к своей стране и ее народу, а также примером верности идеалам социализма и демократии.

Сегодня демократический социализм как идейно-политический феномен не случайно интересует историков и политологов: его ценностные приоритеты и методы достижения программных целей, как показал европейский опыт, оптимальны для определения путей развития и совершенствования гражданского общества, правового государства, формирования демократической политической культуры. Российский вариант демократического социализма, предложенный еще в первой четверти XX в., также может дать немало рекомендаций по воспитанию гражданского самосознания и правосознания, привитию этических принципов политикам, а, главное, может послужить примером неподдельной любви к народу и желания сделать его жизнь лучше, легче, справедливее.

Научное издание

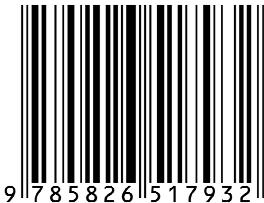
Протасова Ольга Львовна

**ДЕЯТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Монография

Компьютерное макетирование М. А. Евсейчевой
Редактирование Е. С. Мордасовой

ISBN 978-5-8265-1793-2



Подписано в печать 20.10.2017.
Формат 60 × 84 / 16. 15,81 усл. печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 306

Издательско-полиграфический центр
ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, к. 14
Телефон 8(4752)63-81-08
E-mail: izdatelstvo@admin.tstu.ru